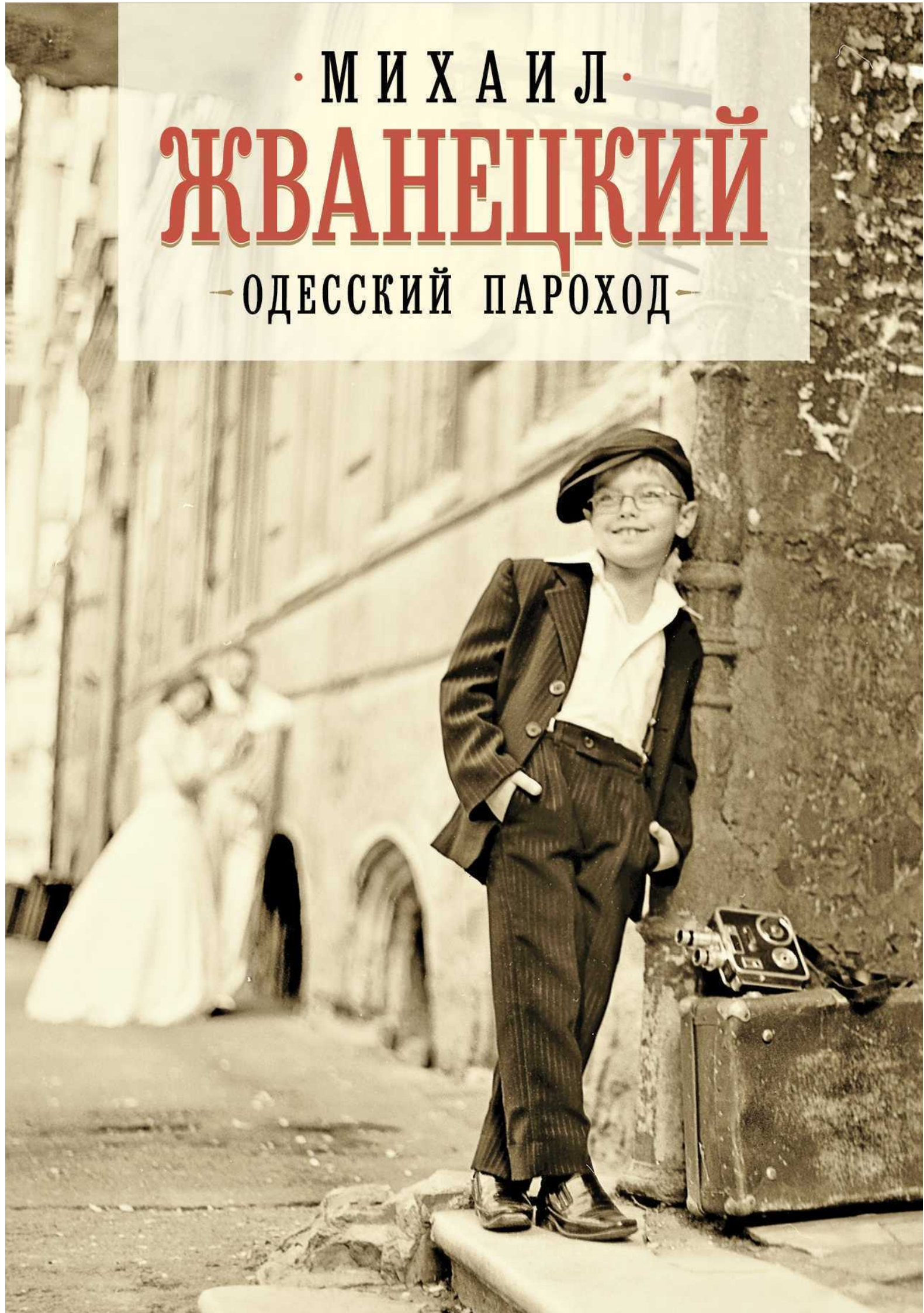

· МИХАИЛ ·
ЖВАНЕЦКИЙ
— ОДЕССКИЙ ПАРОХОД —

Михаил Жванецкий
Одесский пароход

«ЭКСМО»

1960-1990

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Жванецкий М. М.

Одесский пароход / М. М. Жванецкий — «Эксмо», 1960-1990

ISBN 978-5-04-110572-3

Михаил Михайлович Жванецкий родился и вырос в солнечной Одессе, и каждый год он проводит в своем родном городе несколько месяцев. Теплом и светом Одессы автор щедро делится с нами. В этом сборнике его незабываемые «Авас», «В Греческом зале», «Одесский пароход», «Собрание на ликеро-водочном заводе», «Свадьба на сто семьдесят человек», «Консерватория», «Нормально, Григорий! Отлично, Константин!» и еще много широко известных произведений. Он гений, феномен, создатель не имеющего аналогов ни в литературе, ни на сцене жанра – «Жванецкий». Существует мнение, что Жванецкий – своеобразный поэт. Да, он не пишет стихов, ни в рифму, ни белых. Но тем не менее он – поэт! Все, что он пишет, льется из глубины его души как сплошной лирический монолог. Степень откровенности предельная, как у настоящих поэтов. В его вещах слышна его интонация. Как у большинства поэтов – единственная, искренняя. Да, он светлый поэт, в его стихах нет безысходности, они полны надежды и жизни, полны солнца.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110572-3

© Жванецкий М. М., 1960-1990
© Эксмо, 1960-1990

Содержание

От автора	7
Действительно	8
Шестидесятые	16
Молчание – золото!	17
Личный опыт	18
Разговор по поводу	19
Полезные советы	20
Время больших перемещений	21
Помолодеть	22
Спасибо вам всем, спасибо!	25
Скромность	26
Вечерний разговор	28
Подопытный	29
Вся наша жизнь – спорт	30
Феня, моя жена	31
Авас	33
Спокойно, товарищи	36
Снизим растущие потребности!	37
Диета	39
Грипп	40
Мальчики, схватимся и побежим [1]	41
Подруги	42
Одинокий	43
Поменьше юмору, граждане!	44
Склероз	47
Вперед	48
Не пойму, что с людьми происходит	49
День, полный жизни	50
Не надо было	52
Только приятное	53
Молчание вслух	55
Хочу быть физиком	60
Физкультурно одаренный	61
Лежачих не бьют	62
Безграничные возможности	64
Наш старичок	65
У меня все хорошо	66
Холодно	69
Слова. Слова...	70
В мире животных	73
Давайте копать!	81
Странный мальчик	82
Города	83
Расцвет сатиры	85
Читаю в «Вечерке»	86
Есть счастье, есть!	87

Пишу и кладу в папочку	90
Как лечат стариков	91
Сила слова	92
В век техники	93
Диспут	96
Берегите бюрократов	101
Что охраняешь, товарищ?	103
Новички	104
Ваше здоровье?	107
Пить вредно	109
Все мы движемся, движимые желанием...	111
Блеск, Паша	113
Письма в театр	116
Монолог искреннего человека	119
Спрос – сбыт	120
Скажи им, что ты Витя	121
Я жду	123
Она	124
Белый свет	125
В греческом зале	126
Дефицит	129
Дай ручку, внучек!	131
О воспитании	133
Для вас, женщины	136
Сосредоточенные размышления	138
Два дурака	139
Одесса	142
Холера в Одессе	144
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Михаил Михайлович Жванецкий

Одесский пароход

© М. Жванецкий, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

От автора

Я не собирался быть писателем и, видимо, им не стал. Правда, в молодости была какая-то веселость, привычка к смеху вокруг себя.

Мы смеемся вместе. Вы смешите меня, потом этим же я смешу вас. Приятно, что мои рассказы стали привлекать публику, для чего большое значение имеет интонация. Мы так и жили все эти годы: говорили одно, думали другое, пели третье. Опровергали слова жестом, придавали другой смысл интонацией, и самому хотелось уцелеть и сохранить сказанное.

Три-четыре раза что-то печатали, но после публикации компания как-то рассыпалась.

А еще, говорят, это нельзя читать глазами. А чем? Мне нетрудно было читать вслух, и я ушел на сцену. Нашел свой школьный легкий портфель, набил руку, появилось актерское мастерство. Начал подмигивать и ругаться, если кто-то что-то не понимал: ну и публика сегодня. По рукам пошли записи. «Эх, – вздыхало начальство, – вы способный человек, но эти пленки...» А что мне с пленками – издавайте.

Я пытался расставить написанное последовательно или по темам. Чем можно связать разрозненное? Своей жизнью. Концовку додумаете сами.

А я, разбив написанное на несколько глав, приглашаю вас к чтению. Если будет трудно читать, мой голос поможет вам, как вы помогли мне все мои трудные годы.

Действительно

Действительно. Данные потрясают своей безжалостностью. Тридцать пять років творческой, тридцать пять років производственной деятельности и где-то шестьдесят общей жизни с ее цветными и бесцветными страницами. Как же прошли эти двадцать пять, если считать с 88-го, и тридцать пять, если с 54-го года.

Позвольте перейти к общим рассуждениям. Хочется сказать: в наших биографиях отразилась биография всей страны, годы застоя были для нас годами расцвета, то есть годы нашего расцвета пришлись как раз на годы застоя.

В голове фраза: «Раньше подполье было в застолье, потом застолье в подполье».

Я сам, будучи большим противником дат, юбилеев, годовщин, паспортов, удостоверений и фотографий, никак не желаю подводить итоги, ибо после этого как-то неудобно жить дальше.

Познакомились мы с Ильченко где-то в 54-м году. Я их всех постарше буду. У нас, значит, так: Роман поярче на сцене, Виктор – в жизни, я весь в мечтаниях, поэтому меня надувает каждый, на что я непрерывно жалуясь через монологи и миниатюры.

То, что творится на сцене, вам видно самим, поэтому про Ильченко. То есть человек, перегруженный массой разнообразных знаний. Там есть и как зажарить, и как проехать, и как сесть в тумане, и куски из немецкой литературы, какие-то обрывки римского права. Плохо, что эти знания никому не нужны, и даже женщины любят нас за другое, а напрасно. Мне нравятся в Ильченко большая решительность, безапелляционность, жажда действовать, что безумно завораживает тех, кто его не знает.

Приехал он в Одессу чуть ли не из Борисоглебска, аристократически прельщенный шумом и запахом морской волны. Я сидел в Одессе, тоже прельщенный этим, и мы сошлись. Извините, у меня все время в голове фраза: «Партия вам не проходной двор...» Секундочку...

Так вот, с детства мы трое мечтали связать свою жизнь с морем и связывались с ним неоднократно, но мечту осуществим, видимо, сразу после жизни.

Роман знает значительно меньше, но все применяет, я знаю мало, но применяю больше. А Ильченко свои знания никогда применить не может, поэтому тащит их за собой и пугает ими одиноких женщин. Тем не менее сколько написано по его идеям и хорошего, и плохого, сколько неудачных миниатюр создано по его замыслам. Нельзя также не отметить облагораживающую роль его фамилии в нашей тройке.

Представляете: Кац, Жванецкий и Ильченко! Расцветает снизу вверх. Извините, эта фраза: «Партия вам не проходной двор, товарищи! Закройте дверь, мы закончили разговор!.. Что у вас там?..»

Мы с Ильченко познакомились где-то в 54-м году в Одессе, а с Карцевым сошлись где-то в 1960 году. И конечно, конечно, наша жизнь всю жизнь была связана с Ленинградом. Без лести скажу, здесь как нигде публика чувствует талант, и так же безошибочно его чуяло начальство.

Как появились мы в 58-м году на этой сцене, так перманентно и продолжаем и до сих пор. Как тяжело даются слова: «тридцать лет тому назад». И хотя эту молодость не назовешь счастливой, но что нам был дождь, что снег, что проспект Металлистов, когда у нас впереди была репетиция с Райкиным.

В 60-м Райкин приехал в Одессу, мы ему опять показали себя, и я видел, как на сцене тронулся Кац, как он сошел с ума, что-то с ним стряслось: остановившийся взгляд, сумасшедший вид.

– Что с тобой? – спросил я заботливо-завистливо, как всегда.

– Астахов передал, что Райкин передал: завтра прийти в санаторий Чкалова в одиннадцать утра.

Для человека, с трех раз не попавшего в низшее цирковое, для человека, шесть раз посылавшего свои фото в обнаженном виде в разные цирки страны с оплаченным отказом, это перенести было невозможно. И он сошел с ума.

Райкин добил его, дав ему арбуз и отпечатанное в типографии заявление: «Прошу принять меня на работу...» Осталась только подпись, которую не было сил поставить.

На первом этаже дома по улице Ласточкина был дан ужин в честь великого и народного артиста РСФСР Райкина. Наша самодеятельность прикинула к окнам, Ромын батька, футболист и партизан Аншель Кац, разносил рыбу и разливал коньяк. Мать двоих детей Каца сыпала в бульон мондалах, сосед по коммуналке, районный прокурор Козуб, в коридор от ненависти не выходил, ибо опять они здесь что-то затевают.

Райкин был нечеловечески красив – это он умел. Песочные брюки, кофейный пиджак, платочек и сорочка – тонкий довоенный шелк, и это при таком успехе, и это при такой славе, и это у Каца дома, и это вынести было невозможно, и мы молча пошли на бульвар и молча пошли на работу. Особенно я. Я тогда работал сменным механиком по портовым кранам и уже получал сто пять рублей.

В голове вертится фраза:

– Почем клубника?

– Уже шесть.

– Простите, вчера была пять.

– Я же говорю, уже шесть.

Первым сошел с ума Кац, вторым я. Я стал получать его письма в стиле апреля 1960 года и с тем же правописанием.

«И тогда сказал Аркадий Исаакович: «Сейчас мы едем прописываться», – и мы сели в большую черную машину, не знаю, как она называется, и поехали в управление, и он сказал: «Посиди», и он зашел к генералу, а я совсем немного посидел, и он вышел и сказал: «Все в порядке», – и мы поехали обратно, и нас все узнавали, и мы ехали такие счастливые».

Как мне было хорошо читать эти письма, сидя на куче угля, прячась от начальства, и только один раз пришло письмо вдвое толще, в том же библейском стиле:

«И тогда он сказал мне: «Завтра у нас шефский концерт, может, ты попробуешь что-нибудь свое?» И я прочел твой монолог, и его хорошо принимали, и он сказал: «Мы включим тебя с этим монологом в избранное». Я посылаю тебе программку, посмотри там в глубине».

И только тут я заметил, что держу во второй или в третьей руке программу, развернул – и сошел с ума...

Что мне было делать на той куче угля, и каким же я был, если б сказал своему начальнику Пупенко: «Смотрите, вот программа Райкина, а вот моя фамилия». И я полез в трюм, где сломалась выгребальная машина С-153, что выгребает уголь на просвет под грейфер, и только слеза на пыльной щеке – благодарность себе, судьбе, Кац-Карцеву-Кацу и сказочному стечению обстоятельств.

Как все евреи тянут друг друга, так Кац потащил за собой Ильченко, который к тому времени уже что-то возглавлял в пароходстве и уже приобрел первые навыки в демагогии и безапелляционности. Если б мы его не показали Райкину, он был бы замминистра или зампредоблсовпроса или предзамтурбюро «Карпаты» с пайками, с персональной черной, с храпящим шофером в сдвинутом на глаза кепаре, він кожний рік відпочивав би в санаторії ЦК «Лаванда» у «люксе» з бабою, з дитямою, гуляв по вечерам до моря, по субботам напивавсь у компанії таких же дундуков, объединенных тайным знанием, что эта система ни к херам не годится, и в любом состоянии решал бы вопросы с населением. Находясь с ним в крайней вражде.

«Понаехали тут деревья защищать отовсюду, с Турции, с Израиля. Я им говорю: «Та кто ж те деревья хотел рубать?» Поналетели защищать чи евреи, чи не евреи, мне все равно. Я им: «Та кто ж их хотел рубать те деревья, ну производим плановое прореживание бульвара, упо-

рядочиваем вид з моря, з моря тоже ж кто-то смотрит на город...» Поналиталы. Демократия. Вона, выпустили на свою голову джинна».

Так вот Ильченко волевым решением поменял счастливую судьбу зампрединистра решающего на жизнь артиста воплощающего, постепенно втянулся, наладил связи, и теперь его не застанешь и не найдешь, и только за городом слышен его мощный голос: «Работать надо, товарищи, ищите автора, перебирайте литературу. С декабря начнем репетировать июльскую программу, усмешняйте, расставляйте акценты. Афористичнее, товарищи!»

В обстановке счастливо складывающихся человеческих судеб я не мог тихо сидеть на угле (как говорила англичанка: «У нас полиция на угле», я спросил: «Неужели так допотопно?», потом оказалось – на углу, это я на угле) и, по огромному собственному желанию уволившись, стартовал из одесского порта в Ленинград, где в 1964 году стал счастливым и присоединился к своим двум друзьям.

Первый гонорар получил сразу в 1967 году, а до этого три года Роман залезал под кровать и там, в темноте, в чемодане отсчитывал мне на питание десять рублей. Маманя вся в слезах слала три рубля в письме-конверте.

Пешком через мост в Кунсткамеру обедать, комплексно за пятьдесят копеек, и, чтоб я света белого не видел, у меня не было еще четырех копеек на троллейбус, отчего был сухим, мускулистым и смелым, как все, у кого ничего нет.

Друг и соавтор Лозовский, с которым я прибыл в Ленинград занять место в высшем свете, неожиданно проиграл свои деньги в преферанс и сошелся с попом, жарил ему яичницу, пил с ним водку и отказывался зарабатывать каким-либо трудом, кроме литературного. А когда я услышал, как он весело проводит время за шкафом, а я мучаюсь в святых поисках слова, я ему выдал справку: «Разрешены все виды деятельности, кроме умственной» и отправил в Одессу, где он снова стал талантливым конструктором, о чем до сих пор вспоминает в Израиле.

А я переехал к артистам-миниатюристам на проспект Металлистов, хотя слово «переехал» сюда не подходит. Вещей не было.

Ильченко под свою фамилию и дворянское прошлое одолжил у Руфи Марковны Райкиной (Ромы) тридцать рублей, но потерял их по дороге и задумчиво наблюдал, как я размещаюсь. Потом наступил его телефонный разговор с Одессой, с женой:

– Таня, ты деньги получила?

– Когда ты выслал?

– Нет, я спрашиваю: ты на работе деньги получила? Вышли мне.

Это были счастливые дни нашей жизни на проспекте Металлистов за кинотеатром «Титан», или «Гигант», или «Великан». Девочка Летуновская подарила нам чайник. Хозяйка по-ленинградски пила вмертвую. То есть начинала со скандала: «Где щетка? Я не вижу кастрюли...» – находила шкалик и засыпала.

В 1966 году, после двух лет моего пребывания в Ленинграде без копейки и работы, А. И. Р. сказал, что в спектакле Музы Павловой они будут делать мое отделение. Оценив это обещание, я попытался уехать. Мне посоветовали поговорить с Руфью Марковной, и в 1967-м я получил свой первый гонорар в пятьсот рублей, номер в гостинице «Астория», стол в ресторане и премьеру «Светофора» в ноябре. Я стал знатен и богат, что немедленно сказалось на характере.

А!.. Эти одинокие выступления... эти попытки репетировать что-то с друзьями. Эти попытки что-то доказать. И первая публика. И первый успех. И с поцелуями и любовными клятвами был уволен из театра в 1969 году навсегда! Как сказал А. И. Р.: «Отрезанный ломоть!» Все, эпизод снят!

Рома с Витей уволились тоже. Вот тут прошу запомнить – их никто не увольнял, наоборот, их пытались удержать всеми методами. Витя напечатал заявление на машинке, чем привел шефа в ярость.

В голове вертится фраза: «Партия вам не проходной двор! На каком основании вы сочли возможным прорваться на трибуну высшего военно-политического, ордена Боевого Красного Знамени, ордена «Знак Почета» Ленинградского государственного музыкального училища?!!!»

В 1970-м мы стартовали. Второй раз за жизнь. Вернулись в Одессу, где тоже не были нам рады, но нам здорово помогла холера 1970 года. Из всех холер самая прогрессивная. Режиссер Левитин, гремя жестью, уехал с криком «Жду в Москве!», секретарь обкома Лидия Всеволодовна Гладкая переменилась в лице – я ее догнал на улице:

– Спектакль не принят?

– Принят, принят, играйте что хотите.

Такую свободу и изобилие я видел только в день смерти Леонида Ильича, когда была оцеплена Москва и продавцы зазывали в магазины. И в районе радиации. То есть жизнь показывала, что есть несчастья большие, чем плановое хозяйство, и мы повеселились!

Обсервация на т/х «Таджикистан», полные бары подозреваемых в скорой смерти, музыка и лучшее, что есть в глуши, – беспорядочные связи (зачеркнуто), знакомства (зачеркнуто), дружба (зачеркнуто), любовь (зачеркнуто), контакты (зачеркнуто), счастье (зачеркнуто).

Первый выезд в Ростовскую область. Первые гастроли. Автобус Фурцевой – фурцевоз, село Жирновка.

– Эй!

– Чего?

– Артисты приехали.

– Какие еще артисты, елкин дуб?

– Да вот эти, что на афише...

– А, эти? Так у нас не захотели, езжайте в Белую Калитву, может, там захотят.

Так мы ехали по деревням – и никого. Не захотели! Но мы в Ростове перед отъездом записали на телевидении «Авас», вернулись в Ростов – директор филармонии подозрительно смотрит, еще просит остаться. Стулья ставят. Из обкома звонят.

Аншлаг!

Отныне мы влюбились в это слово, в это состояние. Пусть говорит кто хочет, пусть неполноценно хнычут о массовом, не массовом – если ты вышел на сцену и произносишь монолог, постарайся, чтоб в зале кто-то был. Даже политиков это тревожит, а уж театр обязан иметь успех.

Раб начинает так: «Они виноваты в том, что я...» Свободный: «Я виноват, в том, что я...» Кровью, потом и слезами полита дорога к аншлагу, и стоит он, недолгий, на крови, поте. Да здравствует наша страна – покровительница всех муз. Да здравствует партия – покровительница страны, покровительница всех муз.

– Товарищи, товарищи, здесь режимная зона... Мало ли что... Мало ли что... Прошу... Прошу...

– Михаил, о чем мне писать, как вы думаете? Я хочу узнать, что сейчас волнует молодежь, я изучаю их жаргон, я специально хожу на рок-группы. Я узнаю, что их волнует, я напишу об этом.

– Пиши, может, и тебе передастся.

Из Ростова, после успеха, слишком хорошо отдохнувшие, прямо попадаем на конкурс артистов эстрады, подтверждая железное правило, что невыспавшемуся, безразличному, наплевавшему на все – везет. Разделяем первое и второе места с Кокориным, которого сейчас заслуженно никто не знает, потому что не надо письма Ленина с эстрады читать, мы до сих пор в них разобраться не можем. Отныне участвуем в идиотской конкуренции. С одной стороны – герои и лауреаты, которых никто не знает, с другой стороны – беспородные, которых знают все. Вернулись на ридну Украину в Киев. Я был персонально приглашен к директору Укрконцерта.

– Товарищ Жиманецкий! Крайне рад за вас. Значит, чтоб вам было ясно, сразу скажу: такое бывает раз в жизни. Сейчас это у вас будет.

– Конкурс, что ли?

– Та нет. Мы ж не дети. Кому той конкурс здався... Щас я вам скажу. Петр Ефимович Шелест лично вычеркнули из правительственного концерта Тимошенко и Березина и лично вписали вас. Я вижу, вы плохо представляете, что это значит... Это значит: мы з вами берем карту города Киева. Вы, писатель Жиманецкий и ваши подопечные Карченко и Ильцев, ткнете мне пальцем в любое место карты, и там будет у вас квартира. Такое бывает раз в жизни.

А мы поехали в Одессу, где посторонние люди нам меняли концовки, где заменяли середину, где вычеркивали и вычеркивали, и снова ехали в Киев, умоляли не трогать. А зампред Одессы по культуре Черкасский говорил:

«А я министру говорю, что ж ты все режешь, чем ты хвалишься. В Херсон поехал, снял программу, в Одессе запретил, во Львове срезал, где ты хоть что-нибудь разрешил, скажи. Счас мы з вами зайдем. Вы увидите, какой это жлоб».

Секретарь обкома Козырь: «Что такое, что вы бьетесь, какие проблемы? Записываю целево максимально для исполнения, лично держу на контроле. У нас сейчас горячая пора, орден должны области давать. Мы все света белого не видим. Так что после пятнадцатого лично займусь. Не надо меня искать, сам найду».

Он искал нас несколько лет.

Одно знаю точно: не просите начальника о поддержке. Конкретно: нужны столбы, провода, гвозди... Пусть он обещает «создать атмосферу», «усилить влияние» – но вы-то не дурак.

Мы помним точно: никогда при подаче заявления об увольнении нам не сказали: «Оставайтесь», и мы стартовали третий раз. В Москву, в Москву...

Москва известна тем, что там можно потеряться. В Ленинграде и Одессе ты никуда не денешься. И если в Москве ты ходишь по проволоке, то на Украине по острию ножа. Откуда там собралось столько правоверных? Что они для себя выбирают? Что такое антисоветчина, что такое советчина? Поставь палку – здесь будет советчина, здесь антисоветчина, передвинь палку – уже здесь советчина, здесь антисоветчина. И кто кричит «антисоветчина»? Воны. З пайками та машинами. Для нормального зрителя – правда или неправда. Он ни разу не сказал «антисоветчина», это говорили только там, на коврах в кабинетах. Что же они защищают?

В голове вертится: «Сила партии в каждом из нас». «Да здравствует Советская власть – покровительница влюбленных, защитница обездоленных, кормящая с руки сирот и алкоголиков». «Как в капле отражается солнце, так в каждом из нас...»

«Прошу, товарищи, высказываться. Действительно ли это юмор, как утверждают авторы, или мы имеем дело с чем-то другим? Прошу, Степан Васильевич, начинай...»

Москва. Разгул застоя.

«Марья Ивановна, приезжайте ко мне домой, тут один одессит читает, это очень смешно, и Федора Григорьевича берите обязательно...»

Или: «Сейчас, Михаил, секундочку, чуть пива. Добавим пар, сразу хлебом пахнет, эвкалиптика. Давай, Михаил, читай...»

У него аж портфель запотел.

– Товарищи, я извиняюсь, управделами здесь? Мне срочно подписать...

– Вы что, с ума сошли, в костюме, в пальто в парную...

– Я извиняюсь, я в таком белье... жена где-то купила...

– Все снимайте и лезьте вон туда на полку, берите бумагу свою и ручку, он там голый.

Степан Григорьевич, к вам тут срочно.

– Ох, ах, ух... Пусть войдет, житья нет.

Эх, застой, ух, застой! Веничком спину давай! По пяточкам. Ух, застой – о – о – горячо! Ух, профессор!

Или: «Степан Григорьевич привел юмориста. Он в обед почитает. У меня виски-тоник. Кабинет на замок – читай». Эх, референты – короли застоя. Какая разница между министром и референтом? Никакой, только министр об этом не знает.

Съезд партии... Сюда помещаем группу скандирования. Она работает, в это время армия, пионеры, в одиннадцать ноль-ноль передовики производства, Пахмутова и обед... После перерыва звеньевая колхоза «Рассвет», две перспективы, одно критическое замечание, две здравицы и пошел ветеран. Затем два воспоминания, один эпизод с первым на фронте, одна поддержка молодежи, связь поколений, здравица и плавно молодой солдат. Опять связь поколений, благодарность командирам, боевая подготовка, слава партии – перерыв...

– Не забудь скандирование по десять человек через четыре ряда.

– А ну, профсоюз, скажи.

– А чего, за родину нашу, за нашу заботливую мать!

– Верно, профсоюз, сначала ты о ней заботься, потом она о тебе. Верно заметил, профсоюз, глаз острый.

– А как же Леонид Иванович, ему рабочие интересы защищать.

– От кого их защищать в рабочем государстве?

– Не, не, Леонид Иванович, хватает еще бюрократов.

– Ну, бить бюрократов – святое дело, говори ты, комсомол.

– Мы за вас, Леонид Иванович, за ваш ум и мудрость, за волю и целеустремленность, за радость победы, которую только под вашим руководством и чувствуешь.

– Браво, браво, точно...

– Садись, комсомол, ну, партия, что, партия?

– Поднимаем страну, Леонид Иванович, укрепляем наши ряды. За всех присутствующих!

– Давай, армия.

Шепот:

– Леонид Иванович...

– Не-не... Искусство потом, искусство нас посмешит, верно, искусство?

Артисты:

– Верно, Леонид Иванович.

– Володя!

Володя:

– Слушаю, Леонид Иванович!

– Скажешь этой новенькой, чтоб осталась с Федоровым.

– Где, здесь?

– Ты что. Мы ж ей дали квартиру.

– Ясно, а если упрется?

– Не упрется, я с ней беседовал. Милиция здесь?

– Здесь, Леонид Иванович.

– Скажи, милиция, как ты нас бережешь? Что моя Мария жалуется, где наша Муська рыжая?

– Задание дано, полковник с уполномоченными прочесывают окрестности, соседи оповещены. Муська найдется.

– Найди, найди мне ее, ласковая она, жена любит, мурлычет приятно. За что пьем?

– Милиция всегда за порядок и спокойствие.

– Ну, давай, искусство, хватит наворачивать.

– Час расплаты настал?

– Давай, давай, выдай чего-нибудь, искусство.

– Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– А-ха-ха! А ну еще раз.

– Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– Владимир, завтра мне перепишешь, я в Совмине скажу. Ну, за сказанное.

Да, разгул расцвета застоя и разгула застолья. Не работали мы как обычно, но гуляли чрезвычайно. Как никогда не работали, как никогда гуляли. Как обычно – говорил один, и ему вторил второй. Веселье лилось, анекдоты давали второй и третий урожай. А то, что мы выедали, объедали, распродавали страну, мы не знали. Да и что мы там распродавали? Наружу мы не показывались, мы бушевали внутри.

– Не надо ждать вечера, вы в обед ему сыграйте.

– Кому?

– Начальнику. А пусть подавится. А пусть подавится. Прекрасная мысль. Чего ждать праздника?

– Мы хотели для коллектива.

– Значит, так, здесь Москва, да? Вы на десяти стадионах будете танцевать, ничего не будет, ему понравится – все! Никаких отказов. Я ему сказал. Они с замом ждут. Виски, сигареты, закусочка, все туда несут из спецбуфета.

– Ты начнешь.

– У нас программа.

– Он начнет. Хватит ваших лиц в таком количестве. Он уже бурчал: «Кто над нами смеется? Люди какой национальности?» Ему это интересно.

– Так, может, не надо...

– Он-то ничего, другие еще хуже, там будет еще один из ЦК.

– Может, не надо?

– Этому нужно играть после второго стакана. Хохоchet, все понимает... Ничего. Все!.. Вы здесь сидите. Я приглашу.

– Федор Иванович, они здесь. Это очень смешно, честное пионерское.

– Что он просит?

– Телефон.

– Там кабелировано?

– Соседний дом имеет. Поставим воздушку временно.

– Дай схему кабелирования... Ладно. Зови.

– Прошу к столу. Сюда, в комнату отдыха. Ребята, входите. Ждите. Я дам сигнал. *(Исчезает. Тишина. Он появляется.)* Еще минутку. *(Шепотом.)* Сейчас он по второй. *(Исчезает.)* Входи.

(Все входят в комнату отдыха. Вскоре оттуда слышен концерт для троих в полной тишине, появляется Федор Иванович с референтом.)

Референт. Ну они просят отдельный. Без блокиратора.

Федор Иванович. Не тянут. Петрович вообще не улыбнулся, я там раза два. Не, не тянут.

Референт. Ну я прошу, ну еще 15 минут.

(Возвращаются. Концерт, смех. Все выходят.)

Федор Иванович. Давай письмо. Отдельный... Молодцы, последняя шутка вполне. Я в слезах сидел – молодцы...

Ух, застой. Наш застой. Видишь, ходьба по дну никого не испугала. А застой... привел к перевороту. Все можем себе простить, но не отставание в физической силе. Очень греет сознание: «Ничего, пусть только полезут, так хряпнем по мозгам. О! Что там эта маленькая вякает, так хряпнем. Чего там наши чикаются, надо так хряпнуть. Здесь недоедаем, но там чтоб все было. Ох, красивые танки. Ну, крейсера, заглядение. ППШ – лучший в мире. Секрет МИГа до сих пор не могут разгадать.

Что Афганистан?! Правильно сделали, они ж на нефти сидят и ничего не понимают. Как же туда не войти. Наша Чехословакия. Наша Венгрия. Никому не отдадим. Мы не войдем –

немцы войдут. Все равно кто-то войдет. Так лучше мы. Ансамбль песни и пляски на Кубе. Как блокаду Кубы объявили, так мы оттуда все аккордеоны вывезли и ансамбль убрали».

Да, карьера. Те, кто идет вверх, дойдя до конца верха, вширь ползут, и получается агрессия. Та же карьера, только вширь. А мы поддерживали, а нам чего: может, оттуда изюм привезут, а оттуда курей. Объедем – дальше поползем.

Если считать, что нижние воруют, а верхние делают карьеру, то это то самое, что нужно для мирового сообщества, тут мы и как раз. Интересы верхов и низов полностью совпадают, верхние дошли до верха и пошли вширь, а нижние идут сзади, и стягивают, и грызут, и объедают.

Саранча, или мыши, или тараканы, и никто не виноват. Все заняты делом. Эти командуют, эти что-то отпиливают.

Ох, застой! Тем и хорош был, или есть, что интересы верхов и низов полностью совпадали. Интеллигенция верещала, не печатали ихние романы или, черт его знает, пробирок не давали. Самыми смешными были эти очкастые в разгульном блатном лагере. Верещали, протестовали, жалко шептали: не воруй, не убий, не пожелай ближнюю свою. И правильно их в лагеря и психушки. Помешать они не могли, но настроение портили. В общем, отправили их подальше. Конечно, жить хуже стало, вернее, не хуже, а иначе. Ну то есть лечить некому, чертить некому. Ну и что? Это ерунда. Дети мрут, люди мрут, ну и что? Гулял, гулял и помер.

Для лечения верхов из Японии врача вызовем, а низы и сами долго жить не хотят. Сами убедились, что это лишнее. Глупо тянуть. Самому противно, окружающие ненавидят. Ты еще только болеешь, а уже очередь на твою квартиру выстроилась. В общем, невзирая на внешнюю вражду, трогательное единение верхов и низов. Низы понимают, что верх должен жить во дворце, верх понимает, что низ должен воровать. Эх, застой, Божья благодать. Рай для вороватых, пробивных. А для предателей самое время.

Правду не говорил никто! Ну то есть кто-то говорил, но где? Интеллигенция шла на смерть небольшой кучкой у кинотеатра: «Уведите войска из Чехословакии, из Венгрии». Уведите, да. Начальники за войска, народ за войска, а эти против. Сейчас уведем, разбежались. Никто не был маразматиком. Все совпало. Воры сверху и воры снизу, они сошлись, и как ты их удержишь?

«А в Венгрии, представляешь, – рассказывает капитан, – продвигаются мои танки. По такой узкой улице брызговики штукатурку сбивают, а венгры что придумали, представляешь, – портрет Ленина посреди улицы, думали, не наеду, а я и не наехал. Я объехал. Понял, да? И вся улица поняла. Не надо так с нами поступать! Не надо!»

Объезжали – давили, прямо – давили. И остановились на раздавленном. Началась перестройка.

Шестидесятые

Я человек суеверный: не подвожу итогов, не заводжу архивов, не ставлю дат на сочинениях. Интерес к личной жизни деятелей искусств нам чужд, хотя там самое интересное, а моя автобиография для предъявления в разные организации, как бы я ее ни растягивал, умещается на одной странице.

Да! Родился в Одессе, где-то в 34-м. Что-то вспоминается очень солнечное, пляжное, заполненное женищинами маминого возраста. Пока не грохнула война. Дальше – поезд, лопухи, Средняя Азия, школа, Победа, возвращение в Одессу, Институт инженеров морского флота, где и застал нас 53-й год. Ренессанс! Бурный рост художественной самодеятельности. В Москве – студия «Наши дом», в Ленинграде – «Весна в ЛЭТИ», в Одессе – «Парнас-2» (в отличие от древнегреческого номер 1).

В наш институт на вечера – как в «Ленком» в Москве: давка, слезы. Мы с Виктором Ильченко играем миниатюры. Ведем концерты. По поручению комсомола я начал писать. После страшного раздолба начал писать смешно, вернее, не смешно, смешно я никогда не писал, а грустно, что и вызывало смех.

Смех слышал с удивлением, и чем я меньше понимал, отчего смеются, тем громче они это делали. Открылся городской студенческий клуб. Театр «Парнас-2» процветал. Я уже окончил институт, работал в порту сменным механиком, чтоб легче было репетировать. Восемь лет погрузки-выгрузки, разъездов на автопогрузчике, сидения в пароходе, в трюме, в угле, когда видны только глаза и зубы. Там я мужал.

Молчание – золото!

Для Р. Карцева

Шшш!.. Шшш!.. Тише! О таких вещах только между нами. Я – тебе, ты – мне, и разбежались! Не дай бог! Что вы?! Жизнь одна, и прожить ее надо так, чтобы не было больно... И все! Все разговоры, замечания только среди своих – папе, маме, дяде, тете. И все! И разбежались. А вы на всю улицу. Что вы?! Осторожнее! Десять тысяч человек, и все прислушиваются. Вы их знаете? А кто за углом?.. Ну не можете молчать, вас распирает – возьмите одного-двух, заведите домой... Окна заложите ватой – и всю правду шепотом! Недостатков много, а здоровье одно. Недостатки исправишь...

А так сидим, молчим. Ничего не видели, не слышали. Глухонемые. Мычим. И все! Кто к глухонемому пристанет?! Что вы!.. Молчание – золото. Читали, в Гостином дворе золото нашли – шесть кирпичей.

Они растрезвонили – шесть кирпичей! Ур-р-ра! Шесть кирпичей! Землекопы, некультурные люди! Ну и сразу пришли и забрали! Что, им дали хоть один кирпич?! Абсурд! Они теперь ходят за зарплатой, локти кусают. Ну а если бы они не сказали?.. Я понимаю, но допустим. Ну нашли. Ну чего кричать? Молчание – золото! Шесть кирпичей. Пять закопал, один на расходы. Кусочек отпилил – и в Сухуми на пляж. У всех зима, а вы загораете. Всем зубы золотые вставил – себе, жене, теще, детям. Младшему полтора года – он уже в золотых зубах. Что, некрасиво? Красиво! Улыбнуться нельзя – арестуют! И нечего улыбаться. Нечего рот раскрывать! Дома радиаторы золотые – сверху глиной обмазаны. Что, плохо греют? Согреют. Это же золото! Сын в институт попасть не может – полный идиот. Декану полкирпича – сын академик, золотая голова! Дочка – корова, еле ходит. Полкирпича в зубы – прима-балерина в Большом! И в результате все устроены и три кирпича на черный день. Только тихо! Никаких собраний. Никаких обедов, никаких праздников. Окна закрыты ставнями, из дома не выходить! Круглосуточные дежурства. Кушать только ночью под одеялом! Вот это жизнь! И – тс-с! Молчание – золото!

Личный опыт

Для Р. Карцева

Ничто так не приободряет человека, как личный опыт... Билеты у спекулянта взял в кино. Оказалось, на вчера, в другом городе и не в кино, а куда-то в планетарий. Черт с ним. Но опыт приобрел. Теперь дудки меня объедешь... Теперь билеты – намертво! Пока сам не обожжешься, никто тебе не докажет.

Копил на машину. Предупреждали! Ничего, купил. Подержанную. Всего пятьсот тысяч прошла, прогрохала. Доехал домой, а из дому – ни колесом. Ни гудком! Даже дверцу не откроешь. Что с ней ни делал – не идет, стерва! Все, что накопил, в нее вбухал и продать не могу... Вдряпался, конечно. Но опыт приобрел. Теперь на машину веревкой не затянешь. Даже разговоров избегаю.

Все самому надо испытать. Только на себе. Ничто так не убеждает, как собственный затылок. Говорили, готовый бери. А я сшил... Портной как легчик. Он ошибется – я погиб. В общем, снять не могу. Трещит. Под горячей водой снимали. Дудки я теперь шить буду. Убедился. Конечно, средств на все эти опыты уходит – будь здоров. От еды временно отказался... Но неоценимый опыт приобрел. Багаж. Мудрость. Будет что молодежи рассказать!

Пошел к зубному технику одному. Они со стоматологом вместе. Ай!.. Чего они там?.. Ой, они там чего-то плавил в двоем, в тигле... Чего-то там автогеном варили... Гипсом заливали... Еле отодрали... Вместе со своими зубами отодрали... И выколотить не могли, так и выбросили. Теперь, конечно, «с», «ж», «з», «ф», «к», «ц», «ч», «ш», «щ» не выговариваю, но опыт приобрел. Теперь я к этим двум жукам ни ногой. Хо-хо! Теперь ты меня там увидишь?! Я у них первым был, оказывается... Ничего, зато они у меня последние. Без зубов и без букв как-нибудь проживу, а они меня теперь увидят!.. Задним умом буду крепок, если передним не прошибаю.

Этот тип косою мне заграничную радиолу подбросил. «Хрундик». Многооборотную. С пяти метров берет. В его руках, на пустыре, она все брала. А у меня теперь на ней только чайник, «Маяк» – с трудом... А я на нее свехурочно, как дурачок, пульман цемента на горбу... А «Маяк» любой наш репродуктор берет, за пять рублей. Ничего. Поумнел. Опыт есть. Я теперь того косога за квартал... Найдет он меня... На всю жизнь зарекся радиолы брать... Шалишь! Умнеем на глазах!

С этой тоже так нехорошо получилось... С личной жизнью. Нелегко... Ой!.. Ну дает она мне прикурить... Ой!.. Один раз ей изменил. Разок... Но теперь опыт есть. Обжегся. Все! Теперь ни ногой... Конечно, малость подзалетел... Платим теперь... Выплачиваем... Доходит до того, что в получку шесть рублей получаем. Двое там растут... Но опыт есть. Дудки теперь домой провожать, только до троллейбуса. Извините, я теперь опытный.

Что еще мне осталось?.. Ерунда. Почти все на своем опыте испытал.

Это все теория: красный свет, зеленый свет, а пока тебя не переедет, пока грузовик на себе не почувствуешь – никому не поверишь.

Разговор по поводу

Для Р. Карцева

Первый монолог в спектакле А. Райкина «Нам – 25»

Я к вам из районного отделения культуры. Сидите, товарищи, сидите! Я к вам не по службе пришел и буду говорить то, что думаю. Ну что, неплохо. Сатиру даете, молодцы: и авторы, и те, что пишут, актеры и те, что играют, режиссеры и те, что поставили. Молодцы! Но нет у вас, нет у вас... (сжимает кулак) вот этого у вас нет. Вот я смотрел две ваши сценки: «Наглость» и «Осторожность». Одна женщина дома лежит, другая женщина дома сидит, им пойти некуда. Ну, одному некуда, другому, третьему, соберитесь вместе, идите в баню, к зубному врачу, стихи почитайте с выражениями. А вы с этим вопросом на сцену.

Сейчас время не то, а раньше я за эти вещи... раз... и все! Так что повнимательней, и авторы, и те, что пишут, и актеры, и те, что играют. И на прошлом концерте я у вас был. Там какие-то люди ходили по сцене: «Хав ду ю ду, ай лав ю...» – по-английски ругались, а что, по-русски нельзя? А этот толстый актер бегают, мотается, шумит чего? Ему разве там место? Ему большие формы нужны: опера, балет «Щелкунчик», с крупными тиграми может работать товарищ! А тот, что худой, с мышами! Я сам над собой много работаю. Недавно закончил автобиографическую повесть – «Дурак» называется. Тоже такая умная вещичка получилась. Так что смотрите, товарищи, и актеры, и те, что играют, и авторы, и те, что пишут... И про женщин давайте, мало у вас про женщин, а среди них тоже разные люди есть. Так что смотрите, товарищи актеры, и те, что играют, режиссеры и те, что ставят...

И название у вас «Нам – 25»... Что двадцать пять? Кому двадцать пять? За что двадцать пять?... Непонятно. Если трудно будет, приходите ко мне или я к вам режиссером попрошусь. Дадим сатиру юмористически! Телефон у меня есть: Ж-2-Ж-3-Ж-5-Ж-6, добавочный сто пятьдесят. Звоните, заходите, если меня не будет, значит, меня нет!

Полезные советы

Вы знаете, может быть, я ничего не понимаю, но все это нужно играть не так. Как?.. Я не знаю. Но не так. Может быть, я ничего не понимаю, но играть нужно совершенно иначе. Может быть, даже как-то наоборот. Там, где он заходит спереди, попробовать... попробовать... нет, не сзади. Попробовать совсем не заходить. Там, где все играют слева направо, попробовать сыграть по диагонали, что ли, и завернуть штопором вбок! Попробовать! Надо делать. Это же все не так. Все! Как? Еще раз говорю, я не специалист. Я знаю, что не так. Господи! Ну что тут сложного?.. Ну, может быть, появиться в зале на лошади, а может быть, в темных очках, с брандспойтом. Я сейчас фантазирую, вы заметили?.. Или в другом ключе. Более эмоционально.

Может быть, актеры через трубу должны полезть на крышу. Допустим, мы все в зале, а они все на крыше. Может быть, так. А может быть, мы все на крыше, а они все... дома... Я опять фантазирую, вы заметили?..

Я не знаю, я не специалист, меня недавно оперировали. Я лежу и чувствую – не так. Не знаю как, но не так. Я не специалист, поэтому я молчал, иначе они бы меня зарезали. Но это в больнице, а здесь мы же можем фантазировать. Может быть, я не прав, но у меня такое ощущение... Это все нужно играть не так. Как?.. Отвечу. Иначе! Может быть, настолько иначе, что не играть вообще. Попробовать. Если получится хорошо, продолжать не играть. Может быть, так. А может быть, ничего не менять, все так играть, но без публики. Вы следите за ходом моей мысли?.. Следите вы, потому что мне трудно. А может быть, так играть, чтобы не играть? Ставить и в то же время не ставить. Обращать внимание и не обращать. Говорить о чем-нибудь и не говорить. Речка движется и не движется. Трудно высказать и не высказать. То, что это не так, я знаю твердо. А вот как? Если вы не сыграете так, как я говорю, еще раз извините... Я могу изложить свои пожелания в письменном виде.

Время больших перемещений

Наступило такое время, когда сказать, кто куда поедет, невозможно. Наступило время больших перемещений. Люди ездят. Над головой жужжат битком набитые самолеты, они летят на юг. Такие же набитые самолеты летят обратно. Если бы Ту-104 имели подножки, на них бы висели гроздьями. В Воркуту билет достать невозможно, на Дальнем Востоке битком, на Крайнем Севере на каждом камне турист, в Москве, как обычно, вынесет из метро, ударит об забор и понесет в другое метро – ваше счастье, если вам туда надо. В каждом городе полно приезжих, откуда же они выезжают?

Мы встречаемся с друзьями в Ленинграде, уезжаем от них в отпуск и там встречаем тех же друзей.

Время больших перемещений! Половина людей едет туда, половина обратно, остальные стоят в очереди за билетами. Мой дедушка пятьдесят лет сидел камнем, вчера он двинул в Новосибирск с ответным визитом.

Такое время! Все знают правила уличного движения. Появились миллионы непьющих: они за рулем, их пешком под кирпич не затолкаешь!

Такое время – каждый третий спрашивает, как пройти, каждый второй не знает.

Время больших перемещений. Массы двинули за город. В музеях демографический взрыв. В гостиницах толпы. Под каждым деревом семья. В гнездах по два птенца и по четыре первоклассника.

На одного лося по двадцать тысяч человек с фотоаппаратами. На малого зайца сорок человек с ружьями, собаками и удостоверениями.

Волки растерялись: за каждым их движением следят по восемь человек, и в их стаю затесался самец с кинокамерой и билетом клуба кинопутешественников.

За Полярным кругом завыл белый медведь, опечатанный, окольцованный и зарегистрированный.

Двадцать человек ждут, когда вынырнет морж. Он бы и не вынырнул, но его снизу подталкивают четыре аквалангиста.

Рыба-кит по фамилии Джек с потухшим взглядом крутит сальто за полведра рыбы, которая свое уже открутила.

Шестнадцать человек помогают льву охотиться. Двое держат козу, один бежит впереди и лаем показывает, где она находится.

В стае акул двое наших!

Люди ездят. Пообедать им уже неинтересно, одеться им уже неинтересно, им интересно путешествовать, видеть, слышать и, кроме желудка и тела, доставлять наслаждение своей душе, чтобы еще полнее сделать то, что называется этим простым словом – жизнь!

Помолодеть

Хотите помолодеть?..

Кто не хочет, может выйти, оставшиеся будут слушать мой проект.

Чтобы помолодеть, надо сделать следующее.

Нужно не знать, сколько кому лет.

А сделать это просто: часы и календары у населения отобрать, сложить все это в кучу на набережной.

Пусть куча тикает и звонит, когда ей выпадут ее сроки, а самим разойтись. Кому интересно, пусть возле кучи стоит, отмечает.

А мы без сроков, без времени, без дней рождения, извините.

Ибо нет ничего печальней дней рождения, и годовщин свадеб, и лет работы на одном месте.

Так мы и без старости окажемся...

Кто скажет: «Ей двадцать, ему сорок»? Кто считал?

Кто знает, сколько ей?..

Не узнаешь – губы мягкие, и все.

Живем по солнцу.

Все цветет, и зеленеет, и желтеет, и опадает, и ждет солнца.

Птицы запели – значит, утро.

Стемнело – значит, вечер.

И никакой штормовщины в конце года, потому что неизвестно.

И праздник не по календарю, а по настроению.

Когда весна или, наоборот, красивая зимняя ночь, мы и высыпали все и танцуем...

А сейчас... Слышите – «сейчас»?

Я просыпаюсь – надо мной часы.

Сажусь – передо мной часы.

В метро, на улице, по телефону, телевизору и на руке – небыющая сволочь с календарем.

Обтикавают со всех сторон.

Напоминают, сколько прошло, чтобы вычитанием определить, сколько осталось: час, два, неделя, месяц.

Тик-так, тик-так.

Бреюсь, бреюсь каждое утро, все чаще и чаще!

Оглянулся – суббота, суббота. Мелькают вторники, как спицы.

Понедельник – суббота, понедельник – суббота? Жить когда?..

Не надо бессмертия.

Пусть умру, если без этого не обойтись.

Но нельзя же так быстро.

Только что было четыре – уже восемь.

Только я ее целовал, и она потянулась у окна, просвеченная, – боже, какая стройная!

А она уже с ребенком, и не моим, и в плаще, и располнела.

И я лысый, и толстый, и бока, и на зеркало злюсь...

Только что нырял на время и на расстояние – сейчас лежу полвоскресенья и газеты выписываю все чаще.

А это раз в год!

В детстве казалось, возьмешь ложечку варенья – в банке столько же.

Ерунда! В банке меньше становится.

Уже ложкой по дну шкрябаешь...

И что раздражает, так это деревья.

То зеленые, то желтые.

И стоят, и все.

Маленький попугай – крепкий тип.

Гоголя помнит и нас помнить будет.

Нельзя нам так быстро.

Не расстраивался бы и вас не расстраивал.

Но жить люблю, поэтому и хочется...

Спасибо вам всем, спасибо!

Для В. Ильченко

Спасибо, спасибо, спасибо вам всем. Спасибо центральной печати, нашему городскому начальству, пионерской организации. Спасибо всем вам!

Инвалид я. Один остался. Лежу, почти не встаю. Осколки всюду. Лицо изуродовано – стыдно на улице. Дома лежал. Вначале работу давали. Скрепочки делал. Потом как-то замотались. Кто-то проворовался. Артель прикрыли, а я так остался. Все заняты, бегают. А я лежу, стараюсь не шуметь. Пятнадцать лет лежал, никого не было. Думал, забыли. Вдруг случайно товарищ фронтовой заглянул. Увидал, как я лежу, написал письмо. Корреспондент приезжал. Увидал, как я лежу, написал статью. И что самое удивительное – напечатали! Напечатали! Спасибо, спасибо... Все, все переменялось. Не одинок я больше, просто, оказывается, никто не знал. А как все узнали – примчались, прилетели! Вся комната в знаменах. Пионеры сбор у постели героя провели. Неделю помощи объявили. Шестой день помогают, еще завтра целый день будут помогать. Солдаты прибежали с лейтенантом, просили рассказать, как Днепр форсировали. Я начал рассказывать, как форсировали, и не могу. Спасибо, спасибо вам, товарищи из округа, что не забыли. Спасибо, что помните тех, кто осколки в груди носит. Спасибо вам всем.

Памятник мне делают. То есть бюст. Фамилию прибежали узнавать. Старушка одинокая написала, что хочет меня удочерить. У нее уже есть два грузина, казах и друг степей калмык, ей нужен инвалид. Отставник приглашал к себе в Ялту погостить, только просил, чтобы его письмо опубликовали. А позавчера вообще стол накрыли, деликатесов навезли, в жизни не то что не ел, не видел такого! Икры всякие, крабы, осетры, ананасы. Все, что земля родит, все на том столе было – иностранцев ждали. Уже начали обратно в корзину собирать, думали, не приедут – приехали, приехали. Отведал всего. Первый раз такое испытал. Спасибо. Что значит – не забыли. Нужен я кому-то, нужен. А сегодня двое из райисполкома, от которых все зависит, приезжали посмотреть, как я лежу. С газетой приехали. Статью читают и на меня смотрят – сличают. А я лежу и радуюсь: занятые люди, а вырвались, нашли время. И прямо спорить у постели начали, кто раньше должен помогать.

- Вы обязаны были проявить чуткость!
- Почему я обязан? Кто он мне, отец?
- А мне он кто, дядя?
- Идите с ним вместе к чертовой матери!
- Ха-ха! Теперь уже поздно! Теперь нужно реагировать.
- Теперь ему квартиру надо давать.
- Давайте!
- А очередь?
- А не надо было корреспондента пропускать.
- А я его видел? Проскочил этот пис-с-с-сатель. Нацарапал!!! И ускакал!!! А я теперь выискивать должен! Ох, я б его...

А я лежу и улыбаюсь. Наконец-то, наконец-то... А слезы по щекам стекают в подушку... Под пулями не плакал, ноги отнимали – не плакал... А здесь первый раз в жизни... Не забыли! Спасибо вам... спасибо... спасибо... спасибо...

Скромность

Сегодня мне бы хотелось поделиться своими раздумьями, своим опытом. Я думаю, будет полезно кое-кому. Особенно из молодежи. Она, как говорится, пороку не нюхала, ран не считала. Я, граждане, с большой горечью и обидой замечая, как кое-кто, особенно из молодежи, добившись увеличения зарплаты или там получив гонорар, начинает обставляться, покупать квартиры, холодильники и прочее.

(Ему подставляют кресло.)

Кое-кто забывает, в чем истинная красота жизни. Красота жизни в красоте человека. А обстановка лишний раз подчеркивает эту красоту. Скромная обстановка создает красоту человеческой личности.

(Меняют кресло на диван.)

Пусть кто-то живет в роскошных квартирах, сидит на диванах, ходит по мягким коврам. Такая жизнь не для нас. Мы – романтики. Нам куда милей тайга, шалаш, костер, комары и песня. «На битву и доблестный труд, расправив упрямые плечи, вперед комсомольцы идут».

(На него надевают халат.)

Вот так надел рюкзак на плечи и – марш, марш вперед. В неизвестное. В загадочную неустроенную даль.

(Подставляют скамеечку для ног.)

Пусть у нас одна рубаша на троих, одни штаны на четверых, пусть нам холодно. Пусть!

(Устраивается на диване, на него направляют вентилятор.)

Пусть нам жарко! Пусть нам мокро и не подвезли продукты.

(Привозят столик.)

Пусть даже... ну утонул кто-то. Все равно! Романтика в этом. Смысл жизни в этом. И украшает нас не то, что снаружи, а то, что в нас, внутри.

(Жует.)

Беспокойство наше. Желание идти туда, где еще ничего нет. И неизвестно, когда будет.

(Приносят котика и молоко.)

Вот посмотрите *(щелкает котика)*. Что движет покорителями Севера? Мороз восемьдесят семь градусов *(отгоняет муху)*. Не то что муха – ничто живое не выдерживает. Белые медведи мерзнут. А нашим ничего. Наши в палатках с транзисторами. Один из них мне рассказывал, медведь упал на них. Сверху на палатку. И лежал. А они снизу лежали. Вот это жизнь. К этому можно стремиться. Я не верю, что такое можно сделать ради заработка. Ради вот этой бумажки. Дайте-ка!

(Ему дают доллар. Он возвращает.)

Что на нее купишь? Моральное удовлетворение? Авторитет товарищей? Любовь окружающих? Уважение родственников? Ничего. Только обстановку квартиры, дачи, то есть именно то, что унижает человека. Да вы вспомните, какими были великие люди. Как они одевались. Какой образ жизни вели? Боже мой, на ступеньке, согнувшись, накиннув пальто, что-то записывает. У меня эта картина всегда перед глазами.

(Кто-то переспрашивает и записывает.)

Я говорю, у меня эта картина всегда перед глазами. *(Диктует.)* Согнув... шись... на ступеньке... А какие мысли?! Жизнь, отданная идее братства, равенства, счастья для всех, для всех, а не для избранных. Вот идея, ради которой великий человек жил и не разбрасывался на мелочи. И, пользуясь огромным авторитетом, не использовал власть для своих целей. Скромность от волос до ногтей. Как же вы свою жизнь, которая дается один раз и которую нужно прожить так, чтобы не было *(щелкает пальцами, дают книгу, читает)* «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», эту жизнь разменивать на мелочи. Искать роскоши и уюта, поку-

пать зеркала и кондиционеры, отгораживаться дачами и машинами, терять с людьми контакт, менять жизнь, полную романтики и риска, на мягкое кресло, за которое держитесь руками и зубами. И вообще, стараться использовать малейшее продвижение по службе для немедленного улучшения своего жилья и этого гнусного быта. И самое главное, на это нужны деньги!.. И немалые... А где их взять?.. Значит, приходится... Но это уже другая тема: о честности. О ней я вам расскажу в следующий раз.

Вечерний разговор

Ревизор. Устал. Пока проверишь вашу отчетность, с ума сойдешь. У вас столько нарушений. Придется передать дело в суд...

Бухгалтер. Может быть, погуляем?

– Погуляем?.. Зачем?

– Зачем погуляем? Кто сказал «погуляем»? Посидим.

– Посидим?.. Где посидим?..

– На скамеечке...

– На скамеечке?.. Зачем?

– На скамеечке? Кто сказал «на скамеечке»?.. На стульчике...

– Где... на стульчике?..

– За столиком.

– За каким столиком?..

– За каким столиком? Кто сказал «за столиком»?.. В ресторане...

– В ресторане?.. Зачем?..

– Зачем в ресторане? Кто сказал «в ресторане»? Дома.

– У кого дома?.. У меня дома?..

– Зачем у вас?.. Кто сказал «у вас»?.. У меня...

– Пить будем?!

– Зачем пить? Кто сказал «пить»? Кушать тоже будем.

– Пошли!

– А в нарушениях я не виноват. Эти нарушения...

– Нарушения? Кто сказал «нарушения»? Пошли!

Подопытный

Сейчас главное – попасть в группу. При одном институте группа подопытных образована. Они так и говорят: «Ты – подопытный человек. Вот тебе сколько угодно денег, в мешке – крупные, в ящике – мелкие. Бери, делай что хочешь, а мы тебя изучать будем в порядке эксперимента на будущее». Допустим, мне так говорят. Я беру торбу, набираю, или еще лучше – тачкой. А все спрашивают: «Чего это у тебя звенит в тачке?» Ну, там, гвозди... Тут главное – домой довести. А уже из тачки – в торбу. И что же я делаю как подопытный с этой торбой? Ну конечно, обмыть... Тут и речи нет. Приглашаю всех ребят с работы, с улицы, с базара – в ресторан, – сидим. До полусмерти. Официанты пьяные, вахтер – ресторан на ключ и в бочке с фикусом лежит, гардероб закрыт – все ушли в буфет. Повара вокруг котлов, как лепестки. Подопытный гуляет.

Городок дрожит, милиция по дыму определяет где, но трогать боится. Неделю сидим. Я беру и по телефону даю шестнадцать телеграмм в разные города. Вызываю такси. Садимся с ребятами, с официантами, грузим шестнадцать ящиков водки, три бочки кислых помидоров, четыре ящика люля-кебабов и едем в другой ресторан. Сидим до полусмерти. Сколько стоит зеркало? Тысячу рублей. Хрясь пивом, держи две тысячи. Кто в люстру боржомом с места? А ну, ребята, а полусидя... Ой, мазила, а ну разойдись... Хрясь! Готов! Сколько? Десять тысяч. Держи тринадцать. Устали. Выскакиваю на улицу. Ребята, трудящиеся, кто гулять хочет?! Увольняю всех с работы, заходи, я подопытный!

Свою футбольную команду набираю. Плачу по тыще в день. Мальчики наказывают «Торпедо» 16:0. Всем по «Волге», нате, играйте, любимые. Устал. Отдыхаю на море в ресторане до полусмерти. Отдохнул. Отдыхаю в холодке, в Мурманске, в «Арктике», мировой ресторан. Накрываем на стол на льдине. Устал. Строю кооператив. Заселяю всех даром. А деньги – мне. Устал. Отдыхаю. Строю подземный переход Кишинев – Бендеры, там нужно очень, и взимаю с каждого, потом беру и окупаю. Покупаю завод тяжелого машиностроения. Строю гостиницы и беру с каждого... Постой... Что-то... Это уже не из будущего... Это что-то из прошлого. Мои мечты о будущем уже были кем-то осуществлены. Ладно, главное – в группу попасть.

Вся наша жизнь – спорт

Вся наша жизнь – спорт. Потому так высоко прыгаем, что толчок сильный получаем. Сверху посмотришь – все подпрыгивают, как на сковородке. Высоко подпрыгнул и затаился с добычей. Потому и быстро бегаем, что на запах. Потому и тяжести огромные перетаскиваем, что в запас. Только по мешкам и узнаешь, откуда возвратился. По детским крикам взрослых разыщешь, по асфальту – исполком, по народной тропе – киоск, по гулу – стадион, по бегу на результат – спринт, по бегу за результатом – сапоги, по бегу без результата – бесплатное лечение.

Что в молодости спорт, в старости – дрова, керосин и нитки.

Феня, моя жена

А я вам вот что скажу: пока все не переженимся друг на друге, до тех пор будем бегать и волноваться. Женильба очень большое спокойствие дает. Я до свадьбы прямо весь зеленый ходил, вскипал, как чайник, с полоборота заводился. Как женился на Фене – затих. Успокоился. Румянец вот. Походка твердая, рукопожатие крепкое.

Сосед мой за стеной нервный, как канарейка. С утра вопьется в газеты: «Ай!.. Ох!.. Ох, эти молодцы! Ах, те сволочи!..» Я его встречу в коридоре, к стене прижму: «Чего ты расстраиваешься, зайчик? Мы с тобой двадцать лет живем душа в душу. Так твоя душа уже с двумя инфарктами, острая сердечная недостаточность и плоскостопие, а у меня – смотри. В глаза мои погляди. Нетронутые глаза! Душа чистая. Пищеварение здоровое!»

Радио не слушаю. Газет не читаю. В споры не вмешиваюсь. Вот ты говоришь, что американская подлодка вошла в Японию. Почему ты должен переживать, носиться по комнате, рвать на себе белье? Что, она выйдет оттуда? Что, это от тебя зависит? Чудаки вы все. Вцепятся в газету. Глодают страницы, с ногами в репродуктор влезают, валидол литрами пьют. И что от этого меняется? А мы с Феней спокойные, как льдины маринованные. Смотри на меня: сорок пять лет, цветущий мужчина, как ландыш. Жить и жить! Кое-где бывал, кое-что повидал. В Крым ездил, в Сочи ездил, в Сухуми был, осталось в театр сходить – и уже везде побывал!

И все слава богу. И за все спасибо. Обуты и одеты, и в доме есть чего перекусить. И телевизор, слава богу, всегда на погоду настроен. Тихая передача. Хоккей смотрю – не переживаю: выиграют – хорошо, проиграют – замечательно. А чего я должен волноваться, я же не играю, я сижу. Клуб кинопередвижек – приятная вещь: сидишь в тапочках, а тебя на Цейлон или под воду. А ты только чай из блюдечка схлебываешь. А как политическая часть начинается, выключаю аппаратуру, обесточиваю агрегат. Он – чтоб остыл, а я – чтоб не раскалялся. А что мне тот самый Уругвай? Как я у них там разберусь, если они там по пятьсот лет живут и сами разобраться не могут?.. Вообще настырные есть – ужас! На собрании ко мне прицепились: почему вас ничего не интересует, не волнует? Как же, говорю, не волнует? Все меня волнует, только оставьте меня в покое!

– А это вас волнует?

– Волнует, – говорю.

– А чего ж вы такой спокойный?

– А это у меня тембр такой.

– А это вас волнует?

– Волнует, чего ж...

– А если вам зарплату урезать?

– Ты что, сдурел, – говорю, – сейчас дам кирпичом по голове!

– Чего вы не подняли старушку, что у вашего порога лежала?

– А чего ее поднимать, действительно? Ну лежит себе, раскинула кошелки. Может, она отдыхает, может, вспомнила чего. А я ее должен хватать на старости лет? Она рада, что из дому наконец вырвалась, а я ее обратно к своим запикивай!

«Почему не помогли пожар тушить?» Такое скажут, хоть стой, хоть падай. Видел я там пламя из окна, искры. Так что, я должен бежать туда? Может, праздник у людей, а я врываюсь с ведром, поливаю незнакомую компанию. Там действительно кто-то крикнул: «Горим!», потом: «Караул!», а кто-то добавил: «Помогите!» Но все так спокойно, с юмором. Ну гуляет семья, мало у нас гуляют?

Раньше люди в коммунальных жили – кастрюля к кастрюле, а сейчас большинство в отдельных, и не лезь! Валяться буду на улице – не приставай. Отдельно хочу! А как лезут, начинают тормозить, к жене посылаю. А для чего я женился?

На субботник?.. Можно на субботник, только по этому делу до жены моей, до Фени, до Фенечки. Озеленение?.. Деревья обкопать?.. Чудное дело. А как же. Только с этим не ко мне, а к жене моей. До Фени. До Фенечки. Она разберется.

Я тихий человек. Мне было б что поесть, где поспать и что почесать. Никаких у меня ответов нет, никаких вопросов не накопилось. И не тереби меня. Дай полежать спокойно. Со всеми переживаниями до жены моей. Вон она, Феня. Вон она ходит, мягко стелет, вкусно варит. Феня, моя любимая. Все до Фенечки!

Авас

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Первый. Чувство юмора – прекрасное чувство. Оно необходимо каждому человеку. И как жаль, когда у некоторых его нет.

Вот у нас в институте произошел такой случай. Есть у нас грузин, студент, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас, и доцент Петяев, страшно тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

- Как ваша фамилия?
- Горидзе.
- А зовут вас как?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович, а вас?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович, а вас?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович! А вас?!
- Авас.

Так продолжалось два часа. Он никак не мог выяснить, как зовут этого грузина.

Второй (*входит*). Что вы смеетесь? Я тоже хочу.

Первый. Да я тут рассказываю... У нас в институте произошел такой случай. Есть у нас грузин, студент, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас. И доцент Петяев, страшно тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

- Как ваша фамилия?
- Горидзе.
- А зовут вас как?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович, а вас?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович, а вас?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович! А вас?!
- Авас.

Так продолжалось два часа. Он никак не мог понять, как зовут этого грузина.

(*Пауза.*)

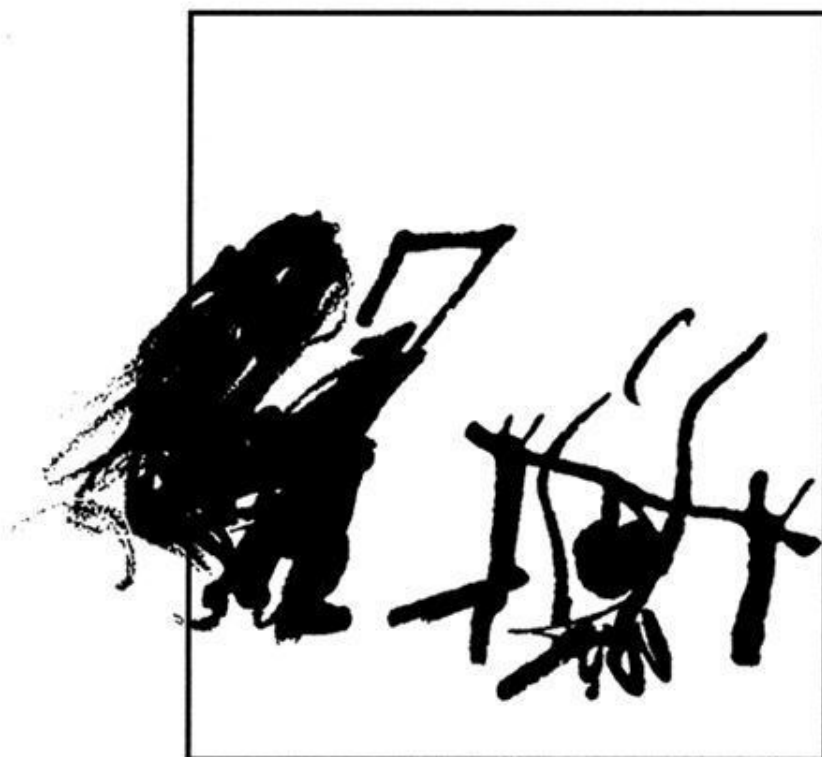
Первый. Есть у нас грузин, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас. Зовут его так – Авас. Да, называли его так, он не виноват. Авас. Тебя как зовут?

Второй. Степа.

Первый. Ну вот. Ты Степа, а он Авас. Он Авас, а ты Степа. Грузин Авас...

Второй. А кто Степа?

Первый. Ты Степа! А он Авас. А доцент тупой. А ты Степа. А он тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

– Как ваша фамилия?

– Горидзе.

– А зовут вас как?

– Авас.

Второй. Кого?

Первый. Что – кого?

Второй. Кого он спрашивает все время периодически?

Первый. Периодически? Кого спрашивает? Кто спрашивает? Грузин?

Второй. Какой грузин?

Первый. Есть у нас грузин! И доцент тупой! Вызывает он этого грузина к доске и спрашивает: «Ваша фамилия?» – «Горидзе». – «А зовут вас как?» Он говорит: «Грузин». То есть «доцент». То есть «грузин». Нет, грузин думал, что он спрашивает его, грузина... то есть доцента, а доцент думал, что он его спрашивает...

Второй. О чем?

Первый. О грузине. Нет, о доценте. Он говорит: «Как ваша фамилия?» – «Горидзе». – «А зовут вас как?» Он говорит: «Авас». Он говорит: «А я доцент». А тот говорит: «А я грузин». А доцент говорит: «А я кто?» А он говорит: «Вы тоже грузин».

Второй. Так они оба были грузины?

Первый. Вот это я не помню. Один был грузин, а другой... Степа!

Второй. Да это я Степа.

Первый. Ты Степа? А кто грузин? Грузин не знал, что он грузин...

Второй. Ему не сообщили?

Первый. Сообщили, но поздно. Он уже был Авас!

Второй. Давай еще раз!

Первый. Есть у нас грузин и доцент тупой. Страшно тупой.

Второй. А грузин?

Первый. А грузин нет. И ты тоже. Вместе с доцентом.

Второй. Ну?

Первый. «Ну!» Вызывает он его к доске – Авас, Авас, Авас, Авас!

Второй. А-а-а! Ну и что?

Первый. Ничего.

Второй. А чего вы смеялись?

Спокойно, товарищи

Товарищи, у некоторых появилась мания: они стали бояться, что за ними захлопнется дверь. Вышел из квартиры – захлопнулась дверь, остался на лестнице в трусах. Вышел из министерства – захлопнулась дверь, остался на улице со списком. Выехал из города – захлопнулась дверь, остался в степи без документов... Некоторые стали руками придерживать, некоторых от ручки не оторвешь. Они жутко замки проверяют и каждый раз снова тянутся, возвращаются, не могут отойти...

Товарищи, убирайте ноги, дайте закрыть. Предупреждаю, если сзади щелкнет, это не всегда дверь. Кроме замков автоматических, так называемых английских, есть ручные, висячие – наши. Их слышно, когда закрывают. Не надо ногой дверь придерживать: вы мешаете находящимся в помещении. Идите. Будете стучать обратно – лицо держите перед глазком.

Снизим растущие потребности!

Граждане, гражданин! Я труженик советского сервиса. Не Севера – сервиса, обращаюсь к вам, наши клиенты, с мыслью: за все надо сказать спасибо.

Пообедал – слава Богу!

Поспал – спасибо!

Одет – благодарю!

Обут – хорошо.

Эти роптуну только портят... Скандалят, критикуют... А нам и так хорошо... Я лично доволен, что существую, и все! За все спасибо и слава Богу... Не хочу ничего усовершенствовать... Раз лучше, чем было, значит, уже хорошо!

Отчего у всех растут потребности?.. Зачем тебе машина?.. Ты же хочешь, чтоб тебя заправляли, чтоб тебе стекла мыли... Кто тебе будет мыть?.. Они тоже хотят в машинах сидеть. У нас все равны...

Дадут тебе машину, ты разве успокоишься? Ты же дачу к ней захочешь прицепить двухспальную. Хорошо, если со своей женой: у тебя потребности растут. А потом туда газовую плиту прикажешь вставить, приемник, телевизор. А откуда это взять?.. Нам что, капиталист одолжит?

Нет... Получается жуткая картина... Другой такой же, как ты, советский человек должен взять перед этим ни капли не выпить, встать с утра пораньше, засучить рукава и вкалывать весь день напролет. Ему уже на перекуры и на разговоры времени не остается, потому что он тебе дачу клекает.

А еще пятеро несчастных, непивших, некуривших, тебе туда диван вталкивают. А бедолага, у которого ни в одном глазу, который нарушил свой распорядок, не побаловал с нормировщицей во время рабочего дня, тебе отопление ставит, проклиная свою разбитую жизнь.

А конструктор, тонкий ум, высокий интеллект, не обсудив как следует вчерашний футбол и не заточив за полдня карандаш, вынужден сразу, с утра размечать для тебя окошки, чтоб тебе вдыхать и выдыхать. Чтобы тебя грело, а там охлаждало, чтоб тебе там пусто было, а здесь битком...

Мрачная картина общего напряжения...

Зачем мы друг другу на голову свои потребности обрушиваем. Может, откажемся, а? Скажем, не надо нам, а? Не хотим загружать своего коллегу, брата своего удивительного. А, ребята? Если договоримся, сразу тише станет...

И не надо на нее прыгать. Что, она не такая, как ты?! Шашлык в пыли... С полу, с жару... Сдуй. Тряпочкой оботри... Чего ты ей жизнь портишь?! А завтра она придет к другому: почему стиральная машина течет, а тот поползет на поликлинику жаловаться... Только начни... У всех сразу настроение испортится. Зачем?.. Рухнул на тебя потолок... Сиди... Считай, отомстили: он вчера от своего фена электрического получил все двести двадцать вольт в руку.

Откуда у одного будет вдохновение другому подавать, если тот ему так пол прибил, что сквозь трещины собака пролезет. Вот и все. Что может быть лучше: накрылся шкурой, спустился к водопаду, напился. Антилопу догнал. Кулаком ее сшиб. И сыт. И лежишь под деревом. Или на дереве. В заповеднике... Орла стрелой снял. Перо вставил – все женщины твои... Летом лавровый лист надел, на берег океана пришел. И лежишь... Пальму потряс, банан упал, и опять лежишь...

Все, что надо, животное подает, обезьяна... Зачем своих загружать. Светлая картина... Ну?.. Как?.. Откажемся, а, братья? На кой черт нам эти шелка, машины, пылесосы... Никто же нам не даст... Самим надо внедрять, добывать, ругать, вставлять, долбать... Стоят они этого всего, эти растущие, а?..

Если что решите, подходите, я рядом на стройке отдыхаю.

Диета

Есть прекрасная диета. За неделю – полвеса. Для начала легко скандалите на работе, высказывая недовольство общей системой производства и не видя выхода. Вас увольняют с плохой характеристикой.

Широко известно изменяете жене, крича: «А как же, конечно!» Не видя выхода, она от вас уходит. Та, вторая, ждет ребенка, но вы от него отказываетесь, крича в суде: «Конечно. А как же!» Обильно заливаете соседей и ждете их прихода с ответным словом. Пишете письмо о плохой работе своего отделения милиции и подписываетесь полностью. Прорываетесь без очереди сквозь толпу, называя себя инвалидом, – отчего им становитесь.

Затеваете ремонт – приходите без материалов, без связей, без очереди и требуете начать ремонт, выкрикивая слово «официально».

Вызываете «Скорую» и вступаете с врачом в диспут: почему их не было полтора часа? Он вам о зарплате фельдшера, вы ему о всеобщей медицинской помощи. Он вам о личной заинтересованности, вы ему об успехах здравоохранения. Тут же он вас лечит, и, выкрикивая слово «принципиально», вы пробиваете на телевидении этот разговор. Пробиваете, пробиваете, пробиваете и потом опять пробиваете и уже тогда начинаете пробивать там же разговор о продуктах, отталкиваясь от желудочных заболеваний и связывая его со «Скорой». Пробиваете, пробиваете, пробиваете, потом еще раз пробиваете и, так и не выбив пропуск у вахтера, чтобы просто подойти к зданию, идете взвешиваться.

Теперь можно есть все. Вопрос в аппетите.

Грипп

Грипп или что другое. Температура. Вызываю по телефону. Через три часа дверной звонок. Стоит девочка в ботах. Носом хлюпает, шарфом обмотана.

– Врача вызывали?

Я под одеяло. Она села на кровать.

– Что ломит? Чем болеете?

– В общем, грипп.

– Где работаете?

– Пишу.

– Писатель? Как интересно. Книги пишете?

– Юмористические штучки.

– Поднимите рубаху. Дышите глубже. А трудно писать юмористические рассказы?

– Нет.

– А по-моему, очень трудно. Где вы темы берете?

– А вы врач?

– Нет. Я студентка. Нас на эпидемию бросили. Вы один живете? Некому сходить в аптеку?

– Один.

– Ну, что нового в театрах?.. А где вы темы берете для юмористических рассказов?.. Ну, я пошла. Лежите, я сама оденусь. Вам нельзя вставать. Ни в коем случае. Я даже могу дверь закрыть.

Дверь захлопнулась. Тут же звонок в дверь. Одеваюсь. Встаю.

– Ой, перчатки забыла. Вот они. Все, лежите.

Раздеваюсь, ложусь.

Звонок. Одеваюсь. Встаю.

– Ручку у вас прихватила. Ложитесь. Нельзя.

Раздеваюсь, ложусь, звонок. Одеваюсь. Встаю.

– Самое главное, извините, я случайно захватила рецепты, которые я вам выписала. Я уже тут в каждой квартире что-то забываю. И все-таки это не так трудно, как писать юмористические рассказы.

Мальчики, схватимся и побежим ¹

Ребята! А что, если все вместе возьмемся и побежим... Вот прямо сейчас, схватились и побежали...

(В сторону). А? Что?.. Завтра выходной... Да... А когда?.. Понедельник?.. Ну ладно... только точно...

Так, все, ребята, понедельник... только все как один... Ну!.. Давайте!.. Не стоит?.. Через месяц, ну ладно... через месяц. Но так же нельзя сидеть, нельзя, мы же стареем на глазах... Мы же понимаем, что это нужно!..

Ну!.. Встали, побежали... Сейчас же... Ну в чем сидим, в том побежали... Ну и что, если зима?.. Холодно?.. Ну что?.. Ну по снегу. Ну и побежим... Промокнем, ну и что...

Ну хорошо, как потеплеет... Ну ладно... Да что ладно?! Ну нельзя же... Ну! Ну я кому говорю! Подъем!.. Подъем! Ну!.. Схватили рюкзаки, надели что есть и за мной!..

А?.. Что вы сказали?.. Весной... Ну тогда уже все вместе. Ну и чудесно... И студентки подъедут, и медсестры присоединятся. Да... Уже всех соберем, и тогда... Ладно... Договорились.

Все!.. Весна!.. Побежали, ребята, пробьемся!.. Ну!.. Что?.. Сессия... и медсестры заняты... Грипп, да... И сессия... Ну ладно... Через пять лет они закончат, тогда и понесемся... Рюкзаки, и пробьемся!..

Ребята! Закончили... Давай... Только все как один... Ну!.. Что?.. Опыта нет... Только закончили... Ну да... пусть поработают немного... Пообвыкнут... Разберутся... В общем, еще чуток обождем...

Ну все, пора! Обвыкли все... Побежали, товарищи, побежали... впереди самые активные, сзади те, кто, так сказать... А когда придет теплое белье?.. Ага. И хорошее бельишко? С начесом внутрь... Товарищ, есть смысл подождать и уже во всеоружии, в теплом бельишке... А?..

Ну что... все есть?.. Ну... Рванули, мальчишки, мальчишки, мы недалеко... Мальчишки!.. Радикулит?.. Ну, рванули... поясница?.. Доктор говорит, через год будете танцевать. Ну, еще год, столько ждали...

Ну все, кажется, полегчало, схватили рюкзаки?.. А?.. А... шестьдесят лет... куда бежать... куда спешить... и пешком там будем... Вот молодежь растет... вот эти да...

Ну чего вы сидите?.. Вперед, ребята... Вы молодые, вам карты в руки... Только все вместе... Бегом!.. Прыжками! Вперед, дети мои!.. Вперед, внуки мои... За деда, за бабу... Ну, побежали...

Куда?..

Куда-то вперед... А может... Я помню, надо бежать. А куда?.. Для чего?.. А!.. Вот и солнышко выглянуло... Идите, идите, не мешайте...

¹ Первое произведение.

Подруги

Из спектакля А. Райкина

На углу стоят восемь женщин.

Девятая (*проицается*). Девочки, я так рада, что мы наконец собрались. Мы последнее время так редко собираемся. Я вас приглашаю на следующее воскресенье. Ладно, девочки?! Ну, я пошла... До свидания...

(Восемь женщин смотрят ей вслед.)

Первая. Хорошо, что она нас пригласила... Мы так давно вместе не собирались. Правда, девочки?.. И как здорово все было приготовлено. С каким вкусом... Я ела и думала: откуда у нее деньги? В аптеке работает... Это все яды... Она домой полную сумку ядов тащит. А сейчас за яды бешенные деньги дают: змей не хватает... Эх! Мне б яду... Ну, я пошла.

(Семь женщин смотрят ей вслед.)

Вторая. Видели, кофта на ней!.. Муж плавает на пароходе день и ночь. Никто его не видит... Такие вещи привозит. Класть некуда. Могла бы сказать мне: «Капа! Я вижу, ты смотришь... На! Мы поносили, теперь ты поноси... На!.. Бери!..» Господи, я бы все равно отказалась, разве мне нужны эти тряпки... Но она могла бы предложить?! Ну, я пошла...

(Шесть женщин смотрят ей вслед.)

Третья. Отсудила у мужа все... Выбросила его на улицу голого и босого, там он простудился и слег.

А еще два диплома имеет, образованная... До свидания, мои любимые!

(Пятеро смотрят ей вслед.)

Четвертая. Образованная... Уж кто бы говорил, а она б молчала. Сама на свой диплом чайник ставит! А я, между прочим, без диплома и без аттестата, и все со мной советуются. Потому что все меня любят. Правда, девочки?

Все. Конечно, милая...

(Четвертая уходит. Четверо смотрят ей вслед.)

Пятая. Ей уже сто лет. Водку пьет, как мужчина, и ничего. Вот что значит организм... Ну, надо идти.

(Пятая уходит. Трое смотрят ей вслед.)

Шестая. Иди, милая, иди... Сама становится все старше, а мужья все моложе и моложе... Последний, кажется, в школу ходит. До свидания, девочки.

Двое. До свидания, родная.

(Шестая уходит. Двое смотрят ей вслед.)

Седьмая. А я тебе скажу, что у нее комплекс. Знаешь, теперь есть такой комплекс ненормальности. Все стучит шваброй в потолок, чтоб перестали мебель двигать. А у нас из мебели ведро воды... Такая дура... За что ее мужу Ленинскую премию дали?.. Пошла.

Восьмая. Пошла, пошла...

(Остается одна. Тоскливо смотрит по сторонам.)

(Себе.) Пошла... Пешком... А по ночам на «Волге» ездит. Скрывает... А от народа скрывать нечего. Народ ночью видит лучше, чем днем. Верно?.. Верно!.. Точно?.. Точно!

(Уходит направо. С левой стороны поднимается занавес. Восемь женщин стоят, смотрят ей вслед.)

Первая. Видели?.. Она улыбнулась. Челюсть у нее искусственная. А если копнуть глубже, вообще парик!

Одинокий

Послушай, кацо, нехорошо получается. Сначала все хохочут, только потом я хохочу. Все плачут, потом я плачу. Иногда все молчат – мне кричать хочется. Что за характер такой? А? Все кричат – мне молчать хочется. Понимаешь?! Чем больше мне говорят: «Бога нет», – мне так и хочется сказать: «А ты видел, что его нет? Что ты кричишь?! Ты не видел, что он есть, и не видел, что его нет. Что ты вообще видел?»... К невропатологу пойти, что ли? На анализы лечь... Невыносимо, слушай... Если все туда побежали, я здесь останусь. Скажи, тип интересный. Все кепки надели – я должен папаху прицепить...

Мне серьезно лечиться надо, на процедуры ходить. Из-за характера своего я уже без родственников остался. Мне друзья говорят: «Ты что, действительно хочешь быть ни на кого не похожим?! Что телевизор не купишь? Что фигурное катание не смотришь? Что от Райкина не смеешься? Что комнату не обставляешь внизу для себя,верху для гостей?! Почему не пьешь с нами, как мы? Почему женщин не любишь, как мы? Зачем издеваешься над нами – выделяешься из нас?! Мы твои друзья, для которых ты дороже жизни, – мы тебя побить можем...» Я им говорю: «Вы мои друзья, вы меня можете побить. Ну не буду я идти инженером, все туда пошли. Не могу я! Больной я человек».

Людей стал избегать. Не хочу лучше, чем у соседа, не хочу хуже, чем у соседа, не хочу вообще, как у соседа, сам по себе хочу... Людей стал избегать... Из Москвы блондинка приезжала – весь Гудаут за ней ходил. Я в землю уткнулся. На месте остался... Ну ты видел такого?!. Лаковые туфли не хочу обувать. Кепку сбросил. Брюки-шаровары надел, рубаху украинскую, трубку. На Тараса Шевченко стал похож. Все переменил. Сюда переехал. Друзья приезжали, побили все-таки... А что я могу сделать?.. Больной человек. Хороший врач нужен.

Поменьше юмору, граждане!

Граждане! Чтоб не мешать, пока давайте меньше юмору, граждане. Давайте пока не острить. Изю всех сил держаться и не острить. Меньше смеху, меньше улыбок, товарищи! Больше насупленности и сурьезу. К насупленным, драматически сурьезным и трагически сосредоточенным больше доверия. Все понимают, что вы своим юмором хотите сказать... Все бы хотели сказать. Но низзя!.. Рано. Успеет. Проблемы решать надо в полном молчании... Решим – остри, не решим – молчи, пока не решим. Свистнем – остри. Жди свистка.

Сурьезный, насупленный, молчаливый и диковатый вызывает огромное доверие и сверху, и снизу. Он что хочешь выполнит – не что хочешь, а что хочешь выполнит – без издевательских острот и жуткого подхихикивания снизу.

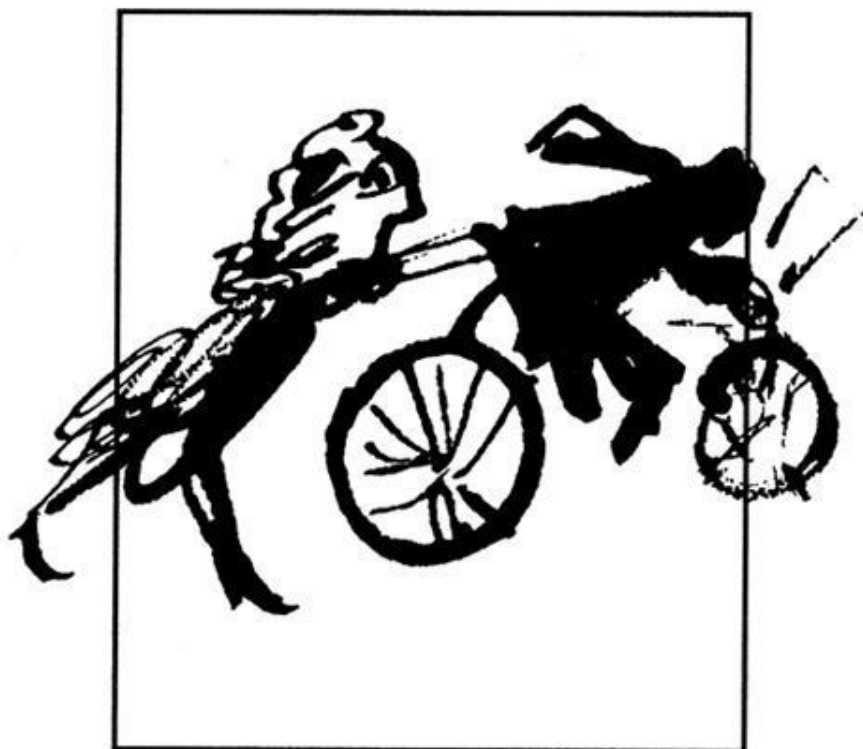
При мне от смеха у людей выпадали кувалды, баранки и гвозди. Трясущийся от хохота, со слезящимися глазами комедиант не может найти оброненный карандаш или пассатижи и теряет час-два горячего рабочего времени. Сила удара кувалдой по конструкции у смеющегося человека вдвое ниже по динамометру, мы замеряли.

И правильно сейчас просматривается намечающаяся тенденция, смешанная с концепцией по всемерному снижению уровня хохота в организациях и частных лицах.

Под песню, напрасно непрерывно бодрящую из динамиков, хорошо ходится и входится строем в ворота производства, хорошо клепаются у горячих мартенов. Так что давайте, давайте, давайте побыстрее без юмора, граждане. Побыстрее, побыстрее, нечего откладывать. И прямо сейчас, без этих насмешек и подхихикиваний под печатающий шаг трудовых отрядов.

И не дай бог насмешки над собой как признака ума, который, мол, есть в Англии. И езжай. И смейся над ими же зими уместе. Все замороченные, все выбивают друг у друга дефицит и прописку, так что ж их отвлекать от этого святого дела.

Ишо над собой смеяться... ишь чего. Дай волю – половина покатится до судорог, на карачках уползет. А низзя! Разговор должен быть громкий, крепкий, лобовой, без подмигиваний и намеков.

Равномерное изложение, равномерно действующее на окружающих. Слова употреблять знакомые, много раз слышанные, вроде гудения трансформатора: предоставить, обеспечить, наладить, обратить внимание. И это правильная тенденция, смешанная с концепцией, – оставить у человека на завтра такое настроение, какое у него было сегодня.

А чувство юмора выбивать из остряков руками, и его издали будет видать. Научись острить без намеков и веселиться без юмора, увидишь, как к тебе потянутся люди посмотреть на тебя, юмориста, порадоваться за себя.

Вот так на сегодня. А на завтра посмотрим, когда подождем! Как подождем, так и посмотрим.

Склероз

Слушайте, это ужасно, слушайте. Только что смотрела картину, оказывается, второй раз. Черт его знает. Иди запомни название, иди запомни содержание. Сижу, смотрю. Мне говорят: «Вы уже это видели». Начинаю присматриваться. Действительно, что-то шляпа знакомая. Тайга какая-то, чекисты. Правильно, смотрю второй раз, если даже не третий. Слушайте, это же ужасно! Сейчас иду посмотреть «Месяц в тайге». Напомните мне – это там, где она ему изменяет или где он план не может выполнить? Тоже не помните. Никто не помнит. У всех склероз. Здоровье ни к черту. Пойду посмотрю.

Вперед

Из человека в шприц что-то можно выдавить.

С листа собрать чернила в авторучку.

С газеты на матрицу буквы снова перевести – в свинец переплавить. Свинец вывезти на Среднерусскую возвышенность и снова закопать – снова гору возвести по фотографиям.

Дрова в деревья перевести, нейлон – в уголь, уголь – в шахты.

Воду из чайников в реки вылить.

Костюмы наши распустить, свалить, стриженным овцам сшить тулупы и надеть на них с извинениями.

Перья у дам выдернуть, снова этим ребятам страусам вставить.

Гири переплавить, прилавков разобрать, чтоб ему стоять негде было.

Телевизоры разобрать, медь отдать Хозяйке Медной горы, стекло растолочь и снова в песок на берег реки.

По проводам пойти, разыскать электростанции, разобрать, воду слить, мазут в скважину закачать.

Землю по фотографиям и наскальным рисункам восстановить, пушки в руду перевести и отвезти на Курскую магнитную аномалию, где и разбросать.

И все это время не стричься и не бриться, зарастать начать и продолжать зарастать.

И уже этой шерстью согреваться и по деревьям по оставшимся рассестись.

Ничего не значащие слова «Эй, здоров», «Как дела», «Ты все еще там», «Я все еще здесь» заменить гортанными криками и курлыканьем: «Эй зоов ка-ак жи-и, ка-ак де-а-а-а, ты здесь... я т-а-а-а-м...»

Сидеть на деревьях каждый на своем, цепляясь за ветки сильными рыжими ногами и провожая упавшего равнодушными взглядами, – не приспособился.

За самым заросшим, самым приспособившимся, у которого уже первые признаки хвоста, мчаться в апельсиновую рощу. А-а-ах... и бегать, и спать, и прыгать, и пить, и снова бояться львов и тигров, а не этих своих товарищей...

Не пойму, что с людьми происходит

Для Р. Карцева

Не думал никогда, что у нас такие странные люди есть... Отказаться от жизни, чтоб кидать ядро дальше другого дурака или выше поднимать ногу на сцене?! Что-то я не пойму. Чего они из кожи лезут?.. Этот на себе микробов выращивает. Это ж надо гадость такую. Пожилой человек... Тот вообще залез в вулкан. Извергался оттуда с компанией таких же дружков?! Ну?.. Ей-богу. Как дети... Нет?..

Вроде приличная зарплата. Семья. Так сиди. Не скачи. Не дергайся... Конечно, кроме себя он никому вреда не принесет. Но пример дурной показывает... А тот дурачок на лодочке четыре месяца плавал один. Ну так ладно, он англичанин. С них не спросишь. С них, чтоб спросить, надо пролив Ламанческий переплывать... Но чтоб у нас такие дураки были, не ожидал... Еще хорошо, общественность не поддерживает. А то на лодке каждый бы... От жены. От детей...

На льдине сто дураков сидят, лед шупают, медведей пугают. Им еще туда зарплату сбрасывают, провиант и за снег доплачивают... Что, у нас снега мало?.. Несет их... Другой черепа раскопал, сидит в яме празднует... Дурака валяют в рабочее время. Собаке вторую голову пришили... Я думал – пацанва, а это пожилые люди балуются...

Она тридцать лет цветочки соединяла: фиалочку с тюльпанчиком. На государственные средства... Тьфу!.. Дура с пестиком!.. Я без цветов знаешь сколько живу!.. Я б тебе показал, куда деньги девать.

Счетные машины... А что считать?.. Руб сорок девять плюс руб сорок девять минус посуда.

Прибегает два раза в месяц: «Дай мне бешеные деньги, я микроба нашел...» Ох, я б тебе деньги показал бы!.. Ты бы у меня вагонетку толкал бы в одну сторону, а другой такой же в другую!..

Между нами говоря. Что мне от той Луны?.. Ни холодно, ни жарко. Ну светит – светит. Не светит – спичку зажгу... Чего я должен заглядывать, что у нее со спины. Что я, без этого не жил?.. Ну, между нами говоря!.. Что-то я тут не пойму... Что это за национальность людей такая?..

А если народ не понимает. Так и не рыпайся!.. Может, это все запретить и посадить их в карцера?.. А?.. Это можно попробовать, а если хорошо получится, то и держать... Потому что когда все понимают, что ты делаешь, когда самый дурной, тупой поймет, чем ты занимаешься в рабочее время, – занимайся... А если я к тебе забрел по пьянке проверить, что ты вытворяешь в государственный рабочий день. А ты мне что-то лопочешь: частицы, нейроны, мембраны. А я ни черта. Ни в какую. Ни за что. Хоть ты в меня стреляй!.. Тогда все... Тут тебя и брать надо. Тут тебе пятнадцать суток и как раз... Эх, я б наломал. Власти у меня мало...

Да не кричите вы!.. Лошадь тут стояла. Надо же убрать.

День, полный жизни

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Сидят двое – мрачные, с головной болью.

– А потом куда мы пошли?

– Домой.

– Ну пришли домой...

– Не сразу. Сначала зашли в мебельный магазин.

– Да?.. А чего? Я хотел купить чего... или чего?

– Чего купить. Вы там хотели раздеться и к ним в шкаф повесить.

– Ну?

– А они не давали.

– Ну?

– Ну, у них ваш зуб остался.

– Да... (*щупает*) ты смотри. А рукав где?

– В музее.

– Чего?

– А у них кровать стояла, царская, что ли, вы себе стелить начали.

– А чего это все синее?

– Они протокол составляли, а вы не давали.

– Ну и чего?

– Ну и чернила выпили.

– Ага... Ну спасибо, проясняется. (*Вынимает из кармана гирлянду лампочек и шариков.*)

Наверное, на елку налетел.

– Да нет... Сейчас лето.

– Да?.. А то тут буквы какие-то. Чувствую, давит. (*Вынимает буквы ГАСТРО.*)

– Реклама, наверное. Вы с кем-то спорили, что вы альпинист.

– Какой я альпинист?

– Разве поймешь. Вы по-немецки говорили.

– По-немецки... И немцы меня понимали?

– Наверное... Они тоже русские, кроме того – выпимши.

– Да... А кто ты такой?

– Так Витя...

– Витя... Мы что, с тобой в школе учились?

– Не...

– А что, работаем вместе?

– Не... Мы только вчера познакомились.

– А?.. Ты Костя?

– Не – Витя.

– Ну ладно... Повеселились, на работу надо.

– Не надо. Вы уволились.

– Когда?

– Вчера... Вы ходили к директору домой...

– И ты ходил?

– Ну да... Я же вам денег одолжил.

– Много?

– Сорок рублей. Вы их своим друзьям отдали.

- Каким друзьям? Ты их запомнил?
 - Не... На вокзале, они уезжали.
 - А я что, их провожал?
 - Я думал, они вас провожают. Вначале вы сели в вагон – они вас целовали, потом они сели – вы их целовали.
 - А поезд куда ушел?
 - Да быстро ушел...
 - Ну ладно... Домой попробую. (*Встает, вынимает буквы НОМ.*)
 - Чего вам дома делать? Вы жене сказали, что уходите к Зине.
 - К какой Зине?
 - Не знаю. Вон ваши вещи, я помог перенести с милиционером.
 - С милиционером?
 - Ну, у которого вы коляску оторвали.
 - Он с ребенком был?
 - С мотоциклом.
 - Ну ладно, я пойду все-таки. Мне молоко надо было купить...
 - Как же вы пойдете?
 - Спасибо, что приютил. Сколько у тебя можно сидеть?
 - Во-первых, вы не у меня сидите, а во-вторых, сколько дадут, столько и будете сидеть.
- Это уже от нас не зависит!

Не надо было

Когда-то казалось, что все по чуть-чуть.

Мы уже почти добились этого.

Интеллигенция еще сопротивлялась, но непосредственные производные и большая часть крестьянства были охвачены этим подъемом.

И все, как вы помните, с утра, поэтому сложная наша техника до сих пор страдает такой точностью.

Теперь участились случаи трезвой сборки, тогда выявились конструктивные недостатки.

А порой стало случаться, что и конструктивно ничего, тогда выявили некачественные элементы смежников.

А теперь случается, что и сборка трезвая, конструктивных недостатков нет и смежники ничего изготовили, и тут полезли недостатки организации.

А теперь все чаще сборка трезвая, и конструктивно хорошо, и смежники, и организация хороша – полезли огрехи всей системы жизни в стране.

Не надо было водку трогать.

Только приятное

Для Р. Карцева

Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Вы все чудесно выглядите. Какой здоровый цвет лица... Какие могучие плечи!.. Я рад, что у всех все хорошо... Я рад! Мне приятно!.. Когда все хорошо. Когда я ко всем хорошо. Когда все ко мне хорошо. Когда вокруг все чудесно...

Ой! А это чей это очаровательный ребенок?.. Ой, какая прелесть. А тю-тю! Агусеньки! А малыньки! А рученьки! А ноженьки! А миленьки! Ну иди к дяде! Иди сейчас же к дяде! Сейчас же иди к дяде! Немедленно иди!..

Не хочешь? Ну отвали... А это кто это сшил костюм?.. Ты сшил костюм? Себе?.. Ему!.. Изумительный. Кто сказал, что плохо сидит?.. Врет он все, врет... Меня слушайте: как влитой, облитой, вылитый... Иди вдаль. Ой! Невозможно сидит! Невероятно лежит!.. Все! Не возвращайся! Доставь наслаждение – иди вдаль! Скройся! Ура... А это что? Стихи?.. Ну-ка, ну-ка... (*Слушает.*) Все! Хватит! Мне мало нужно. Две рифмы... У вас талант, женщина. Искра. Идите отсюда. Учитесь... Нет, не надо учиться. Пишите, и носите с собой, и читайте всем. Все не выдержат, все умрут.

Здорово! Цю! (*Целует.*) Радостно! Цю! (*Целует.*) Благостно! Цю! (*Целует.*) Мой любимый поэт!.. Здравствуйте, мой дорогой!.. Чудесно выглядите! Здоровяк! Могуч! Так и хочется хлопнуть по необъятному плечу. Хлоп... Э-э, вы что, падаете?.. После инфаркта... Цвет лица изумительный... Ну идите... Извините, пожалуйста, я вас не толкнул, когда обнимал?.. Простите...

Каждому приятное... У меня нет врагов... Только друзья... Весь мир за меня, и я за весь мир... Каждому, каждому, каждому – тысячу извинений! Здравствуйте, доброй ночи, с днем рождения. Как здоровье? С праздником!.. Вас также!.. Вас также!.. И вас, вон там, также!.. До свидания! Доброе утро! Долгие лета!..

Ой! Кого я вижу! Ой, какая прелесть! Ой, вы чудо! Ой, я потрясен! Доброй ночи! Здравствуйте! Привет всем! Ура... Вас также!.. И вам также... И вас, вон там, также!.. Ай... Ой!.. А это кто это идет? А это кто-то движется?! Здравствуйте, старик! Здравствуйте, приятель! Смотрел вчера твою работу... Гениально! Абсолютно! Непривычно! Смертельно! Буйно! Меня унесли... Я здесь с трудом!.. Прибегай, жду!..

А это кто идет!.. А это кто движется?!.. Моя прелесть, моя радость! Мое чудо!.. Что?.. Нет ни копейки... К сожалению... Последние семь копеек отдал на городское озеленение... Бегу! Ты здесь? Я прибегу... Ая-яй!.. Ой-ой-ой!.. Ха-ха-ха, хо-хо-хо... Мой хороший!.. Здравствуй, моя дорогая... Дай поцелую! Дай поцелую... А это кто это? Ребенок?.. Какой прелестный ребенок... И вы от меня скрывали?.. У тю-тю... А тю-тю... Ой! Он улыбается... Ой, умница... Нет, не могу, к сожалению... Ни копейки, то есть ни минутки. Все на бегу... (*Вдруг сурово.*) Ага! Это ты, старик... Мы о тебе говорили. Скажу тебе откровенно. Ты, если без дураков, без трепотни, – гордость нашего машиностроения. Даже мирового. Я о тебе четыре часа говорил. Меня откачивали. Нельзя так долго говорить. Судороги начались. (*Смахивает слезу.*) Ты немислимо талантлив. Иди! Я с тобой навсегда.

Доброй ночи! Здравствуйте! А вам – до свидания за вчера... А вам – чудесно выглядите за позавчера... Простите, я, кажется, стою к вам спиной. Ой, теперь к вам спиной!.. Ой, теперь к вам!.. (*Вертится.*) Теперь к вам!.. Как же стать, чтобы ни к кому спиной. Личиком ко всем, грудкою... Разрешите прижаться к стеночке... (*Развел руки, прижался, озирается со слезами.*) Ой, простите, толкнул вас... А, это стена. Это вы, стеночка? Спасибо. Простите...

Ой, сколько людей?.. Спасибо, простите... Извините... Здравствуйте... Вы гениальны! Вы чудесны!.. Вы прелесть!.. Вы очарование!.. Приятного аппетита, как провели ночь?.. (Пауза.) Чудесно... Почему вы молчите?.. Вы, кажется, хотите похудеть? Вы скелет... Почему вы на меня так смотрите?.. Не надо ненависти... У меня нет врагов... Я всю жизнь говорил только приятное... Каждому... Не идите на меня... Я опасаюсь... Не надо!.. Стойте там... Я вам сказал, что вы поэт... Вы поэт! Вы гений... Что? Вам шестьдесят. Вы поняли, что напрасно... Но вы поэт... Не трогайте меня! Мне нечем дышать!.. Да. Я что-то чувствовал... Но я хотел вам приятное... Отпустите меня... А вы кто?.. Какой прелестный ребенок?.. Да, я повторял «прелестный ребенок», отпустите... Да, я понимал... Но хотел приятное вашим родителям... Фу! Такому зарезать ничего не стоит, хулиганье!.. А тебя я узнал. Ты гордость машиностроения. Ты изобретаешь всю жизнь. Таланта у тебя нет... Я понял... Ну и работай спокойно. Люби жену, радуйся... Не добивай эту проклятую диссертацию... Уже поздно?.. Но ты веришь, что я хотел тебе добра... Ты веришь?!

Честное слово! Честное слово!.. Я всех любил. Меня все любили. И я такой молодой, красивый, сильный... (Шепчет.) Здравствуйте... с днем рождения... приятного аппетита... вас также... вас также... и вас также... И вас также!.. И вас, вон там, также!.. Тьфу! Благодарность человеческая... Ненавижу!

Молчание вслух

Мальчик, подожди, я тебе что-то скажу. Понимаешь, мальчик, мне как-то нехорошо на работе и дома. Слышишь, мальчик, они, оказывается, не желают меня видеть. Они говорят, что я очень молчалив. Мальчик, ты слышишь... Почему же я прослыл молчаливым... А потому, что я молчу... А вот почему я молчу... Как я острил раньше... Думаю, вот скоро заострю опять... Не начинаю... Как они умеют веселиться. Их веселит все. Кто-то обгоняет их на лодке. Они кого-то обгоняют: «Эй вы, ренегаты, куда повернули? Давай с нами. Ха-ха-ха-ха! Куда он гребет, там мелко, ха-ха-ха. Ничего там нет. Ха-ха-ха-ха! Ой! Танька с Манькой перевернулись! Ой! Ха-ха-ха! Ай! Ха-ха-ха-ха!»

Да, Господи, хорошо же им. Это мне плохо. Это мне несмешно. Молчалив я, крошка... Шутить как-то уже... Все старые, все шутят. Все острят, Господи... И еще с женой у меня как-то глупо... прости, ты не спешишь?.. Я хочу, чтобы она что-то делала, добивалась, умела. А когда она добивается и умеет, как я хочу, мне обидно и я очень раздражаюсь. Мужское какое-то самолюбие... Когда-то ко мне на свидание приезжала девушка в «Волге», за рулем. Это было красиво, а я не мог этого перенести...

Ты знаешь, с товарищем близким моим мы поссорились. Он считает, что я его предаю, я не сдерживаю своих слов... Да, не сдерживаю... Плохо это, правда?.. Ну и что, если я это мог объяснить. Это плохо... но... Пойми меня... Знаешь, какие слова я не сдерживаю... Вот эти по времени... В общем, я непунктуален. Я почему-то вбил себе в голову, что знаю, когда мне быть точным, а когда нет... И еще не держу слов. Почему... Понимаешь, мальчик, я не умею отказывать. Мне бы сразу сказать «нет», и я бы это слово сдержал. А не могу, глядя в глаза, отказать, думаю: «А вдруг, а попробую, а если я попрошу этого». И говорю: «Позвоните, я попробую».

Как хочется разойтись с хорошим впечатлением друг о друге. Это очень недалековидно. Обязательность, точность – это жестокость. Это понимание своей важной роли или какой-то роли. Правильно?.. Нет. А более жалкой личности, чем я, я не видел.

Знаешь, когда я становлюсь смелым? Когда много людей. Я думаю, это не смелость. Это тщеславие. Или мышление раскованное. Многие молчат. Я могу ляпнуть. Я уже не знаю: «раскованное» два «н» или одно? Ужас. Я был отличником. А ты?.. Ты еще не ходишь в школу...

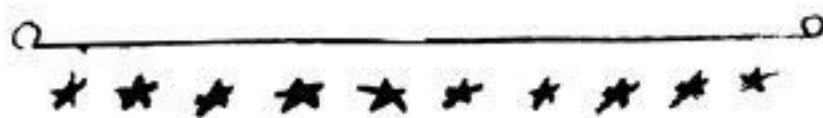
Я бы с тобой, конечно, о женщинах поговорил... Нет, нет, это не больная тема. Просто... Когда мало красоты в жизни, они выходят на первый план. Они начинают занимать огромное место в жизни мужчины из-за нехватки красоты... Вот этой красоты, знаешь какой, деревянной, зеленой, каменной. Красоты того времени, когда все было индивидуально и красиво. Деревянная ложка, резной дом, церковь, ступенька, готовальня. Нельзя же жить в одинаковых домах, лежать на одинаковых диванах, есть одинаковую пищу, читать одинаковые книги и ничего при этом не потерять. Дети и собаки не могут восполнить этот пробел, и у мужчины появляется много женщин. Или водка. Что, кстати, одно и то же. Они приходят вместе...

Я многословен, правда, это потому, что ты молчалив. На работе я молчалив. Конечно, я там молчалив, когда через две минуты любая моя жалкая мысль становится ему известна... Так вот о женщинах. Ну, маленькие – с ними не о чем говорить, а большие – они старые. То есть знаешь что, старость, наверное, стирает эти чудесные различия между ними и нами... Правильно?.. Нет... Внутренние остаются...

Вот так, знаешь, я говорю, я не могу прийти к какому-то выводу, я не могу прийти к какому-то взгляду, быть цельной сталистой личностью. Кажется правы те, которых нет. Сейчас кажутся правы те, кто есть. Я не могу сказать, где хорошо, где плохо. Я не могу подтвердить вечную пословицу «Хорошо там, где нас нет». Я могу только очень ограниченно: в это время, в этом месте, на этот период. Вот тебе и взгляды. Ну что ты, что ты... Беги, конечно... Извини,

я просто по-человечески. Тебе уже года четыре есть?.. Беги... И я тронусь, пожалуй... Ждут уже... Эти...

Что делать человеку, который не делает зарядку. Который сонно сидит перед зеркалом не в силах собрать мышцы в пресловутое лицо.

Не в силах собрать мысли в форму головы.

Так и тянет лечь.

И поручить дивану!..

Пусть диван создает форму.

А я не вижу смысла ни в чем. Вот беда. И случилось это со мной как-то после обеда и тянется до сих пор. Любовь проходит. Жизнь проходит. Борьба становится времяпрепровождением. Квартира – местом для этого. Болезни поддаются лечению, но сменяют друг друга. А самолюбие вообще ни к чему. Как и ум, крупно осложняющий нашу и без того сложную, рассчитанную на простое восприятие жизнь. Есть смысл, допустим, лечить чужие болезни, но в том случае, если он не умрет. Есть смысл сытно поесть. Ненадолго. Внимательно посмотреть, но вглубь, и изменить не ей, а что-то. А если все, что ты делаешь, приводит к смерти, а ты еще спешишь... Поневоле задумаешься, есть ли смысл. Но если ничего не делать, тогда и смысла никакого нет.

Может быть, кому-то и приятней жить в мире, где от тебя ничего не зависит, а ты зависишь от всех?!

Переход от девушки к женщине, от телятины к говядине.

Сколько натерпишься обвинений в хамстве, прежде чем узнают, что ты глухонемой.

Интересная штука возраст.

Так. Мне недалеко. Это в пятидесяти метрах отсюда. Валокордин я взял, пирамидон при мне, вата есть. Тампоны здесь. Бинты в кармане. Жгут кровоостанавливающий. Бриллиантовая зелень. Бальзам Шостаковского. Вазелин. Группа крови. Справка о группе крови... Резус-фактор. Езус, Мария... Да... Клизму...

Хочу быть физиком

Через открытые окна летит информация и оседает на лице морщинами. Приемник переполнен. Станции лезут друг на друга. А я один... Хочу быть ученым. Тишина. Лаборатория. Каталоги. Мы все думаем. Или спорим до хрипоты. Физику нужно двигать вперед, поэтому мы спорим. И уважаем того, кто против, и любим того, кто против. Нам нужен Эренфест, который стал великим, потому что был против... Хочу быть ученым. Придумал экран, дал звук. А кто должен разнообразить изображение?... Ах, это не твое дело. Опять не думаешь о последствиях! Хочу быть ученым... Хочу жить в отдельном городке с такими же учеными. Хочу непонятное говорить. Хочу сквозь очки иметь задумчивый взгляд, сидеть без пиджака с такими же задумчивыми умниками в закатанных рукавах. Хочу рассчитывать траекторию, прикидывать что-то на доске, чертить что-то палочкой на песке и не замечать, как палит солнце в дивном бору. Господи, хочу иметь начальником ученого, крупного, очень крупного и уже поэтому умного. Хоть у него все в прошлом, а у нас наоборот. Хочу иметь руководителя, с которым можно валяться на песке, или ездить рядом на велосипеде, или спорить до той хрипоты, до которой спорят только физики. В других областях все ясно.

Хочу острить на ученом совете. Хочу туманно смотреть окрест. Хочу быть рассеянным в магазине и не знать, какой мне, потому что я милый чудака и ничего в этом не понимаю. Я всегда понимаю, что я делаю, но иногда не понимаю, куда это идет. Пусть мое изобретение шумит и воет. Я уж не знаю для чего, главное, чтоб было хорошо. Пусть я, задумчивый и грустный, придумываю резиновые палки, уж не знаю для чего – значит, нужны... Ладно – пусть я атом в мирных целях, пусть я сложные колебания криволинейной поверхности в упругой среде, пусть я двигатель «Киви» для ядерной мирной ракеты. Она будет летать, и мы втиснем страшное количество приборов в спускаемый отсек... Я хочу быть уверенным, начиная задачу, что мы эту задачу решим. Ну а если не решим, тоже ничего страшного. Значит, мы не решили эту задачу в своем прохладном городке. Я тоже хочу говорить в интервью о Брэдбери и не припомнить ни одной нашей пьесы... Просто редко хожу – нет времени: втискиваю страшное количество приборов в спускаемый отсек, и изящно решаю, и острою на ученом совете, и еще копаюсь немножко в саду...

Любимый мой, как тебе повезло с бомбой... Я тоже хочу после бомбы получить все. Я хочу быть самым завидным женихом. Тридцати двух лет. Теоретик. Доктор наук. Я тоже хочу спрашивать у своих сверстников, сдуру пошедших в другое более легкое и понятное всем... Почему вы такие грустные, опять что-то не так?... Отстаеете от дня... Конечно, мой милый, если все идут впереди, должен же кто-то отставать, иначе не будет ни зада, ни переда. Ну это уже не значит лучше... В единицу времени, в пространстве пси на игрек, на эпсилон, корень квадратный из ку, помноженный на десять в минус восьмой степени, принимаемый за константу. Физики шутят непрофессионально. Я не пожалею времени, я стану физиком, я стану шутить, пусть меня тоже напечатают. Я хочу придумывать, я хочу спорить, я хочу быть ученым, я хочу поменять свой широкий профиль на узкий уважаемый...

Ну хорошо, пусть физиком будет моя жена!

Физкультурно одаренный

Для Л. Полищук

Ну что?!. Кому здесь дать по роже?.. Вон тому, что ли?.. Или этому?.. Интеллигенция. Доктора наук. Ты мне мускулы покажи. Бицепс у тебя играет?.. Нет?.. Фу!.. Ха!.. Хо!.. Гантельки с утра. Днем эспандерчик. В сумерках плечевой пояс разрабатываю...

Ху!.. Хо!.. Ха!.. Ни одного микроба. Всех бацилл в себе перебила... Нам нужны такие, как я. Крепкие, здоровые! Вчера тут один без пропуска норовил. Я его один раз взяла на себя. Не видать его чего-то... Физическая культура в людях – прежде всего. Ты мне физически растолкуй! Не можешь – все! Береги челюсть! Глухих человек десять оставила. Подготовка у меня крепкая. Скула несокрушимая!.. От любой вдарь!.. А?.. А потом?.. Ну?.. Чего?.. Нет желающих. Ну прижми мне что-нибудь, а потом я тебе... Ну?.. Ага!.. Да вы будете выходить, я одна в дверях стану, не пробьетесь! Таз крепкий чрезвычайно.

Мой любимый герой – Ленчик Жаботинский. На всесоюзных с ним встречались. Я его взяла на себя – не идет. Тоже крепкий. А тут ходит эта хилая лысая фигура на кривых ножках. Ничего не может. Ни морду набить. Ни пьяного скрутить, ни через себя перебросить. Профессор! Газету поднять не может. Для чего люди живут?!

Фу!.. Хо!.. Ха!.. Хе!..

После республиканских один ко мне подкатил:

– А вы читали про человеческий интеллект...

Я его взяла за ключицу: «Не загромождай проход, лебедь. Я тебе сейчас всю статейку перепишу на личике твоём, ассистент! Не можешь со мной физически поговорить, тогда я тебя морально искалечу! Дезорганизую работу твоего организма».

Стране нужны физкультурно образованные люди. Одаренные физически. Чтоб кулак пудовый. Голова как камень. Грудь как кирпич! Все мои сотрудники здоровые такие ребятки... Председатель завкома такой дядя... А ну, говорит, возьми меня на себя... Я беру – не идет. Крепкий... Чего ж, спрашиваю, вокруг себя этих интеллигентов держите?.. Его ж линейкой можно перешибить...

– Что делать, он же на линейке считать умеет. Это тоже нужно, к сожалению. Ты в микроскоп глядела?

– Та на черта мне тот микроскоп. У меня глаз крепкий...

– А ты глянь, там микробов полно, а их убивать надо! А ты в телескоп глядела?

– Та на черта мне тот телескоп. У меня глаз крепкий...

– А там звезд полно, а их достигать надо!

Ой, Господи! Жили без микроскопа, еще жить будем! Разве это молодежь – каждый второй на палке. Каждый четвертый из поликлиники не вылезает. Пойти по поликлиникам, собрать всех хиляков. Дать им заступ, и руби! На глазах окрепнут! А если его у микроскопа держать – от ветра будет падать. Вот так я все сообразила несокрушимо.

А кто не согласен – можем поговорить! Кулаки у меня всегда при себе!

Лежачих не бьют

Лежат на сцене, головами в разные стороны, люди. Укрыты простынями белыми. Один рассматривает свою руку, пальцами шевелит.

Первый. Вот я лежу в потолок смотрю... Разве так надо строить потолки. Ось!.. Я же архитектор. У меня такие прикидки, такие расчеты. Потолочек получается... под кроватью... Если бы я залез туда! Вот там... Вам видно?

Кто-то. Белеет.

Первый. Это оно... мой потолок. Чудо!

Кто-то. Ну стройте.

Первый. Да?.. Сейчас! Меня ждут. Только покажи идею. Вцепятся, как собаки. Вотрутся в доверие, потом меня и не найдешь. А я хочу, чтобы меня нашли... Ось!.. Да разве сделаешь как хочешь?

Все. Не сделаешь.

Первый. Поэтому я здесь лежу.

Все. Понятно.

Второй. В одной пьесе тоже такая ситуация... но как она поставлена?! Какая убийственная ординарность... Я режиссер!

Кто-то. А что вы поставили?

Режиссер. Много чего поставил, мои бедные. Но все это в голове. В наше время крупные режиссеры не ставят, они мечтают ставить. А ставит бездарь роем жужжащим. У меня великолепная голова!.. Если б я надел штаны и встал, вы бы увидели, какой я крупный режиссер. Мне бы пройти через дорогу, войти в театр! Разметать бездарь! Рассеять ее! И поставить свою вещь, острую, неистовую... На мировой скандеж!.. Что я горячусь?.. Вы же знаете, что не дадут.

Все. Не дадут.

Режиссер. Разве им нужны крупные режиссеры?

Все. Не нужны.

Режиссер. С вашего разрешения я повернусь на левый бок.

Первый. Это все веники, ребята! Я писатель!.. Я, ребята, роман накарякал в душе. Мне его – встать и записать! Ребята. Будет пожар! Будет авария! Если я дойду до ручки, Толстого никто читать не будет... Это уже не шутки. Это мина! А если я, не дай бог, усугублю звучание, ребята, мне себя не жалко, мне и вас не жалко. Истина мне дороже, а вы дешевле. Но, ребята, мы же не дураки лежим. Ну, откровенно, разве пропустят?

Все. Не пропустят.

Режиссер. Разве выпустят?

Все. Не выпустят.

Режиссер. Это все веники, ребята.

Четвертый. Все наверх!.. Видите карниз под потолком?

Кто-то. Ну?

Четвертый. Ну?! Ха-ха! Ежели б я разбежался... разбежался и сиганул уверх, так тот ваш Брумелль остался бы у меня под кормой.

Все. Не дадут.

Он. Дадут... Сам не хочу.

Все. Чего?

Он. Чего?! Ха-ха... Лежите вы тут по двадцать лет, а дурные как пни. Ну сиганул я на три метра. Прошел над планкой с запасом в метр. Ну приземлился. Ну золотая медаль, одна, две, десять. А дальше что?

Кто-то. Что?

Он. Обед закатывай. Триумф устраивай. Пить начинай. Ну сколько можно пригласить на обед? Ну сорок человек... Ну пятьдесят! А остальные куда войдут?

Кто-то. Куда?

Он. Никуда. Обиды пойдут. Интриги. Зазнался, прыгает выше всех! Девки облепят, живого места не найдешь. Пацаны проходу не дадут. Разве так протянешь?

Все. Не протянешь.

Он. Протянешь... но не долго.

Пятый. Хотите, я сейчас попаду в лампочку кальсонами?.. Сейчас размахнусь... О!.. Мимо... Руку отлежал. А я боксер. У меня удар сумасшедший. Справа, слева, вперед, назад и боком бью и давлую с одинаковой силой. Но разве пробьешься...

Все. Не пробьешься.

Он. А я и не пробиваюсь.

Шестой. Я по призванию общественник. Помню, лежал в восемнадцатом. Разруха, голод, паровозы без угля. А мы лежим. В жутких условиях лежали, не то что теперь... А потом пятилетки, война, целина. Где я только не лежал. Кругом все бушует, а я лежу. Принципиальность, сила воли у меня огромные. Жуткие. Я бунтарь, непоседа! Мне напрячься. Силу воли напрячь... Не стоит...

Все. Не стоит.

Кто-то. Эх, если б я сейчас...

Псих. Тихо вы! Закройте рты! Не раздражайте меня! Кто не дает? Кто не пропускает? Вы поднимите свои зады! И пробивайте! И песню пойте! И счастье знайте! Вам надо встать и развернуться! Вам надо биться, не надо гнуться! А вы лежите, как свиньи эти... Как свиньи эти... В общем, противно мне на вас смотреть! Боксеры.

Седьмой. Лежат... Сколько мыслей, сколько идей пропадает. Лежачие деятели. Неподвижные мечтатели. Это становится болезнью. Об этом нужно говорить сейчас, пока не поздно, нужно кричать, бить в колокола!.. Думаете, дадут?

Все. Не дадут...

Седьмой. Не дадут. (*Ложится, укрывается.*)

Безграничные возможности

Мы добились колоссальных успехов в потреблении ряда товаров первой необходимости. Это было непросто, но теперь мы впереди всех в этой важной области. Мы также впереди всех по посещаемости общественного транспорта и по готовности употребить любой продукт. Наши возможности в готовности принять любое количество туалетной бумаги – безграничны.

Рост потребления постоянный! Емкости для сбрасывания любых количеств дефицитных товаров огромный. Сложность точного определения, какой товар дефицитен сегодня, какой – завтра, образует неограниченные возможности для сбрасывания вниз, что тут же расфасовывается, растаскивается и дает возможность снова сбрасывать туда же.

Выражение лиц населения свидетельствует о наличии самых неожиданных предметов в самых неожиданных местах. Отправляясь в другой город на два дня, командировочный берет трехдневный запас продуктов, мыло, питьевую воду, лекарство, стиральные порошки. Промахи торгующих органов население восполняет само, таким образом стерлась разница между товарными и пассажирскими поездами.

К мелким просчетам жители приспособились давно, откладывая запасы еды непосредственно в организм, о чем свидетельствует размер талии, бедер, делающий фигуры мужчин и женщин после пятидесяти практически неотличимыми.

Благодарю за внимание!

Наш старичок

У нас во дворе есть старичок, который может плавать в воздухе, но невысоко от поверхности двора. Он вытягивается, как солдат, падает лицом вниз и двигает себя только ногами. Он плавает низко, на уровне собак, и мешает. Вначале его просто отталкивали, а потом били. Собаки кусают прямо за щеки, но он привык.

Хуже, что он куда-то исчезает и появляется весь в заграничном, с американскими сигаретами.

– Что же вы там не останетесь?

– Машины мыть?.. Здесь интереснее. Здесь еще столько неиспользованных возможностей. Прямо целая страна! Вы не поверите...

– А вино? Не можете?

– Во-первых, наше лучше. Кроме того, бутылки тянут вниз. Вы думаете, я в противоречии с физикой? Нет, я чуть-чуть легче воздуха... Ночные смены.

Пачка сигарет, галстук... Платформы уже не могу – тянут... Никакой авоськи, сетки... Лишнее сопротивление и след на земле. Но слушайте, бандитизм – это да. Здесь морду бьют, там – стреляют. Что вам привезти? «Пэлл Мэлл»?

– Я не курю.

– Девушке подарите.

– Тогда «Пэлл Мэлл», пожалуйста, и коробку спичек.

У меня все хорошо

Для Р. Карцева

У меня все хорошо. Со мной все хорошо. Не знаю, у кого как, у меня все хорошо. Все у меня замечательно, не знаю, как у всех. Думаю, что плохо. Не может быть так хорошо, как у меня. Плохо, как у всех, вполне может быть. Но так хорошо, как у меня, – ни у кого. Исключено. Ненормально хорошо. Чудовищно. Гипертрофированно хорошо. Меня даже не интересует, как дела у окружающих. Какие у них могут быть дела? Развал! Нищета. Борьба за кусок хлеба. Копейки, секунды, крошки. Воробынная жизнь. А я взлетел орлом. У меня внешность. Я героически красив – все плюгавы. Я строен и силен, как шпага, – все безобразны. И я рад, что у всех все очень плохо, а у меня так все хорошо. У меня все хорошо, все хорошо, все очень здорово. Ой, ай, не могу, как все хорошо. Ибо все больны – я здоров. Все бедны – я богат. Я богат, богат, богат. Все это мелочи. Я богат, богат. А все бедны, бедны, нищи! Ой! Как все больны, бедны и несчастны. Ой-ой-ой! Ни у кого ничего нет. Ни у кого. У меня кружка, у них ничего. У меня чашка – у них ничего. У меня чайник, кипяток, заварка, хлеб, яблоко – у них ничего, ничего у них нет. Ничего. У меня все-все-все.

Все у меня, у меня. Только у меня. У меня одеяло, подушка, свет и вода, а у них – ничего. И я буду всегда жив, здоров и ничего им не отдам, ничего. И эту булочку я съем сам и намажу повидлом, потому что я так люблю, и у меня есть все! У меня есть одежда, есть обувь, есть своя небольшая комната, и там есть радио и музыка, а у них нет ничего. Та-ра-ра-ра, у них ничего: ни еды, ни воды, ни радио. И пусть все так и живут, именно так и именно все. Потому что я им ничего не отдам, потому что дай одному – и все налетят. А я никому не дам, и никто не налетит. И никто не узнает, что у меня есть кое-что из еды, немного есть денег, что-то из одежды, что-то из музыки, кое-что из посуды. Короче, есть все! Я страшно, крепко, безумно здоров, но это первая половина дела. А вторая половина дела – что все страшно, жутко неизлечимо больны. И всем нельзя ни кушать, ни спать, ни ходить, ни лежать, а мне можно. Им запрещено ходить в парк, а мне разрешено и бегать по дороге туда и сюда. Мне одному положено. Я один бегаю без разрешения, а им всем нужно разрешение. Они больны, бедны и завистливы. Я богат. Все пешком, я бегом. Все смотрят вниз – я вверх. Свободно, вольно.

Я здоров, красив, удачлив. Удачлив, потому что жизнь сложилась на редкость. Кто еще имеет то, что я? Никто. Все плачут – я смеюсь. Все меня целуют – я никого. Я очень рад, что у меня так все хорошо. Я могу открыть окно, когда хочу. А все остальные – нет. Правда, сестричка? Я могу. Я могу сойти вниз, подняться наверх, я могу взять что-нибудь и купить, были бы деньги, а все остальные – нет, нет. Поэтому я выздоровею, я обязательно выздоровею, а все остальные – нет, нет. Потому что им не для чего выздоравливать. А мне есть для чего. Чтоб видеть, как они болеют, болеют, и мучаются, и мучаются. А я прекрасно, невыразимо счастливо одинок. И не делюсь своим здоровьем и счастьем.

Я лежу и принимаю лекарство, а у них ничего нет, они не могут ни лежать, ни принимать. Я, как только выздоровлю, сразу сойду с койки, и буду бегать и упражняться на батуте и брусках, и прыгать через коня, потому что я дико, страшно здоров, а они больны, больны, больны, и у меня все заживет, уже заживает, заживает, заживает, вот я уже чувствую, как у меня появляется и второе легкое, и вторая почка, и позвоночник срастается, и сердце снова бьется ритмично, потому что я здоров, здоров, чтоб сосредоточиться и понять, как я здоров, силен, устроен, одобрен, принят, обласкан и богат. А все еле дышат, и туда им и дорога. Доктор, я засыпаю.

Холодно

Шли мы в Черновцах по базару. Искали шубу для меня. Холод собачий, а я черт его знает в чем. Мы ему сказали: «Ищи шубу. Как увидишь, кричи».

Разошлись. Он вдруг как заорет с другого конца:

– Санька!..

Пробиваемся через толпу.

– Смотрите, какие часы интересные!

– Ты что, сдурел, – говорю. – Холод такой. Ты шубу ищи!

Разошлись. Ищем. Вдруг:

– Ребята, сюда! Санька, Витька!

Пробиваемся на крик.

– Смотрите, как железная дорога в горы уходит.

– Ну, дам по шее! Ну, ты у меня допрыгаешься! Холод собачий. Мы шубу ищем.

Разошлись. Опять орет:

– Санька!..

Пробиваюсь. Стоит перед собакой. Треснул я его. Пошел один. Купил тулуп. Надел. Вижу, гора красивая, а в нее железная дорога уходит под ветки заснеженные, и пес ужасно смешной, и Володька стоит, плачет...

Слова. Слова...

Для Р. Карцева и В. Ильченко

- О! Боже мой, боже мой, кого я вижу, какой человек! Очень рад вас видеть.
- И я очень рад.
- И я очень рад вас видеть.
- И я очень рад.
- И я вас...
- И я вас...
- И я...
- И я...
- Очень рад.
- Очень рад.
- Вы надолго к нам?
- Надолго к вам.
- Вот это хорошо.
- Да, это хорошо.
- Надолго – это хорошо.
- Надолго – это хорошо.
- Надолго – хорошо.
- Да, надолго – хорошо.
- Хорошо – надолго.
- Надолго – это хорошо.
- Да-а.
- Да-а.
- Вот ненадолго – плохо.
- Плохо, да.
- Надолго – это хорошо.
- Надолго – это хорошо.
- Да-а.
- Да-а... А вы знаете, я вам больше скажу: надолго это хорошо.
- Нам очень нравится ваша работа.
- Ну да?
- Да.
- Спасибо.
- Пожалуйста.
- Спасибо.
- Пожалуйста.
- Спасибо.
- Пожалуйста.
- Пожалуйста.
- Спасибо.
- Пожалуйста.
- Слушайте, давайте попробуем поработать вместе. Вот вы хотите работать для нас?
- С удовольствием.
- Попробуем, да?
- А что, давайте попробуем.

– Попробуем. Вы набросайте свой планчик-конспектик будущей работы, принесите, мы обсудим и сделаем,

– И все?..

– И все!..

– Планчик-конспектик?

– Будущей работы.

– В двух страничках.

– В двух страничках.

– Я знаю, я делал.

– Я знаю, вы делали.

– Я помню.

– И я помню.

– Планчик-конспектик...

– В двух страничках...

– А можно в одной?

– Давайте в шести.

– Давайте.

– Я знаю, я делал.

– Я знаю, вы делали.

– Я помню, я делал.

– Я помню, что вы помните.

– А вам это очень нужно?

– Очень, так что сделайте.

– Обязательно.

– Договорились.

– Непременно.

– Я могу быть уверен?

– Как вам не стыдно?!

– Не подведете?

– Как вам не стыдно?!

– Я могу быть уверен?

– Я обижусь.

– Ну все-таки могу быть уверен?

– А я могу быть уверен?

– Как вам не стыдно!

– Мы оба уверены. Вы чувствуете?

– Да, я чувствую.

– Почувствовали?

– Вот сейчас почувствовал.

– Так что сделаете?

– Обязательно.

– Договорились.

– Если вам нужно – обязательно.

– Очень нужно, мы без вас не можем.

– Договорились?

– Договорились.

– Сделаете?

– Обязательно.

– К четвертому.

- К пятому.
- К четвертому.
- К пятому.
- К четвертому.
- К пятому.
- Ну ладно, к пятому.
- Ну ладно, к четвертому.
- Только обязательно.
- Обязательно. Если я обещаю, вы же знаете...
- Знаем, мы уже тогда никого не приглашаем, рассчитываем только на вас.
- Рассчитывайте обязательно на меня. Обязательно.
- Я же знаю.
- Ну что вы.
- Только на вас.
- Только на меня.
- Ну, до четвертого.
- До пятого... То есть до четвертого.
- До четвертого... То есть до пятого.
- Не сделаю я ему ни черта.
- А мне это и не нужно.

В мире животных

Лев рычащий

Я, конечно, царь зверей. Никто меня звания не лишал. Это за мной пожизненно. Ну, прыгнул один раз через обруч... А что я мог сделать? Другие цари все прыгали... А до меня сколько народу прыгало. Никто не умер... Все равно уж... Раз пришел... Вернее... Чего ж не прыгнуть. Кстати, просили нормально, без угроз. Так. Только кнут показывали. Ричарда один раз огрели. Честно, я хотел вмешаться. Но он уже полетел, хотя зарычал страшно.

Я сам очень спокойный. Ко мне отношение самое доброжелательное. Лично ко мне. Я слышал, там толкают, там кого-то пихают. А ко мне лично. Лично ко мне. Изумительно. Я не потому там... Я себя боюсь. Чуть раньше прыгну и не иду на конфликт. Еще не успеют свистнуть, я уже бегу... Боюсь вспылить. Психануть! Это смерть! Гибну я – гибнут все, или гибнут двое – я в живых. Тут уже все равно, когда психуешь и разгоняешься. А я по ночам – упражнения! Зубы об прутья наточил до невозможности. Когти все время сжимаю и распускаю, сжимаю – распускаю. Очень укрепляет лапчатые мышцы. Фигурка дай бог. Налитой весь.

Правда, на сытый желудок прыжок не тот. И я так скажу. Они интеллигентные люди. Вчера новенькая подошла: войдите, мол, в мое положение. С меня же, мол, тоже спрашивают. Вы в крайнем случае сделали вид, что не поняли, а я? Я бы очень не хотела применять другие меры воздействия: брандспойт или сигаретой в зад...

Ну, понятно, Господи. С нами только поговори, и мы запрыгаем. Не надо только наши хвосты на палку наматывать. Хотя со стороны, может быть, и красиво. Но... Не то чтобы требую, но прошу. Не надо. Не потому что что-то произойдет нехорошее. А! Не надо, и все. Не дай бог, без угроз говорю: «Не надо!» То есть когда очень надо, пожалуйста. А вообще. Не надо. Сейчас пересеяду. Я вам не мальчик. Во мне двести килограмм весу и зовут Ураган. Жуткое дело. Эр-р! Эр-р! РЭ-У-У-А! М-да.

Легко пересел... Кстати, здесь воздух еще лучше... Из Африки пишут – голодуха. Каждый сам себе пищу добывает, и все львы озабоченные. А здесь все безмятежные. Один раз прыгнул – целый вечер свободен. А мозги вообще отдыхают. Выключены мозги... Давай обруч пониже... Так... Крепче держи. Пошел. РЭ-Э-У-У-А! Все! До завтра, мальчики!

Воробей стреляный

Воробей, воробей... вообще-то я орел, но ростом маленький. Потому что в помещении. Я замечал: меня на мясо тянет. Честно. Вцепиться в кого-нибудь и рвать, рвать. Со злостью даже. Зрасте... Зрасте... Зрасте... Масса друзей. Я при ресторане живу. Прямо в помещении ВТО. Знаете, для артистов?.. Орел в помещении, представляете? Потому и маленький. И быстро говорю. Ни воздуха, ни света. А так все есть. Я все вырвал. Где просто достал, где выменял. Поэтому, когда мне говорят: «Какой же вы орел?» – я отвечаю: «Я орел, но правильно рассчитал».

Маленькое пробивное существо появилось не само по себе, оно порождение условий: урбанизации, канализации, организации и деградации. Пробивной чудачок развивает очень большое давление на квадратный сантиметр поверхности, потому что поверхность небольшая. Нормальный орел в ресторане замечен. Мы же где сидим, орлы? На карнизах, на форточках... Ну, если солидный орел... Жрешь что попало... С желудком что-нибудь. А внизу народ. А народ от воробья еще потерпит, а от орла никогда. Замордуют.

Я тот же стервятник. Не такой дальнозоркий, но быстренький, бысенький, бысенький. Пока он голову повернет, я бысенько, бысенько, бысенько! Большой орел – он тупой. Мы с одним сидели под Кисловодском в горах. Я туда поездом, он своим ходом. Он мне говорит: «Крис, поверишь, не могу из рук. Не могу, если кем угодно называют: и цып-цып, и кис-кис. Сижу на камне, жрать нечего, но сам себя уважаю...» Ну и что, что уважаешь. Скоро уважать некого будет. А дети твои где попало шатаются. Я их уже и в зоопарках встречал, и в цирках, и как миленькие пьют из ведра.

«Что, – говорит, – могу сделать. Дети – другое поколение, а я так воспитан». Ну что это? Что?! Что ты видишь там вдали, орел? Надень очки, посмотри, что у тебя под носом. Сам себя только и уважаешь. Сунешься в город – там тебе пьёрья-то повыдергивают. И из рук будешь, и хвостом махать, и перед кем попало лежать, закрыв глаза. Дадут тебе на грудь табличку: «Орел горный». Не гордый, а горный. Размах крыльев полтора метра. В неволе размножается. Ест орехи, апельсины, мясо, если достанет. Если не достанет, сидит спокойно.

Что такое гордость, самолюбие? Я этих слов не понимаю. Это греческие слова. Я тоже гордый. Но не везде. Я в семье гордый. Вот там, в щели. И жену регулярно щипаю, если в стране что не так. Если кто-нибудь меня оскорбит. Не дай бог! Возвращусь, все у жены выщипаю! Это что, не гордость?! И сила воли есть. Уж что ни говорят, как ни стараются не замечать, морщатся, увидев меня, – сижу!.. Зато с пустым желудком не уйду, и домой что-нибудь. Ну да ладно. Сами знаете. Отойди все! Дай орлу поклевать! Не наступи на орла, сволочи!

Кто-то ползучий

Ну почему нас все называют «ползучие, вьющиеся, пресмыкающиеся, обвивающие»? У нас есть своя область. Нижняя. Но и у нижних есть свой верх, свой стиль, свой высший и нижний слой. Мы – пресмыкающиеся, и, чтоб подняться высоко вверх, нам надо обвить кого-то. Того, кто растет. И на самом верху некто Орел вдруг с удивлением видит не одного, а двоих: лицо того, кто рос, и мордочку того, кто обвился. «Вас уже двое», – скажет он. «Нас уже трое», – скажем мы.

Как утверждают некоторые, кратчайший путь между двумя точками – прямая линия. На бумаге было такое в древние времена. Сейчас по прямой не доберешься. А если доберешься – не достучишься, если достучишься – не добьешься, если не добьешься – выгонят. И я передвигаюсь вот так, по спирали вверх. Из нижней точки перейдя в точку рядом, оттуда – обратно, но уже чуть выше, оттуда снова вправо, затем чуть выше и через два года возвращаюсь в исходное место, но настолько выше, что все не могут понять, где ж это я так вырос.

Шипя. Путь наверх извилист и тернист, только гибкие натуры с твердым характером или твердые натуры с гибким характером, пресмыкаясь, достигают вершин, где сидят орлы. Рожденный ползать летать не может, но достигает высочайших вершин. Природа нас снабдила тихим голосом и сильным ядом. Ничего! Голос можно усилить, и наше шипение перекроет рычание львов. А яд неопасен другим ползучим, он поражает только летающих. В больших дозах он с ним несовместим, в малых он ему полезен.

Крупнолетающий с небольшой дозой ползучести и есть идеал неживой природы. Небольшая доза нашего яда отбивает чувствительность и делает пациента светлым, чистым, спокойным и неменяемым. Радостно беседовать с ним. Его ничто не трогает, и он образует поле спокойствия и тиш-ш-шины. Конечно, мы ничего нового не открываем, но любим власть и на слабые существишки действуем гипнотически. Он прыгает, прыгает, припрыгал по своим жалким делам: «Скажите, пожалуйста, нельзя ли получить причитающиеся мне?...» Я только смотрю на него, и он столбенеет. Он понимает, что оторвал от такого важного дела, где вся его жизнь – буква в Библиотеке конгресса. И только пятна пота и слез на том месте, где было вполне живое существо.

Люблю я себя! За все! За упорство, за гибкость, за опровержение всех законов Евклида, Лобачевского, которые до сих пор утверждают, что добираться до цели надо по прямой. Оба, кстати, умерли в бедности. А из нашей кожи делают кошельки даже после смерти. Единственная святая заповедь, данная нам свыше: «Ползучие и пресмыкающиеся, держитесь близ летающих, не собирайтесь вместе, ибо, собравшись вместе, вы передуете друг друга, и будет эта организация называться террариум, либо НИИ, либо Москонцерт, что значения не имеет. Держитесь поодиночке, только так вы можете произвести впечатление, и все вас будут бояться. А гибкость поможет вам забраться туда и выбраться оттуда, откуда не выбирается нога человека».

Кто-то долгоживущий

Поет нежно, тоненько, приблизительно вот это.

Я чере-чере-черепашка, я маленькая черепашка Нинон. Я очень медленно ползу, я триста, триста лет живу. Я, извините, молода, а кто мне скажет те года, когда вы женщину сочтете пожилой.

(Акомпанирует себе на рояле.)

Я ползу уже восемьдесят три года. Мне еще двести семнадцать лет пути. Торопиться мне некуда. Когда говорят: все там будем, я думаю: а может быть, я уже там. Когда говорят, там хорошо, где нас нет, я думаю: а может быть, я уже там... Я чере-чере-черепашка, я медленная черепашка, я удивительно ползу, я изумительно живу. Та-та-ра-рим-рам-ти-ра-рай-рам. Но не в этом дело...

Меня спрашивают: как вы живете? Когда видят кого-то интеллигентного, тихого, вежливого, думают: Господи, как же он живет, где он лечится, как питается. Я думаю, у каждого для этого что-то есть: книги, музыка, друзья.

Я ко всем добра и сострадаю. Но я не могу ко всем одинаково. Общий язык у меня только с двумя. Та-ра-ра-ти-рам-ти-ра-рай-рам... Для того чтобы нам найти общий язык, нужно много знать: историю, философию, Гайдна, живопись. Не художников, извините, а знать живопись. Понимать, что происходит. Не просто понимать, а так, когда уже все прощаешь, чувствуешь боль, конечно, когда видишь невежество и понимаешь его, видишь барство малооплачиваемого человека и понимаешь, откуда он и оно.

Вот сколько пунктов. На каждый я нашла бы собеседника, на все – только двоих... Одна здесь, но занята. Вечно. Такая бедненькая черепашка. Та-ра-рам-ти... Нам с ней собраться три года нужно. Она вечно куда-то спешит, хотя, придя туда, понимает, что можно было и не приходить. Тогда она спешит в другое место. Сидя спешит и стоя спешит. Встать спешит, кормить мужа спешит, кормить сына спешит, жену сына кормить спешит, и дочь сына, и мужа дочери сына.

А другая еще дальше, и мы переписываемся. Можно и не писать. Я всегда знаю, о чем она думает. Мы это делаем одинаково, можно часто и не писать. Та-ра-рам-ти-рам-та-ра-рай-рам... Я, конечно, нигде особенно не была. Не была за границей. Особенно не была в Париже. Все не выползу. Я очень медленная и не могу просить. А сейчас со всех сторон: «Убедительно прошу», «Прошу не отказать». Представляю, сколько хохота вызвало бы заявление: «Требую оказать содействие». Просить не могу и некоторым образом исключена из деятельной жизни. Та-ри-рам-ти-рам-та-ра-рай-рам...

Карл сказал, что я страстная... Хотя я думаю, это комплимент. Мы сходились лет двадцать и расходились лет шесть... Разошлись, а я его все вижу и вижу... Черепашки дела. На рояле играть люблю. Что-нибудь небыстрое. «Анданте кантабиле» Моцарта. Но во всем этом есть маленький минус. Публика на следующий концерт жаждет смешного. Уже все! Уже что попало, только смехи. А я все еще возле рояля. Они злятся, а мне смешно... Та-ри-рам-ти-рам-та-ра-рай-рам... Смеюсь я часто, но беззвучно. Если вслед что-нибудь кричат. Ну... не

так уж и вслед: любой может меня догнать... Кричат чепуху конечно. Облагают мой внешний вид. Ой. (*Беззвучно смеется.*) Он не соответствует их понятиям о внешнем виде. Я их понимаю и смеюсь. А от грубого слова сразу ухожу. Поворачиваюсь, простите, и удаляюсь. Потому что отвечать визгливо... Пытаться убедить кого-то в трамвае... Когда он разозлен не твоими очками, а просто срывает что-то на тебе... Та-ра-рам-ти-рам-та-рай-рам... Панцирь у меня крепкий, но уши не спрячешь. И я ухожу. Они в дом – я в квартиру. Они в квартиру – я в шкаф. Они в шкаф – я в панцирь. Они в панцирь – я в мысли...

Поэтому когда спрашивают, как живет тонкая, деликатная натура, я говорю: «Живет, но в панцире». Из книг, нот, картин, мыслей. Бывает, и грубость скажет: это – панцирь. Уж вы не обижайтесь... *(Беззвучно смеется.)*

Кошка (с грузинским акцентом)

Отворите потихоньку калитку... Ну дайте войти. Холодно. Очень. Мы, кошки, тепло одеты, но не любим холод. Особенно ножки жалею. Мы очень домашние. В принципе. Как мы сейчас выдвинулись, вы сами знаете. Как поем, как играем в шахматы, как ходим, гуляем всюду. Это раньше считалось, что главные из нас – представители мужского пола. Они постепенно съехали на нет. Все, что они могут, это усы, походка и страстный вид. Ну и, конечно, в марте громко кричат друг на друга, хотя до драки не доходит. Мы считали, что из-за нас кричат, а оказалось, что какие-то старые счеты. Мы к ним привыкли. Он вечером ушел, утром пришел, весь в краске от крыш. Мы это понимаем. Мы не препятствуем. Умные мы очень. Хотя это только в последнее время начали показывать. Жить не с умом, жить будешь не с красотой. Жить будешь с характером. А характер у нас есть. Ну отвори потихоньку калитку, совсем выйти нельзя. Закрывают. Домашняя, домашняя – это только кажется. Мы очень независимые. Я не понимаю, как можно выходить по звонку и входить по гудку, стоять по свистку. Переходить дорогу по чертежам. Пусть нас давят, пусть мы гибнем. Мы будем переходить где мы хотим и делать что мы хотим. А откуда я сейчас пришла, знает только Бог, и то если он есть, в чем я сомневаюсь из-за его ошибок. А я помнила, где была, но тут же забыла. Видели: в темноте у дороги глаза блестят? Отчего блестят? От слез блестят? От радости блестят? От огня блестят! Огонь горит изнутри. А снаружи спокойная. Мягкая. Лежит. Погладить хочется. Не торопись. Узнай, хочет она, чтобы именно ты ее погладил? Может, она хочет, чтобы ее погладили, но именно ты – нет! Именно ты – чтоб ушел. А для того чтобы это был именно тот, кого я хочу, у меня есть зубы, когти и глаза. И сердце, откуда огонь поднимается и через глаза выходит, если ресницами не прикрою. Тебе нравится, как я хожу? Сиди там, смотри. Нравлюсь – говори, я красавица. Но если ты боишься подойти, потому что я красавица, ты идиот. Ты подойди, а я сама решу. И смотри на меня. Ты мне не нравишься, но смотри. Не будешь смотреть – я умру. Не страдай, что я тебя не люблю. Тот, кого я люблю, страдает больше тебя. Не обижайся. Я с тобой, но не твоя. Я сказала, что твоя, чтобы ты не переживал, в животное не превратился. Я ничья. Я живу у тебя. Как ты можешь сказать: «Она моя»? Ты же в глаза смотришь и ничего там не видишь, ты уши поставил – и ничего не слышишь. Я у тебя. Может, всегда. Может, уйду завтра. Невыносимо тебе это. Терпи, если любишь. Выгонишь раньше – значит, раньше выгонишь того, кого любишь. Если сама уйду – дольше будешь с тем, кого любишь. А если любишь, так и уйти дашь. Не держи за хвост. Хвост оставлю... Люби, если можешь, только дышать дай. Ты же знаешь, что для меня хуже твоей любви ничего нет. Отвори потихоньку, дай выйду к черту на мороз.

Кто-то очень быстрый

Страшно быстрая. Страшно быстро откуда-то прилетела и страшно быстро куда-то побежала.

Такая насекомая.

Сама небольшая, рябенькая, ножки, как волосы.

Где там мышцы-то? Но помчалась будь здоров.

Я за папку.

Она под папку.

Я за обложку, она между страницами.

С усами и лапами.

А вид довоенного истребителя, присевшего на хвост.

Помчалась между страниц, все перелистала, может, все и прочла – с ее-то скоростью.

Папку поднял, она уже мчится в другую стопку бумаг, все подсунутые мной карандаши обегает, ныряет в пачку, промчалась по всем страницам, выскочила такая жутко быстрая насекомая, разогналась еще быстрее и страшно быстро улетела.

А чего ей задерживаться?

Тексты все были старые.

Я бы тоже улетел.

Тараканьи бега

Встретились два таракана. Один из них был интеллигентом, а второй просто спросил:

– Как вы относитесь к большому спорту?

– Большой спорт прекрасен. Прекрасно желание побеждать любого, колоть, забивать. И нет большей радости, чем убедиться, что другой сломлен. Я это понимаю, но это не для меня. Шахмат я боюсь, потому что там обязательно унижают другого. Ему доказывают, что он слабее, и просят не раздражаться. Видимо, это прекрасно, но не для меня.

И они поползли дальше, преодолевая водопроводную трубу.

– И, вы знаете, я люблюсь лицами чемпионов, хотя они получаются несколько мрачноваты. По мне, пусть не такие уж чемпионы, пусть подороже, и из дам, повеселее и, простите, поженственнее. Чтоб не такая тяга преодолевать себя и партнера, она же когда-нибудь станет женой.

Они остановились у газовой колонки. Вокруг разливалась приятная теплота.

– Я не против карьеры даже в спорте. Но спорт ради карьеры?.. Простите. Приятно увидеться и поговорить с Мохаммедом Али, но жить под его руководством?!

В это время вспыхнул свет. Они помчались. Один успел нырнуть в щель.

– Куда же вы, а я?..

– Не считите предательством, вас опрыскали. Может быть, большой спорт – это плохо. Но элементарная физическая подготовка... Особенно для интеллигенции...

Попугай

Я вам хочу рассказать историю про попугая. У одного знаменитого профессора украли все. Обокрали, в общем. В том числе украли и этого самого... ну... попугая. Да... Он заявил в милицию. Милиция искала... И вдруг попала на малину, где было много из вещей, в том числе и клетка с этим... самым... ну...

– Попугаем.

– Да!.. Но вещи нашли, а этот, ну в клетке...

– Попугай.

– Да. Он совершенно жутко... ну...

– Летал?

– Нет.

– Кричал?

– Нет... Выражался... Ну... он там наслушался. И профессор вещи обратно принял, а отказался взять этого самого...

– Попугая?

– Да, магазин тоже принять отказался, там дети посещают. Домой все взять отказались, и милиция знает что сделала... Ну...

– Застрелила?

– Нет.

– Съела?

– Нет... Ну, выпустила... И теперь сверху над городом время от времени с неба несется мат... На весь... Ну... город и на все начальство... конкретно, с фамилиями... участками... к матери там и на... ну... Посланные истребители вернулись ни с чем. Вот... А потом слышали: «Пролетая над Череповцом, посылаю всех к такой-то матери...»

И что самое страшное, ему – только пятьдесят лет!

Давайте копать!

Все мне говорят: не ищите легкую жизнь, но никто не объясняет, почему я должен искать тяжелую?! У каждого свое увлечение. Один марки коллекционирует, другой – монеты старинные. А я хочу современные. У меня свое. Хочет человек иметь много денег. Это же не преступление, это увлечение. Так ведь сейчас все зажали. У академиков мне оклад как раз нравится, но это труды какие-то надо иметь, искрить, в дыму сидеть, червей скрещивать. Как у них там: сначала – кандидат, потом – доцент, потом – профессор. Пока тебе дадут этот оклад – позеленеешь. Им всем по сто лет. Абсурд!

Государственная премия сравнительно неплохая, если так вдруг сразу получить. Но тоже всю идею испортили. Открытия какие-то надо сделать. Причем я бы сделал, не жалко, но как? Где? В какой области? Поподробнее давай! Может, месторождения какие открыть? Скажи, куда ехать. По карте, к сожалению, не могу, не ориентируюсь. Укажи транспорт, местность, там уже, в конце концов, пацаны покажут. Если алмазы, тоже могу на жилу попасть, золото промою, если блеснит. А они не говорят, где искать, сами, мол, копайтесь. Ну я за город выехал на трамвае, немного покопал. Дождь пошел, а я в костюме. Миску набрал, под краном перемывал. Ни черта. Засорил водопровод.

Открытия тоже могу сделать. Что значит фундаментальные? Какие могу, во-первых, а во-вторых, давай поподробнее, поподробнее давай. Что-нибудь из химии? Что-то куда-то накапать? Скажи что куда.

У меня посуда кое-какая есть. Ты же дай человеку заработать.

Песню предлагали писать для радио – первая премия пятьсот рублей. Ну, пятьсот так пятьсот – тоже не валяются. Я сел за этот, за стол. Долго так сидел. Часа два. Напевчик намурылкал. Словами так отобразил. И там подвох. Ноты, оказывается, надо знать. Я им позвонил по телефону. Напел в трубу. Скандал вышел. Девушка молодая, еще слабая. Она упала, что ли. А трубку не могут у нее из рук. Я-то пою... Голос у меня – сам знаешь, но пятьсот рублей – дозарезу. А тут – очередь. А я в автомате пою и прошу, чтоб записали. Конфликтнули мы с одним из очереди, так что я уже на работу не пошел. Пробовал роман. Но тоже: если уволиться и писать, то жить на что? А если работать и писать, то жить когда? Может, сначала премию?!

Актером можно было бы стать. Но тоже надо, чтобы народ на тебя пошел. По рублю же надо собрать с народа. Я ж тоже не дам рубль за первого встречного. Видишь, как все зажали. Только на себя надежда. Я тут ночью вскочил как ужаленный. Мы же все забыли. Здесь же был Петербург. Все графы, князья в золоте ходили. Куда это все исчезло? Сейчас же ни у кого ничего... Значит, все закопано. Я одного старика поймал, он мне все рассказал и обещал показать место, где восемь кирпичей лежат золотых. Только копать у него сил нет. Это один старичок восемь кирпичей указал, а сколько их тут бегают по поверхности?.. Копать надо! Все перекопать. Фонарь, лопата, кусок колбасы – и вглубь. А что сидеть? Может, у кого иначе, а у меня как от получки до получки время тянется!.. Не знаешь ты!

Странный мальчик

Для Р. Ромы

Какой-то странный мальчик. Вдвое! Вдвое младше меня. Вчера: «Я люблю вас!» Это ужасно смешно. В моем возрасте... Он пришел и ушел. А я... Господи, что это со мной?.. У меня муж. Кстати, есть. И кстати, очень хороший. Да и стара я уже, просто стара... Ой, ха-ха, как я стара (всхлипывает), какой-то странный мальчик. Что он во мне нашел? Берет мою руку, пальцы у него дрожат. Я смотрю на него, какой странный... Но я-то, я-то! Дура старая! Почему мне так смешно? (*Всхлипывает.*) Почему мне так смешно?

Я ему нравлюсь, потому что он ничего не понимает. Он очень скоро начнет понимать. А я очень скоро вообще... Ему двадцать, мне сорок. О чем может идти речь?.. Да и... Постойте, у меня же муж есть. Кстати, очень хороший. Почему я его должна бросать? Да он и не предложил мне бросать, да я и не буду... Разве что усыновить тебя... Коснется – бледнеет. Просто он сумасшедший. Но я-то, я-то, похоронила себя в четырех стенах. Что я вижу? Работу и кошелки. Что я слышу? Когда будет готов обед?.. Ты целуешь мои руки, они же пахнут кухней. Ты очень странный мальчик... Я купила себе резиновые перчатки. Я заняла очередь в парикмахерскую. Я сошла с ума. Они останутся без обеда!

Города

Для Р. Карцева

Каждый город имеет свое лицо, и в каждом городе на один и тот же вопрос вам ответят по-разному. Ну, вот представьте себе – Рига. Высокие вежливые люди. Здесь даже в трамваях разговаривают шепотом...

– Девушка, скажите, пожалуйста, как проехать на бульвар Райниса?

– Бульвар Райниса? Извините, пожалуйста... я плехо говорю по-рюсски. Бульвар Райниса... как это будет по-рюсски...

– Что, на следующей, да?

– Нет, пожалуйста, извините, будьте любезны, как это по-рюсски...

– Что, через одну, да?

– Нет, пожалуйста, будьте любезны, как это будет по-рюсски... на предыдущей... пожалуйста, но вы уже проехали. Тогда сойдете на следующей, пройдете, пожалуйста, два квартала, пойдете, пожалуйста, прямо, извините, пожалуйста, будьте любезны, вы опять проехали. Тогда сойдете на следующей, пройдете пять кварталов назад, повернете направо... пожалуйста, извините, будьте любезны, вы опять проехали... Простите, мне сейчас выходить, вы вообще из трамвая не выходите, на обратном пути спросите... до свидания, пожалуйста.

А вот и Тбилиси! Ух, Тбилиси! Эх, Тбилиси! Ах, Тбилиси! Ох, Тбилиси!

– Скажите, пожалуйста, это проспект Шота Руставели?

– Ты что, нарочно, да?

– Нет, понимаете, я впервые в этом городе...

– Я, понимаете, впервые... Ты думаешь, если грузин вспыльчивый, его дразнить можно, да?

– Нет, понимаете, я на самом деле впервые...

– Я, понимаете, впервые... Слушай, как ты мог своей головой подумать, что грязный, кривой, паршивый переулок – красавец проспект Руставели?! Слушай, не делай, чтоб я всплил, скажи, что ты пошутил.

– Ну хорошо, я пошутил.

– Все! Ты мой гость. Ты ко мне приехал, я тебя с мамой познакомлю. Возьмем бутылку вина, у тебя глаз будет острый, как у орла. Возьмем вторую бутылку – будешь прыгать по горам, как горный козел. Возьмем третью бутылку – и ты вброд перейдешь Куру. И схватишься с самым сильным человеком Вано Цхартешвили. А потом на руках мы понесем тебя показывать красавец Тбилиси. Ты скажешь: «Дорогой Дидико, я не хочу отсюда уезжать, я хочу умереть от этой красоты». Я скажу: «Зачем умирать? Жена есть? Дети есть? Давай всех ко мне! Мой дом – твой дом. Моя лошадь – твоя лошадь. Идем скорей, дорогой, я тебя с мамой познакомлю...»

А вот и Одесса.

– Скажите, пожалуйста, как пройти на Дерибасовскую?

– А сами с откудова будете?

– Я из Москвы.

– Да? Ну, и что там слышно?

– Ничего. А что вас интересует?

– Нет, я просто так. Все хорошо. А в чем дело? Я просто так интересуюсь. У вас Москва, у них Воронеж, у нас Одесса, чтоб мы были все здоровы... Вы работаете?

– Конечно, я работаю, но я попросил бы вас: где Дерибасовская?

– Молодой человек, куда вы спешите? По Дерибасовской гуляют постепенно.

– Вы понимаете, мне нужна Дерибасовская...

– Я понимаю больше того. Гораздо больше того – я вас туда провожу, невзирая на жестокий ревматизм. Но меня волнует положение в Родезии. Этот Смитт такой головорез, такое вытворяет, у меня уже было два приступа...

– Послушайте, если вы не знаете, где Дерибасовская, я спрошу у другого!

– Вы меня обижаете. Вы меня уже обидели. Такой культурный человек, я вижу у вас значок, у меня такого значка нет. Я всю жизнь работал. Прямо с горшка на работу. Ой, нам было очень тяжело, нас было у мамы восемь душ детей. Вы сейчас можете себе позволить восемь душ детей? Не, это моя мама себе позволяла. Она была совсем без образования, а сейчас мои дети учатся в университете, а моя бедная мама, она сейчас с братом и дядей лежат на кладбище. Почему бы вам туда не съездить?

– Вы понимаете, мне нужна Дерибасовская...

– Я понимаю, но разве так можно относиться к родителям? Если ваши дети не приедут к вам на могилу, они тоже будут правы, вы поняли меня? Куда вы пошли? Дерибасовская за углом.

А вот и Москва!

– Ух, машин сколько! Таксей сколько! Людей сколько! Прокормить же всех надо! Ничего, всех прокормим! Где ж у меня адресок был, ах ты Господи. Ага.

– Гражданин, будьте так добры, я сам не местный, я из Котовска, у нас, знаете, на улицах курей больше, чем машин. Так вы не подскажите, как лучше всего пройти или проехать на Садовое кольцо?.. А где вы?.. Тю!.. Утек... Чи то гонится за ним кто? От дурной!

– Гражданочка! Будьте, пожалуйста, так добры. Я не местный. Я из Котовска. Вы не подскажите, как... Куда ж ты бежишь? Что, я на тебе женюсь?! Что ж за народ?

– О! Гражданинчик! Я из Котовска. Будьте так добры... Ненормальный! Ой-ой-ой!.. Чи, може, у них здесь заработки такие, что боится секунду потерять?!

– О! Пацанчик! Я из Котовска... Чтоб ты подавился своим мороженым!

– Алле! Москвич! Гражданин в шляпе с портфелем! Я из Котовска. Дети мои! Не оставляйте старика посередь дороги!

– Дочь моя! Куды ж тебе нести, может, тебе уже давно уволили. Остановись, поговорим. Мне нужно на Садовое кольцо! Скаженная! Беги-беги... добегаешься!

– О, бабка! Бабка, стой, рассыплешься! Фью-ю!.. Ходовая старушенция. Граждане православные! Рупь дам тому, кто остановится! Помчались неподкупные!.. Гони, гони! Давай, давай! Улю-лю-лю!

Расцвет сатиры

Расцвет сатиры в 60-е, когда сатирику помогали все. Телевидение своими постановками и прямыми передачами выгоняло людей из дому. Начальство своей внешностью и речью их объединяло в едином порыве. Отмена концертов, запрещение программ, вырезание из текста обостряло внимание и тренировало сообразительность. Поиски выхода заставляли присматриваться и прислушиваться к любому искусству. А всеобщее пение во славу по всем трубам и проводам заставляло людей хохотать над шутками второго сорта и запоминать отдельные выражения, хвататься за голову от намеков. И любить. И обожествлять. И писать письма.

Да. Нелегко творить в такой оранжерейной атмосфере.

Читаю в «Вечерке»

Читаю в «Вечерке», какие официантки грубые. Я бы пошла в официантки. Была бы самой доброй, вежливой. Относилась бы ко всем хорошо. Ну улыбаться каждому устаешь. Я бы, как устану улыбаться, – все равно хорошо смотрела бы... не уставала бы. С этим говорю, туда кивну и туда кивну, что, мол, всех вижу, ко всем подойду... Как же можно уставать? Не мешки таскаешь – живые люди. То есть уставать, конечно, можно, но виду не показывать. Все усталые. Чего ж кричать?

Читаю в газете: продавщицы грубые. Я бы пошла в продавщицы, была бы самой лучшей. И быстро бы работала. Много ведь работы только утром и вечером. Днем спокойней, значит, к этому времени я бы подготовилась. Все бы заранее нарезала, почистила, все бы приготовила. У меня бы очередь быстро шла, весело. Можно ведь с каждым пошутить.

Я слышу, что портнихи плохо шьют. Я бы самой лучшей портнихой была. Разве можно женщине плохо платье сшить?! Это платье для нее огромное значение имеет. Вдруг она немножко постарела или пополнела, а выглядеть должна хорошо. Должна нравиться любая женщина. Я бы все хорошо шила. Всю душу бы вкладывала.

А вот парикмахерши плохие есть. Напрасно. Пошла бы я в парикмахерши – самой лучшей была бы. От меня б женщины красавицами уходили. И торопиться тут нельзя. Каждую головку надо сделать. Вылепить, украсить и глазки, и ротик – девушка ведь. Эх, если бы...

А я администратором в гостинице работаю. Вот где работа бешеная. Вот где сумасшедший дом. Так налаешься, такой собакой смотришь. Ну нет мест, ну нет... Так не понимают. Гражданин, кричишь, отойдите вы от стола... Чего вы руки кладете – я же здесь работаю... Куда я вас всех положу? Что, я домой к себе поведу? Что за народ такой... Ночуйте, где хотите, я тут при чем... Куда вы лезете? Господи! Как люди не понимают.

Есть счастье, есть!

Я немножко изменился. Я мало пью. Я много думаю. Я не выдающийся инженер, но меня любят, уважают. И дома у меня все хорошо. Соседи, в общем, хорошо относятся. Меня уважают, и мне приятно. Есть счастье, есть. Я сейчас как-то приучился довольствоваться самым необходимым. Малым. Большое, где оно? У меня никто не спрашивает. Так за всю жизнь ни разу не подошли и не спросили: «А как вы думаете?» Только песня по «Маяку»: нравится или не нравится? Я написал как-то в Молодости – Молодости с большой буквы, – написал в Молодости, что не нравится. А они назвали только тех, кому нравится. Я перестал писать. Ну, не нравится – выключу, нравится – включу, и я спокоен. Есть счастье, есть.

Отсижу на работе. Иногда целый день в окно смотрю, а иногда перед собой. Как когда. Ты думаешь, счастье – командовать? Нет, когда Притупилось (я не боюсь этого слова с большой буквы – Притупилось), счастье – это подчиняться. Ну, как подчиняться?.. Делать, чтобы не было неприятностей. Конечно, я растолстел, немного полысел. Одет немодно. В общем, не пью, но и не бегаю по утрам. Вот так если бы осталось, и я бы сказал: «Нет-нет, есть в жизни...»

Последний раз «А вы как думаете?» меня спросил профессор еще в институте у нас, и от этого сразу стало тревожно. Нет, я, конечно, как-то думаю, но хорошо, что не спрашивают. Я, конечно, смотрю в окно, вижу дома одинаковые или автобусы переполненные. Ну, меня как-то не спрашивают. Да вот уже и сами об этом говорят. Газеты уже пишут. Кто-то всегда найдется. Обязательно найдется. Кто-то. Вот уже как-то обращают... Я, ты знаешь, даже волнуюсь. Я так давно откровенно ни с кем не говорил.

Знаешь, когда по всему телу разливается покой, от шерстяных носков до кроличьей шапки, по всему телу. И сладко там, внутри, куда я помещаюсь, неподвижны члены, как будто тебя гладят женские пальчики от лба к вискам. Нет, есть, есть оно!.. Какая-то суть, моменты истины – как хорошо сказано. А что ж, когда никто не спрашивает. Действительно, самые острые моменты в жизни переживаем во время чтения детективов. Или, знаешь, смотришь картину цветную, музыкальную, красивую. Идешь домой, а внутри оно еще поет какое-то время, чего-то действительно хочется. И кажется, нет ни живота, ни носков. А главное, не желание, а действие, кажется, появилось. Действие. Господи, слепишь снежок, запустишь – и побежал... Задохнешься... А дома тепло, тихо. Пощелкивает, посапывает. И опять счастье подступает медленно от радиатора, от ванной, от нечитаной «Вечерки», от кресла, которое меня обнимает сзади и подкладывает колени, от невключенного телика, который сейчас, и – оно засветится, и мне что-то будут показывать. Мне тут что-то написали. Мне там что-то приготовили. Ой, я сейчас все включу. И ты знаешь, у меня опустятся руки, чуть откроется рот, и я буду смотреть подряд.

Понимаешь, я научился великому: все мне приносит радость – малышам спать, а я уже взрослый, детям нельзя, а мне уже можно. Не дай Бог мне выйти. Когда в ЖЭК идти, я ночь не сплю.

Я в окно люблю смотреть. Женщин красивых вижу, машины красивые. Увижу пионеров и думаю, думаю. А иногда уже не думаю, хотя сохраняю это выражение.

Однажды проснулся часа в три ночи от жужжания пчелы. Она жужжала над ухом, затихала и опять, опять. Где-то в комнате. Проснулся, и знаешь это что? «Скорая помощь» под окном завязла. Женщина-врач толкает. Жужжали. Долго. Утром не было. Значит, вытащили. Кажется, там кто-то подошел. Нет, понимаешь, настолько уже как-то отвык. Такой сладостный покой вот здесь. Политикой не занимаюсь. Мнений особых не имею. Да и какое? Вернее, не какое мнение, а как его иметь. Кто-то хотел, чтобы я так жил, и я живу. Ну умер кто-то – жалко. Не умер – хорошо. И я подумал, если бы я лез вперед, пробивал, навязывал свои идеи, я бы кому-то навредил, наступил, оттолкнул. А меня, в общем, все любят. А я ничего. Только утром иногда тревога. Уж очень стали дни похожими. Значит, нужно, чтобы еще притупилось. Как ты не понимаешь? Ведь даже если скажут сообщение по радио как-то другими словами, станет тревожно. И не только мне. И правильно. Слова повторяются. К ним привыкаешь. Значит, все спокойно. Плохие концовки в кино тоже я бы не рекомендовал. Посмотри, как давно хороший человек не умирает: будет тревожно.

Только утром. Иногда. И тебя, когда вижу, тревога. Смеешься будто не так как-то. А как? И для чего? Есть, есть, есть счастье в жизни.

Пишу и кладу в папочку

Пишу и кладу в папочку. В папочку, папочку, в папочку Я вам о нем писал. Мамы наши, самые яркие наши. Самые нужные, самые запомнившиеся. Отцы наши жалкие и старательные. Отцы – это те, кто искажал себя все успешнее от нетерпимости вначале до одобрения в конце. Отцы, чтоб кормить, шли на преступление и долго боялись. У отцов был светлый час освобождения – когда они накопленное дома вбивали в головы врага. Но мы их тогда не видели, они уходили все дальше и могли победить всех своей двойной ненавистью, но мы их тогда не видели дома. Когда мы их увидели дома, они снова что-то нарушали, и боялись, и боялись показать боязнь, чтоб не выдать себя кому-то. И пили не с теми, и обещали не то. И на нас смотрели слезящимися дрожащими глазами. Они даже не претендуют на то, чтобы о них вспоминали. Что они оставили детям... Теперь эти отцы – мы.

Как лечат стариков

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Кабинет поликлиники. Действующее лицо – доктор, бездействующее – старик.

– Здравствуйте, доктор.

– Хорошо-хорошо, папаша, на что жалуетесь, и домой.

– Знаете...

– Знаю. Быстренькуа...

– Меня по ночам что-то схватывает за талию и держит.

– Жена у вас есть?

– Умерла жена.

– Видите. Жена уже умерла... А вы на что жалуетесь?

– Знаете...

– Знаю. Быстренькуа... Вам сколько лет?.. (*Заглядывает в карточку.*) Ого! Семьдесят три! Мы точно не доживем. А вы чего еще хотите. Я бы уже сказал спасибо.

– Понимаете, доктор...

– Понимаю. Быстренькуа!

– По утрам. Понимаете.

– Понимаю, папаша, по утрам и по вечерам. Это все возрастное, папаша. Иди спокойно.

Не загромождай.

– Но этого раньше не было.

– Конечно, не было. Вам когда-нибудь было семьдесят три? В первый раз. Мне когда-нибудь было тридцать два? Никогда.

– Может быть, послушаете?

– Что слушать? Я наизусть знаю. Ну, поднимите рубаху. Побыстрее, папаша. Так и быть.

Не дышите, отче... Теперь дышите, дитя мое... Теперь согнитесь пополам...

– Тяжело.

– Видите, уже тяжело. Начинаем переключку! Ревматизм?

– Есть.

– Радикулит?

– Есть.

– Ревмакардит?

– Есть.

– Желудок?

– Нет.

– Все нормально, старик, все в порядке!

– Как же? Оно же?

– Оно. Оно. Возрастное оно, от времени, понимаете? От истечения...

– Может, выпишете что-нибудь?

– Что ж выписывать, рецепт тратить. Иди спокойно, папаша.

– Может быть, греть?

– А как же. Грей! Сядь на печку, приободришь!

– Паровое у меня.

– Возрастное, папаша, возрастное. Семьдесят три года громыхал. А тут соученик в тридцать два гикнулся. Иди, отдыхай, борец. Мне молодежь лечить надо. Скажи молодому, который за сердце держится, пусть войдет. Пожалуйста, молодой человек.

Сила слова

Для А. Райкина

Они мне сказали: «Ты, Федя, пропагандист, полтора часа говоришь – непонятно о чем». Кому непонятно? Вот я скажу вам, а вы мне скажите: вам понятно или нет? Я решил сказать, потому что я старше их не по возрасту, а по годам. Конечно, да, конечно, надо выражаться, чтоб тебя понимали и чтоб ты сам себя понимал. Да! И чтобы все остальные – нет, не забывали о силе слова. Потому что слово – это сила, слово – это... О! Слово понимает каждый, но ему нужно объяснить! Речь пойдет о слове, о силе слова. Это сила! О чем я ниже буду перечислять. О воспитательной работе.

Вы заглянули в цех, вас бросило в жар от холода. Вас это устраивает? Да, не устраивает. Значит, воспитательная работа в кочегарке ведется? Да, не ведется. Там сменили руководство. Парень молодой, ему двадцать четыре года. Он пятьдесят третьего года рождения. Прошедшему тоже двадцать четыре, но он тридцать восьмого года рождения. Конечно, да, конечно, новая метла метет проникательно, у ей свежий взгляд. Но в каждом деле нужен свой запевала: ты запоешь – другие, другие подхватят! И вот пошло, покатилося, и участок на первом месте. Но их никто не ругает, они пару не дают! Другой пример приведу. В подшефном колхозе двое наших пожинали чужие плоды, то есть грузили навоз. Погоди смеяться. Что – га-га-га? Ну что – га-га-га?.. Слушай! Так они вместо этого послали председателя и лошадей матом на поля, а сами пошли на танцы.

Отставание в воспитательной работе становится хроникальным. В конструкторском бюро на потолке обнаружены следы неизвестного животного. А мы не знаем, что это за животное и животное ли это вообще. Может, это потолок протекает? Нужно людей водить в музей и на примере первобытного человека показывать, насколько мы оторвались.

Перехожу к спорту. Спортзал. Нет, фундамент – да, стены – да, крыша – да, паровое отопление – нет, рамы – нет, стекла – нет! Поехали в главк – вырвали рамы, выбили стекла, оторвали отопление. Спортзал готов. Кто висит на турнике? Инспектор. Вбил два кольца в потолок, на них что? Ни одного человека. Вот отсюда наша хилость, и мы так будем хилить – чем дальше, тем больше!

Перехожу к самодеятельности. Вместо того чтобы выпимши петь и танцевать на улице, иди на сцену, дурень. Мы тебе аплодировать будем. Дак нет же. Мы свой балалаечный оркестр передали с баланса на баланс родильному дому, у них будет самодеятельность, у нас нет. Устроили мне экзамен. Собрали комиссию. Я говорю: «Вы хотите поставить меня в тупик своими вопросами, а я вас поставлю в тупик своими ответами». «Нет, – говорят, – Федя...» Меня Федей зовут. «Нет, – говорят, – Федя...» Мне сорок лет, и все Федя. «Нет, Федя! Нет, – говорят, – Федя, ты, – говорят, – Федя, в состоянии пропагандистом не быть. Сила в словах у тебя есть, но ты их расставить не можешь. Ты говоришь долго, Федя, но непонятно о чем».

Кому непонятно? Вам понятно, нет? Вот! А они говорят... Да! Все!

В век техники

Для А. Райкина

Мы живем в век техники. Выходим на международные рынки. Машины у нас хорошие, отличные, но их надо рекламировать.

Вот на заводе номер восемь дробь шесть, в общем, на одном из наших предприятий, изобретатель Серафим Михайлович... В общем, один чудак изобрел машину для этого... В общем, не дураки сидят!

Целый год работал над машиной, и решили машину в Париж на выставку отправить! Правда, самого не пустили, у него кому-то чего-то не понравилось в рентгене, анализы у него не те. Так что поехал я, у меня в этом смысле не придерешься – все качественное и количественное. И девчушка еще из колхоза поехала, ей давно обещали во Францию. Девчушка как раз еще кое-что в физике помнила. А я сам, понимаешь, подустал... Все это мотаешься, гоняешься, перевариваешь эти процессы, все это осваиваешь, так что уже элементарные законы начинаешь подзабывать. Не то что там Джоуля – Ленца или Ома, но и Архи... этого... меда уже конкретно себе в лицо представить не можешь. Вот так! Но дядя я представительный, сами видите: черная тройка, баретки, шляпа сидит как на гвозде.

Перед отъездом с изобретателем переговорили: выяснили там, какие заряды, какие при-тягиваются, какие оттягиваются... Ну, в общем, сели, поехали! Приезжаем, слышу на плат-форме: «Пardon, pardon». Что же это, уже Париж? Ну, прибыли в павильон, распаковались. Народу набегала уйма. Машина – всеобщий восторг!

Я уже речь толкнул и закончил по-французски. Так и сказал: «Селяви!» В смысле – есть что показать! Народ мне кричит: «Включайте!» Я уже через переводчика говорю: «Нам понятно, граждане французы, ваше нетерпение...»

Только это я сказал...

И вот тут мы куда-то что-то воткнули...

Потом меня спрашивали: «Куда ты воткнул, вспомни давай!»

Комиссия приехала из Москвы, меня спрашивала: «Куда ты втыкал, ты можешь вспом-нить?» Какое вспомнить, когда врачи ко мне вообще два месяца не допускали, у меня состо-яние было тяжелое.

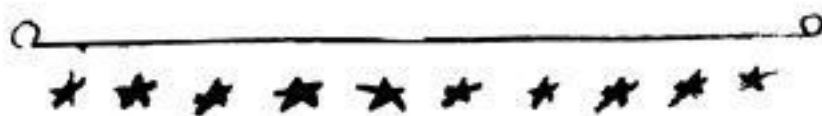
Девчушка та покрепче оказалась, но у нее что-то с речью случилось и не может вспо-мнить, как доить. Принцип начисто забыла! Откуда молоко берется, не помнит. Сейчас ее кол-хоз за свой счет лечит, врачи говорят, есть надежда.

Ну, павильон-то быстро отремонтировали, там ерунда, только крышу снесло.

Машину собрали... в мешок и привезли уже другие люди. Хотели изобретателя под стражу взять, но я в это время в больнице лежал, тут за него коллектив поручился, так что просто взяли подписку о невыезде. Легко отделался...

Я вот, как видите... Маленько перекося, и вот не сгинается. Говорят, могло быть и хуже. Ну ничего, я подлечусь. Живем в век техники! Так что, может, еще и в Японию поеду!

А что вы думаете? Селяви!

Разница между умным и мудрым: умный с большим умом выкручивается из ситуации, в которую мудрый не попадает.

Он выпил, и, с его точки зрения, дела у всех пошли лучше. Еще выпил – оживились лица. Добавил – все захохотали. Еще чуть – все пустились в пляс. Жаль, не видел, чем все кончилось. Рухнул к чертовой матери.

День приезда, день отъезда в один стакан. Между первой и второй не дышу. После третьей не закусываю.

Так плохо с такси, что, когда машина пришла, четыре человека вынуждены были уже уехать, хотя было очень весело.

И самовар у нас электрический, и мы довольно неискренние.

Пытался я перейти в другое поколение. Повел за собой весь выпуск Государственного педагогического института имени Ушинского. Домой привел. Читал им. Пил с ними. Пел с ними. Кричал: «Называй меня на ты!» На следующий день пошел с ними в ресторан. Играл с ними. Танцевал с ними. И вдруг увидел своих ровесников, которые у них преподаватели. И сел к ним. И в слезах просидели мы вечер... Один с печенью. Другой с сердцем. Третий с лысиной. Четвертый с немым вопросом в глазах... После двух попыток перебежать в другое поколение я остался с вами, мои тридцативосьмилетние.

Ударили небывалые морозы, и город украсился новыми скульптурами: бегущий студент в курточке, солдат, входящий на мост, гаишник в стакане, шагающий школьник с портфелем, влюбленные на скамейке и множество пожилых людей, зовущих кого-то.

Если этот голубь еще раз так близко подлетит к моему окну, я вылечу ему навстречу, и мы полетим, оживленно беседуя, прямо в закат, в зарево, и из серых станем розовыми, а потом черными.

Две точки, две домашние птицы, не умеющие добывать хлеб воробьиным нахальством. Дадут – поедим, свистнут – взлетим высоко-высоко и крепко, раз и навсегда, запомним свой дом...

Вам не повезло. Специалист, который лечит, в отъезде, но есть второй – не хуже.

Лучше договориться лично. Хотя можно и по направлению.

У нас только по пропускам. Хотя можно пройти и так.

Лечение стоит дорого, но можно и не платить.

Нянечкам, сестрам обычно платят, но они ухаживают и так.

Поэтому я вам советую подождать специалиста, договориться с нянечкой и заплатить.

Но можно этого и не делать. Если вас не интересует результат.

Диспут

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Ведущий. Так... Товарищи! У нас сегодня диспут! На любую тему. Столкновение разных мнений. Утверждение! Возражение! Вот вы, гражданин из первого ряда... Идите сюда! Подойдите! О чем вы хотели бы поспорить?

– Я?

– Да, вы. Именно вы! Я вчера с вами говорил. Вы были таким темпераментным, запальчивым. Вот теперь здесь, на сцене, попробуйте отстоять свое мнение. Покажите, как это делается! Итак, что вам не понравилось?

– Где?

– Вчера. Вам что-то не понравилось. Вы спросили.

– Мне все понравилось. Я еще вчера говорил, что мне все понравилось.

– За исключением...

– Без всяких исключений! Все понравилось!

– Ну, это не разговор. Вот, к примеру, мне не нравится ваш галстук!

– Мне тоже! (*Сорвал, выбросил.*) Тряпье!

– Ну, постойте... Вы не понимаете. Это диспут. А диспут – разговор, где сталкиваются разные мнения. То есть если я за, вы должны быть против. У нас должен быть спор, понимаете?

– Понимаю.

– Так что вы возражайте. Итак, мне понравился...

– И мне.

– Нет, ну, вы не поняли. Вы участник диспута, понимаете?

– Да.

– Вы должны спорить.

– Да.

– Мне понравилась эта книга. А вам она...

– Мне тоже.

– Подождите. Вам она не понравилась.

– Понравилась.

– У нас так не будет спора.

– Будет.

– Как же – будет? Вы же мне не возражаете. А вы должны возражать. Мне не нравится зима!

– И мне не нравится.

– Товарищ, вы участвуете в диспуте.

– Да.

– Мне вчерашний фильм понравился, а вам нет.

– Мне тоже.

– Вы морщились.

– У меня зуб болел.

– Проклятый зуб?

– Проклятый зуб.

– А мне нравится ваш зуб!

– А я его люблю!

– А пиджак на вас ужасный! Просто жуткий!

– Кошмарный!

- Я бы его выбросил!
- Я тоже. (*Снимает, выбрасывает.*)
- Товарищ, постойте. Вы вчера согласились.
- Я и сегодня согласен.
- Вы сказали: «Я буду участвовать в диспуте. Мы им покажем, что такое борьба мнений», – вы еще намекали.
- Ни на что я не намекал.
- Ну, хорошо. Я считаю, что в семье должен быть один ребенок. А вы?
- Я тоже.
- А вы возражайте.
- Я возражаю!
- Вот. (*После паузы.*) Вот. Почему вы возражаете?
- Я возражаю.
- Почему?
- Я возражаю.
- Нет, но почему?
- Я возражаю.
- Это хорошо. Но почему вы возражаете?
- Я возражаю.
- Нет. Вы так просто не возражайте. Вы должны говорить – два.
- Два.
- Вот. (*После паузы.*) А я считаю, один.
- И я считаю, один.
- Вы же говорили, два.
- Два.

- Вот. (*После паузы.*) А я говорю, один.
- Два.
- Вот. (*После паузы.*) А я говорю, один.
- Два.
- Вот видите, уже спор. А я говорю, один.
- Два.
- Вот, чудно. Так что я говорю: один.
- Два.
- Так, один.
- Два.
- Один.
- Два.
- Ну спорьте, спорьте... Один.
- Два.
- Ну вы спорьте, возражайте... Один.
- Два.
- Один.
- Два.
- Чего-то тут... Чего-то мы не спорим... Один.
- Два.
- Чего-то у нас не то. Один.
- Два.
- Вы должны доказывать, почему два.
- Два.
- Да ну вас. Один.
- Два.
- Перестаньте. Один.
- Два.
- Прекратите. Один.
- Два.
- Сейчас же бросьте. Один.
- Два.
- Это чепуха, а не диспут. Один.
- Два.
- Это чушь собачья! Один.
- Два.
- Стоп! Стоп! Я понял. Вы должны мне доказывать, почему два.
- Чего?
- А про то, что мы спорим.
- Он молчит.
- Ну, что «один – два»? Что, «один – два»?! Что, вы – «два», я – «один»?
- Что?
- Ну чего я говорил «один»? А вы мне возражали, говорили «два»?
- Я не возражал.
- Вы говорили «два».
- Два.
- Вы почему говорите «два»?
- Вы мне сказали.
- А про что мы спорим?

- Мы не спорим, вы мне сказали: говори «два».
- А я почему говорю «один»?
- Вы мне сказали: «Скажи два», – и я сказал «два».
- А кто мне сказал, чтобы я говорил «один»? Ты мне сказал?
- Вы сами.
- Нет. Мне кто-то сказал... Сам бы я... вообще бы... А здесь чего?
- Диспут.
- И что, и что я здесь делаю?
- Вы ведущий.
- А вы как сюда попали?
- С улицы.
- А у вас пропуск есть?
- Нет.
- Ну, идите домой. Диспут окончен. Ничья!

Берегите бюрократов

Мальчики, девочки, деточки, дамочки! Отнесемся бережно к окружающей нас природе. К ее разнообразным формам. Не допустим полного уничтожения бюрократов. Пусть их вид нам неприятен. Что делать? Все в природе увязано и укучено. Уничтожишь одно звено – рушится другое. Уничтожишь бюрократов – испортится народ.

Представьте: только попросил – сразу дали! Только подошел – подписали! Только обещали – тут же сделали! Что же это такое?! Люди дома сидят. По телефону договариваются, животы пошли, инфаркты, общая вялость, дети малоподвижные, мужчины нерешительные, юноши женственные.

– Эй! А ну-ка, давай!

– Я – к вам.

– Отказать!

– Как?..

– А так!

Я – к другому.

– А я этот вопрос не решаю.

Я – к третьему.

– Это не по моей специальности.

– Это не в моей компетенции.

– С этим обождем!

– С этим переждем!

И тут чувствуешь, как у тебя второе дыхание прорезается. Легкость в теле необыкновенная. Упругость удивительная. Ножки напружинил и пошел по кругу!

Отказать – хорошо!

Подождать – хорошо!

Переждать – мирово!

Мчишься по городу крепкий, легкий, закаленный и только слышишь: хлоп-хлоп! Буль-буль! Слабенькие отпадают, хрум-хрум – косточки ихние хрустят...

Но остаются самые-самые! Самые зубастые, самые жилистые. Вы мне: «Отказать!» А я с женой, с детьми – в приемную! Хлоп на пол!

– У меня течет.

Вы мне: «Убирайтесь вон!» А я из колодца:

– Здрасте! Это у меня...

Вы мне: «Пошел вон!» А я из-под машины, из-под колеса:

– Здрасьте, это у меня промокает.

Вы самолетом, а я через винт.

Вы за границу. А я в Монтевидео из-под пальмы:

– Здрасьте, это у меня...

– Ах, чтоб ты пропал! Откуда ты такой выискался?

– «Откуда»? А путем вашего искусственного отбора. Скорость как у гепарда, кожа как у хамелеона, челюсть своя и запасная, справа автобиография, слева справка о состоянии здоровья, в зубах прописка, в глазах вид на местожительство!

И плотным строем пошел! Только ветер в ушах, только пыль по дороге и жилмассив в одну линию сливается.

Отказать – хорошо!

Отложить – хорошо!

Переждать – можно!

Табличкам не верим. Мест нет – найдешь! Билетов нет – поищешь!

Самолеты не летят – отправишь!

Ни черта не страшно нам, закаленным, перченым, проверенным. Мужчины поджарые, женщины стройные, население красивое!

Не трогайте бюрократов! Большая польза от них происходит.

Сколько лет мы их терзаем. А они все есть. Знаете почему? Мы их породу улучшаем – съедаем самых слабых!

Что охраняешь, товарищ?

Я в охране природы работаю. Лилиеводы, тюльпановоды. Звонят из ресторана – пальму выбросили. Я еду. Как я стал любителем охраны? Ну, хочу взять два лося. Приезжаю в область в сезон. Вот разрешение взять два лося. Резолюция товарища вот... А мне говорят, этой резолюцией, говорят, можешь клопов давить. Если выпить хочешь, так и скажи. А насчет лосей или иди к первому на подпись, или вступай в общество инспекторов охраны. Думаю, идти к первому... толкаться... Вступил за полчаса. Три рубля за книжечку дал. Пошел, взял два лося. А как же! Все так. Хочешь лося взять – иди в общество охраны природы! Что охраняешь, то имеешь и еще с друзьями делишься!

Хочешь интересные книжки читать – иди редактором: первым будешь читать, никому не дашь! Лес охраняешь – дрова есть! Аптеку охраняешь – вата есть! Возле змей сидишь – яд имеешь! Хочешь кооператив иметь – берись квартиры распределять! За очередью следишь – без очереди берешь!

Что охраняешь, то имеешь! Ничего не охраняешь – ничего не имеешь! Недаром говорят: «Все на охрану всенародной собственности!»

Новички

На сцене женщина – бухгалтер. Она что-то считает и пишет. Он подходит, снимает шапку, кашляет.

Бухгалтер. Чего вы кашляете? У вас грипп?

Он. Не... Это я хотел узнать...

Бухгалтер. Что вы хотели узнать?

Он. А тут мне в получку выписали тринадцать рублей шестьдесят копеек.

Бухгалтер. Правильно выписали. Ну?

Он. Правильно... Да... Но чего так мало? В прошлом месяце шестьдесят рублей, в позапрошлом шестьдесят шесть.

Бухгалтер (*нетерпеливо*). Ну?

Он. Так вот я... Чтоб проверить мне.

Бухгалтер. Так вы думаете, мы ошиблись?!

Он. Не... Не ошиблись... Но мало... Что же я... Я работал. А он говорит: иди, посмотри... А я говорю...

Бухгалтер. Участок?

Он. Подсобный.

Бухгалтер. Фамилия?

Он. Гоголь.

Бухгалтер (*за кулисы*). Маша, подымите февраль на «Г». И подымите январь. (*Входит Маша, вручает бумаги бухгалтеру.*) Так, вот смотрим на вашу карточку. (*Сосредоточенно.*) Значит, в январе по нарядам вы заработали сто сорок два рубля. Неплохо.

Он. Хорошо, да... Это хорошо.

Бухгалтер (*не обращая на него внимания*). Вы заработали сто сорок два рубля. Премия квартальная сорок три рубля. Получили?

Он. Да... А как же... Это очень кстати было.

Бухгалтер. Так вот... В этом месяце премии у вас не было, а налог берется за прошлый месяц с общей суммы. Берем сто сорок два плюс сорок три, отсюда берем десять процентов, получаем восемнадцать рублей пятьдесят копеек. В этом месяце вы работали хуже. У вас сто пять рублей шестьдесят копеек.

Он. Да, хуже... Чего ж – хуже? Работа невыгодная... Я копал тот же траншей... На два штыка. А сейчас зима. Она мерзлая и не берет. Конечно, хуже получается.

Бухгалтер (*не обращая на него внимания*). Аванс пятьдесят. (*Говорит все быстрее и быстрее.*) Плюсую налоги. Подходный десять процентов. Плюс премия, минус... У вас есть дети?

Он. А как же, Сережа, десять лет. Ну негодяй. Он... Вчера в школу вызывали. А кто пойдет?

Бухгалтер (*не обращая на него внимания*). Значит, за бездетность с вас не удерживаем.

Он. Да... А чего ж... Такой бандит, на него еще приплачивать? Каждую неделю штаны новые и портфель. На портфелях съезжают с горы. А мать у нас в гостинице работает... И еще дочка, шестнадцать лет, уже барышня. В институт на вечера... Я говорил прорабу.

Бухгалтер. Таким образом, получается (*продолжая считать*) девятнадцать рублей шестьдесят девять копеек. Ой!..

Он. Чего?

Бухгалтер. Ой!..

Он. Чего?

Бухгалтер. Мы же ошиблись. Мы забыли с вас удержать...

Он. Ну, в общем, я пошел...

Бухгалтер. У вас же рассрочка есть. «Квас...» «Мас...» «Вас из дас...»

Он. «Аидас». Так он же не работает ни черта... Я его на праздники воткнул, музыку послушать. Шипит и не вертится. Степка зашел: дай почию. Молоток потребовал и ниток. Ну, я дал. Он выпимши... Потом нитки оттуда неделю вынимали. Дочка в слезы...

Бухгалтер. Ой!..

Он. Чего?

Бухгалтер. Стойте!

Он. Да я пошел. Я выяснил.

Бухгалтер. У вас еще одна рассрочка. Опять «Вас из дас».

Он. «Веритас» – швейная машина. Она же не строчит... Жена: купи-купи, сама шить хочу... Там операции – зигзаги. Я ей говорю, куда ж ищо? У нас «Аидас», еще «Веритас». Ни в какую. Шить-шить! На курсы эти – кройте сами, шейте с нами. Ну, шут с тобой, шей. А она на второй день зигзаг не дает. Степка как раз зашел. Сейчас сделаю. Нагрей паяльник. Ну, я нагрел. Олова достали... Он спаял. Тоже выпимши был... Так что в мастерской не могут найти, что он там спаял. И он сам не помнит. Так что это ни к чему...

Бухгалтер. Две рассрочки – это пятьдесят четыре рубля семьдесят копеек плюс подходящие восемнадцать рублей пятьдесят копеек плюс премиальные шесть пятьдесят. Плюс сверхурочные. На сверхурочные оставались в позапрошлом месяце?

Он. А как же, там должно это быть.

Бухгалтер. Вы их получили. Удерживаем с них налог. (*Быстро, невнятно.*) Минус тридцать восемь плюс сорок девять минус сорок шесть, итого восемь рублей шестнадцать копеек. Значит, в следующем месяце мы с вас дополнительно удержим пять рублей сорок четыре копейки. Теперь все правильно?

Он. Правильно, да... Вот только, значит, сколько теперь? Восемь рублей... Не мало, нет? В прошлом месяце шестьдесят рублей, в позапрошлом шестьдесят шесть и в получку пятьдесят пять, вот у меня тут записано... А теперь – восемь. Не мало, нет?

Бухгалтер. Вы меня спрашиваете?.. Мы же с вами все посчитали. Смотрите внимательно. В прошлом месяце вы заработали сто сорок два рубля пятьдесят семь копеек плюс премия сорок три рубля шестьдесят девять копеек. (*Убывает счет.*) Плюс амортизация три рубля восемнадцать копеек, итого восемьдесят девять рублей тридцать четыре копейки. Отсюда десять процентов, получается восемнадцать рублей девяносто три копейки. Я сотые не беру в расчет.

Он. Да. Не надо.

Бухгалтер. Вот. Дети у вас есть?

Он. Двое, да... Ох, младший бандит, сладу нет. В школу вызывают каждый день. Не могу. Сверхурочно остаюсь. Жена в разные смены. А он – как бурьян. Уж я его стегал, стегал...

Бухгалтер. Две рассрочки. Магнитофон «Аидас» – двадцать два рубля.

Он. Так он же не работает.

Бухгалтер. Швейная машина «Веритас».

Он. Не шьет, я ж говорю...

Бухгалтер. Итого рассрочка сорок четыре рубля шестьдесят девять копеек. Стойте, стойте... (*Кричит за кулисы.*) Маша! Вы будете внимательно просматривать карточки, или я с вами буду говорить иначе! Почему вы не внесли дрель?

Он. Какую? Это, что ль, ручную, пистолетную?

Бухгалтер. До каких пор я буду ваши огрехи подбирать?! Лишим вас премии за то, что с него не удержали, и все! Хорошо еще, что он сам пришел, так мы теперь можем удержать. Спасибо вам, Гоголь.

Он. Да...

Бухгалтер. А он бы уволился, где бы вы его искали?

Он. Конечно... Ищи меня...

Бухгалтер. Это уже второй случай, когда вы не удерживаете с человека. Вас пять лет учили. Ну давайте, Гоголь, значит, тут с вас за дрель... Почему за дрель, вы же подсобник?

Он. Вот... Я ему говорю, зачем мне дрель? Я лопатой возьму. А он говорит: давай бери дрель на складе, обсерли – канаву легче копать будет. Грунт мерзлый.

Бухгалтер. Кто он такой? Прораб, что ли?

Он. Да я его не знаю. Хромой какой-то. Ну, мы пошли, пока кабель достали, пока тянули от щита... Уж после обеда сверлить начали. Ну, он выпимши был... Дрелька на сто двадцать, а мы дали триста восемьдесят, так что она прямо в руках гибнуть начала и током как даст...

Бухгалтер. В будущем месяце удержим с вас двести шестьдесят семь рублей тридцать восемь копеек, так что работайте хорошо.

Он. Обязательно. Да... теперь хорошо, что зашел. Он мне говорит: главное, зайди, там тебе еще положено, узнай, – хромой этот.

Бухгалтер. Извините нас за ошибки, у нас молодой сотрудник.

Он. А как же, у меня тоже молодой напарник, каждый раз ломает... Ну ничего, пусть учатся... Значит, сколько там – двести шестьдесят семь рублей? Это на юг можно всей семьей, и еще фотоаппарат выйдет в рассрочку... До свидания, пожалуйста...

Бухгалтер. Да. А вы, Маша, из-за частых ошибок с удержаний переходите на начисления.

Ваше здоровье?

Для Р. Карцева

Дедушка, дедушка, как ваше здоровье? Нет, нет, мы незнакомы, дедушка, но меня интересует. Вижу, вы вздыхаете. Честное слово, я просто так. Как ваше здоровье, дедушка, дорогой? Нет, я не из поликлиники. Я же вам говорю: просто так. Да нет, ну что вы, дедушка. Я не от Зины. Я не знаю Зину, я прохожий. Вижу, вы переходите улицу, я шел за вами. Я случайно шел за вами. И думаю: спрошу, как здоровье. Погода великолепная сегодня. Ну, не хотите отвечать – пожалуйста. До свидания.

Я вам говорю: я просто поинтересовался. Честное слово, я вас не знаю. Клянусь, я вас вижу в первый раз. Я просто так спросил. Как ваше здоровье, и все. Ну хорошо. Не хотите отвечать – не надо. Все. Я пошел. До свидания.

...Отец, идите своей дорогой. Я говорю, у меня сегодня хорошее настроение, и я спросил, как ваше здоровье. Ну что здесь такого? Я ничего не думал... Незнакомы, знакомы. И не работали вместе, и не учились. Как мы могли учиться вместе? Ну как?

...Я не знаю вашу дочь. И в Саратове никогда не был. Я просто спросил, как ваше здоровье. Вы не захотели ответить! Все! Вам куда? А мне – налево. И чудесно. И будьте здоровы.

...Папаша, бросьте это дело. Не приставайте на улице. Папаша, я объяснил. Ну вы посмотрите на себя. Вы еле дышите, вы весь держитесь на этих подтяжках. Я вам говорю: я нервный. У меня просто настроение хорошее, но я звездану, и все. Зачем вам эти волнения к концу жизни?.. Я вам говорю, я за тобой шел. У меня было хорошее настроение, и я спросил, как твое здоровье, чтоб ты не дошел. Понимаешь? Я тебя в жизни не видел и горя не знал. Слушай, старый, переползай на другую сторону, у меня терпение кончается!

...Какой я тебе родственник? Ты посмотри на мой овал лица... Какой Саратов? Я из Копенгагена, у тебя там есть родственники? И катись к чертовой матери, пока я тебе все шнурки не оборвал, и быстро набирай обороты, догоню – устройю здоровье на все два дня, что тебе остались!

...Нет! Нет! Если бы ты был моим родственником, я бы на себя руки наложил. Слушай, у меня было хорошее настроение – я не виноват, но я разворочу мостовую, я найду тот кирпич... Дед, отойди, дед, дай умереть спокойно. Дед, я тебя не знаю, у меня сердце не выдерживает! Дед, уйди!

...Граждане, братья, отодвиньте его, не доводите до греха. У меня сегодня радостный день, у меня сегодня день рождения. Мне сегодня было тридцать лет. Я защитился – вот диплом, жена-красавица, дети-умницы. Я ему говорю: «Отойди, дед, я здоровый человек, меня любят на работе. У меня все впереди. Он ходит за мной с утра, любимый, старый. Разве я могу взять его за бороду и об себя два раза, я же интеллигентный человек?!»

Мальчик, мальчик, где здесь аптека?

Пить вредно

Для Р. Карцева

А сейчас, сейчас вот все время по радио, по телевизору говорят, что вредно пить. Аж зло берет. Вот в журнале «Здоровье» еще за тысяча, за тысяча еще девятьсот шестьдесят девятый год было написано, что вино полезно. Один доцент, я точно не помню его фамилии, так и пишет: «Напивайтесь, полезно». Он пишет, что коньяк всегда полезный. В той же статье пишет, что коньяк, пишет, всегда, пишет, полезный. Против простуды, пишет, полезный, расширяет сосуды, поле... всегда, пишет, полезный. Но дорогой, потому что полезный, поэтому дорогой.

А если сердце больное, хорошо водку с перцем принять. Туда две рюмочки крепленого, ну три, не больше. Все это дал себе, утром встал – не найдешь, где сердце. Пусть все ищут, никто не найдет. А как же! Это все в лаборатории научные сотрудники, все на себе испытывают. Они святые люди, я уважаю науку и этих людей. Один доцент пишет, что он только этим себя на ноги поставил: водка с перцем, крепленое и сухое. Да, еще сухого, туда еще сухого. Это было в «Литературке» за 66-й год. Вот ты молодой, газет не читаешь, все девки в голове. А о здоровье не думаешь. Вот доцент пишет, что он только этим себя на ноги поставил: водка с перцем, крепленое и сухое. Только, он пишет, беременным женщинам нехорошо. Им нужно без перца, а так состав тот же.

Еще был там такой рецепт: на кружку вина крепленого – стакан пива. Ух, суррогатик во такой во! Один доцент только себя этим на ноги поставил. Он себя поставил на ноги, детей поставил на ноги, жену на ноги поставил, сейчас всех соседей ставит на ноги. У него уже весь двор на ногах стоит. Только это, он пишет, хорошо с утра. Это для почек. А для суставов так: часов в двенадцать принять, когда уже... когда уже солнце уже подошло, когда уже солнце и суставы в равновесии. Ломоту снимает в суставах моментально. У тебя был треск в суставах? У меня знаешь какой был треск? А сейчас слушай, после лечения, слушай меня сейчас. Мотылек!.. Птица божия! А раньше ни к кому близко подойти не мог, трещал как пулемет. Демаскировал.

Вот один профессор пишет, что смазку суставам дает полторы сотни «Зубровки», две сотни «Мицного», столовая ложечка «Алиготе» и чуть-чуть ацетона для запаха. Чуть-чуть, для запаха. И мгновенно забываешь про суставы. Членистоногий, как змея, ползешь, шелестишь, по земле стелешься. А вот желудочно-гастритчикам, колитчикам и поносозапорникам марочное «Алиготе» – не дай бог! Не дай бог тебе «Алиготе»! Только спирт с хреном. И два часа не кушать, терпеть. Можно пивом запивать. Один доцент только себя этим на ноги поставил. У него язва была двенадцатиперцовой кишки. Пропала начисто. Полное пропадение язвы. Что ты смеешься?

А был случай уникальный, он обошел все страны мира. У нас произошел, на горах Кавказа. Академик лежал пластом после инфаркта. Думали, что уже всё, уже думали, что всё уже, думали, что думали, что всё уже, всё... На хребте Кавказа на спине академик лежал... Думали, что всё уже... думали... что уже всё, уже всё. Светило лежало! Думали, всё уже... думали, что... думали, что всё уже, всё. Уже конвульсиум собрали. Думали, что всё уже, всё. Стали самогонкой отпаивать. После трех стаканов сам сбежал с горы. С кайлом... вниз... А уже был покойником. Догадался кто-то самогонки влить. Сейчас бегают академик. Кандидатскую будет защищать.

А был случай, один профессор тридцать лет на себе все сорта испытывал. Тридцать лет – все на себе! Герой! Шо ты смеешься, он герой. Ему памятник нужно ставить. Потому что он знал, что против чего. Он писал, что брага хорошо почки прочищает. Сивуха дает печени

прострел навсегда, на мозги хорошо действует лак, подогретый с денатуратом, мозги шевелятся в три смены.

Вот подумаешь на совесть, так узнаешь, что против чего. А не можешь пить, так и не пей.

Все мы движемся, движимые желанием...

Двое спорят, третий, посторонний, что-то ест неподалеку.

Первый. Вы не правы, друг мой. Мы, конечно, многим обязаны техническому прогрессу. И средства передвижения, и наш быт – все это во многом зависит от технических достижений сегодняшнего дня. Это безусловно, и в этом я с вами согласен. Но мировой прогресс, так сказать, наше общее движение зиждется на идеях. То есть, грубо говоря, идеи движут миром. Одна общественная формация сменяет другую. Меняются философия, мировоззрение. Идея переустройства общества и движет им, вы согласны?

Второй. Отчасти. Только отчасти! Главное, и я настаиваю на этом, – технический прогресс. Революции в технике, которые потрясают нас в равные промежутки времени. Оглянитесь назад!

(Третий оглядывается.)

Колесо, которое пришло на смену примитивным полозьям, – это ли не революция?!

Первый. Но...

Второй. Я вас не перебивал!.. Пар! Пришел на смену лошади. Появились железные дороги, ткацкие фабрики, паровые мельницы... Наступил век пара. Пшшш! Человечество начало быстрее передвигаться. Куда вашим философам. Разве им угнаться за паровозом? Середина девятнадцатого века. Разряд! Искра! Электричество! Радио! Люди стали слышать друг друга. Двигатель. Дизеля. Моторы внутреннего сгорания. Темп жизни. На дорогах появились автомобили. На полях застучали трактора. Чих-чих-чих! Что это? Смотрите вверх!

(Третий, жуя, смотрит вверх.)

Слышите гудение? *(Прислушивается.)* Это самолет. Это начало двадцатого века. У-у-у-у... Летит, летит человек! Летит мозг! «Мне сверху видно все, ты так и знай!» Человечество село на моторы и поехало и полетело. Наконец! Закройте глаза – опасно! *(Закрывает глаза.)* Ослепительное пламя. Взрыв! Атомная бомба. Начало атомного века. Атомные лодки, атомные станции, атомные ледоколы. Сумасшедшие скорости. Люди летят в ракетах. Вверх. Туда! В неизведанное. В черное. От-ве-чайте. *(Напыщенно.)* Если не технический прогресс, то что... движет миром?

Третий. Извините, я перебиваю... Значит, почему все-таки едет паровоз? Вы говорите: пар... А я говорю, потому что машинисту платят от километра. Почему такси носятся туда-сюда? Вы говорите: мотор, а я говорю: шофером движет желание заработать... Троллейбусы, трамваи полные. И те, что туда, набиты, и те, что сюда, битком. Нужны трамваи и троллейбусы?! Потому что в них движутся люди, движимые желанием заработать. Потому все и носятся молча... Два пенсионера помчались, цепляясь кошелками, потому что там выставку открыли?.. Потому что там на рубль дешевле. Либо на тот же рубль, но на одну селедку больше, что одно и то же. Потому все и передвигаются, и глазами некоторые очень далеко видят. Производство двигают инженеры, движимые желанием заработать. Земля вращается, потому что мы по ней бегаем, движимые желанием заработать. Дай человеку заработать – он горы свернет. Он на Луну без пальто взлетит. Не успеет надеть. Если дашь хорошо заработать. Не просто заработать, а хорошо заработать. И не спрашивай, где взял ракету, где достал горючее, где нашел карту. Только скажи куда и сколько. И жди! Конечно, идеи, конечно, бензин, пар. Но, простите меня, перестаньте платить...

Первый. Ну?

Второй. И что?

Третий. И все! И все... Все паровозы пар выпускают... Два-три на энтузиазме еще прокачают пару километров – и пшшшш... На ваших глазах будет падать давление. Казалось бы, пар по всем законам должен давить во все стороны одинаково, а он не давит. Кривошипно-шатун-

ный механизм должен преобразовывать поступательное движение во вращательное, а он не преобразует. Лучшая машина чихнет в последний раз – и псссс, пшшш... Элементарная кирка тюкнет в последний раз где-то на Севере и – блям-пам-бам – упала. В двигателях внутреннего сгорания зажигание исчезнет, и не найдешь. А напряжение, вы думаете, будет двести двадцать?... Можете спать в трансформаторной будке. А батареи вы щупали?... А включите репродуктор. Казалось бы, он должен сообщать. А ему и сообщать нечего. А фонари будут гореть?... Хах-ха... Перестаньте платить, и ни одной элементарной частицы не найдете. Не такие уж они элементарные. Вот вам и технический прогресс. Вот вам и идеи. А дай человеку заработать, он идей всяких, мировоззрений, философий напридумывает, как пропеллер вертеться будет! Да, идеи движут миром. Так же, как качество продукции. Но чтобы они появились... Нужно... Или я не прав?

Первый. Идемте в другое место. С ним невозможно дискутировать.

Второй. Да нет. Он просто не от мира сего.

Третий (*жуя*). Может быть, может быть...

Блеск, Паша

Директор. Вы у нас молодой специалист?

Молодой специалист. Да.

Директор. Как дела?

Молодой специалист. Превосходно.

Директор. Как завод?

Молодой специалист. Изуми...

Директор. Новая техника?

Молодой специалист. Потряса...

Директор. Все дело?

Молодой специалист. Великоле... поставлено.

Директор. Во что превращено предприятие?

Молодой специалист. В образец.

(Директор долго смотрит ему в глаза. Молодой специалист смотрит в глаза директору.)

Директор. По специальности пойдете?

Молодой специалист. Нет... Я в многотиражку.

Директор. Прекрасно.

(Появляется начальник снабжения.)

Директор. Как кабель?

Начальник снабжения. Идет. Все прекрасно.

Директор. Когда будет?

Начальник снабжения. Да он уже... Да вот уже... Да это уже... Ну от-то... Ну, он уже... Можете докладывать. Сделано. Проложено. Уже вон оно... Пробьем траншею, грудью проложим его, зубами. Он уже наш. Мы все... Ногами. Не уложим, так затоптаем. Такой сейчас энтузиазм в отделе снабжения. Моего зама двое держат.

(Директор долго смотрит на начальника снабжения. Тот – на директора.)

Директор. Где бухгалтер? Бухгалтера.

(Входит бухгалтер.)

Директор. Как дела?

Бухгалтер. Какие дела? С такими делами... Не могу ни черта понять, кто кем оформлен? Не пойму, я сам кто?

Директор. Вы у нас недавно. Позовите главного бухгалтера.

(Появляется главный бухгалтер.)

Директор. Как бухгалтерия?

Главный бухгалтер. Все в порядке.

Директор. А вот товарищ...

Главный бухгалтер. Он ошибся. Все прекрасно.

Директор. Он говорит: путаница.

Главный бухгалтер. Все четко. Часы. Тик-так. Отлажено. Блеск. Документация. Наряды. Зарплата согласно штатам. Штаты по зарплате. Копеечка в копеечку. Прибыля. Я такого не видел. Шестое предприятие меняю. Впервые...

(Директор берет лицо главного бухгалтера. Долго смотрит в глаза главному бухгалтеру. Тот – директору.)

Главный бухгалтер. Потрясающе...

(Директор смотрит ему в глаза.)

Главный бухгалтер. Блеск... Я тут недавно картотеку перебирал...

(Директор смотрит ему в глаза.)

Главный бухгалтер. Изумительно...

Директор. Все. Тебе верю. Ему нет.

Главный бухгалтер. А как же. Я ему сам не верю... *(Плачет.)*

Директор. Укрепить надо бухгалтерию.

Главный бухгалтер. Укреплю немедленно. Морды поразбиваю. Блеск... Серьезно. Так хорошо еще не было... По-всякому было, но чтоб так хорошо... В первый раз.

Директор. Кликни мне завпроизводством.

(Входит завпроизводством Тихон Павлович.)

Завпроизводством. Пал Сергеич.

(Целуются.)

Директор. Как дела?

Завпроизводством *(смахивает слезу)*. Сами знаете...

Директор. Не понял.

Завпроизводством *(плача)*. Превосходно. Как по маслу. Это поразительно. Как все налажено, прямо сил нет... *(Долго плачет.)* Очень хорошо все продумано, я вам так скажу. Еще проектировщики, когда проектировали наш завод, они, суки, допустили такую продуманность, такую дальновидность. И как эти сволочи продумали все так хорошо? Они еще тогда все предусмотрели... Помните, туалеты, потом... Чтобы расширяться... Новые станки, чтоб не под дождем люди работали. Как они так сумели, подонки. Дождь ведь хлещет, мешает высокую точность давать, на уровне мировых стандартов. А они предусмотрели и место для второй ветки железной дороги, чтоб не только сюда, но и обратно... Как догадались? Непостижимо...

(Директор долго смотрит в глаза завпроизводством. Тот плачет.)

Директор *(тоже всхлипнул)*. Что, действительно все предусмотрели?

Завпроизводством *(всхлипнул)*. Все! Нет детали, которую бы эти псы не предусмотрели. Мы не можем на нее напороться. Я тут с одним из них два дня метался. Ну руки опускаются – все предусмотрено. Плотник наш ходил с топором: за что, говорит, взяться, ума не приложу... Вышел за забор и давай крушить. А вернулся тихий. Все продумано.

Директор. Ну хоть один недостаток есть?

Завпроизводством. У одного водителя характер плохой.

Директор. И все?

Завпроизводством *(твердо)*. Все.

(Директор долго смотрит в глаза завпроизводством. Вдруг оба вспыхивают, начинают неразборчиво кричать: «Тиша!», «Паша!», «Тиша!»)

Директор. А так все о'райт?

Завпроизводством. Что вы, какой о'райт – о'кей!

Директор. Подвиги?

Завпроизводством. Без конца... Раздухарились массы. Главный электрик зубами голые провода держит. Чтоб питание в сборочный цех... Из ОКСа две круглосуточно – кариатидами.

Директор. Что?

Завпроизводством. Крышу сушилки – на себе... Не отходят, кормим их ложкой.

Директор *(всхлип)*. Т-твою... Какие люди.

Завпроизводством. Я говорю, если б не люди... Из цистерны номер пять полилось внезапно, тоненько, но непрерывно.

Директор. Что лилось?

Завпроизводством. А никто не знает. Собирались в конце месяца подойти посмотреть.

Директор. Все. *(Быстро.)* Устранили течь из цистерны номер пять?

Завпроизводством. Потрясающе...

Директор. Чем?

Завпроизводством. Телом, ртом, устами. Прикрыл герой один.

Директор. Кто сотворил? Кто нашел место подвигу?

Завпроизводством. Безымянный. Начальник летней базы – Халимонов. Нашел место и время и совершил.

Директор. Позвать.

Завпроизводством. Не можем. Снова течь откроется.

Директор. Так что там?

Завпроизводством. На вкус, говорит, гадость. Но забирает.

Директор. Отметить премией – сто рублей.

Завпроизводством. Не хватит.

Директор. А сколько нас будет?

Завпроизводством. Человек двенадцать.

Директор. Сто пятьдесят.

Завпроизводством. Естественно...

Директор. Тиша. Ты уже знаешь. Я еду в Америку. Я им расскажу... Ты остаешься.

Завпроизводством. Блеск, Пал Сергеич. Красота. Разрешите продолжать.

(Директор долго смотрит в глаза завпроизводством, тот – директору.)

Директор. Ты пока не увольняйся.

Завпроизводством. Паша, ты только недолго.

Директор. На «Дженерал Моторс» и назад. Они хотят понять, как это у нас все.

Завпроизводством. Блеск, Паша!

Директор. Спасибо, Тиша! Я пошел. А нам их методы помогут.

Завпроизводством. Да нет... Посмотри кино, женщин... Отдохни там...

Директор. Спасибо. Я поехал.

Завпроизводством. А я пошел.

Письма в театр

Для А. Райкина

В наш театр пишут давно. Мы существуем двадцать шесть лет, и двадцать шесть лет пишут. Пишут отовсюду. Пишут разные люди. Много писем в нашем почтовом ящике. Я вам прочту самые интересные с точки зрения нашего сатирического жанра.

Письмо первое

Я вам пишу, потому что плохо слышу. Недавно я имел честь быть на вашем спектакле. К моему глубокому сожалению, я кое-что не расслышал. Например, вы играли одного директора, который развалил два треста и комбинат. Его разоблачили, в газете о нем писали, и его уволили с большим скандалом. Он оказался негодяем. Так он что, нигде не работает? Я плохо слышу!

Ваш театр существует двадцать шесть лет, это я слышал. Вы все эти годы боролись с бюрократами, так что, их уже нет или они еще есть? Говорят, что действительно кто-то после вашего спектакля не выдержал – и уволился? А? Я плохо слышу. Или это врут?

Против чего еще вы боролись эти двадцать шесть лет, я не понял? Вы еще боретесь или уже перестали? Я помню, еще в 1930 году вы сказали, что нет ваты в аптеках. Так вы что, уже перестали говорить о вате или в аптеках появилась вата?

У меня слуховой аппарат, встроенный в очки. И когда я забываю очки, я плохо слышу и ничего не вижу. Объясните мне, что вы имели в виду.

Ваш зритель, он же ваш слушатель.

Письмо второе

Дорогие товарищи!

В первых строках моего письма разрешите пожелать вам доброго здоровья, долгих, долгих лет жизни. Прежде всего разрешите мне описать вам, кто я такой. Досрочно уволенный в запас старшина Макаров Василий Васильевич, будучи привыкшим к армейской дисциплине и уставам пехотно-полевой и артиллерийской служб, я в личной жизни руководствовался указаниями нашей печати. Согласно указаниям нашей печати читал медицинские журналы и справочники. С целью сохранения здоровья и долгих лет жизни я три года согласно указаниям медицинских журналов не ел яиц и масла. Потом оказалось, что это ошибка, не нужно есть мяса. С целью сохранения здоровья и долгих лет жизни я два года не ел мяса, но оказалось, что это ошибка, нужно есть меньше хлеба и больше двигаться. Я перестал есть хлеб и больше двигался.

Пишу из больницы. Я и мои товарищи лежачие просим вас исполнить чего-нибудь веселого по заявкам жертв печати.

Желаем вам крепкого здоровья и долгих лет жизни.

С молодежным приветом группа дистрофиков.

Письмо третье

Глубокоуважаемый, не помню, как вас.

Почему вы ничего не говорите о футболе? А в этом году это самый важный вопрос. Мне семьдесят два года. Я часто выступаю перед молодежью с воспоминаниями «Как это было?». Мне есть что вспомнить. Я играл на заре. Тогда футбол только зарождался, и мы, старые футболисты, зарождали его.

Помню грозные годы двадцатые или десятые. Помню, мы выбегаем на такое огромное поле, посреди трава, вокруг люди, не знаю, как сейчас, раньше это называли стадион. Помню, сзади наши ворота. Впереди, помню, тоже ворота, чьи – не помню. Турки, помню, в трусах, мы в чем – не помню. И тут свистнул тот тип, не знаю, как сейчас, раньше его судьей называли. Помню, мы побежали, не помню куда. Прибегаем – никого. Поворачиваем обратно. Бежим. Стадион ревет. Прибегаем – никого. Помню, победили, не помню кого. Да. Главным для теперешней молодежи должны стать воспоминания старых футболистов. Нам же есть что вспомнить.

Или, помню, играли с англичанами. Время грозное, 30-е или 15-е годы. Ажиотаж! Стадион ревет! Шведов тучи! Они, как сейчас помню, в клетку, мы в линейку. Выбегаю в центр. Слева от меня, помню, левые, справа, помню, прав... нет, не скажу, боюсь ошибиться. Опять этот тип свистнул. Народ, помню, закричал. Почему же они закричали? Не помню. Помню, все на меня пошли. Я поворачиваюсь и – с моста головой. Потом – на лошадь и огородами, огородами ушел к Котовскому. А, это я уже о другом. А я о чем говорил? О футболе? Почему я говорил о футболе? Нет, почему я вообще заговорил о футболе?.. Чемпионат? Где?.. В Лондоне? Когда?.. Летом? А я как здесь оказался? Ну? А что у меня было в руках?.. А куда я иду, я не писал? Помню, я спешил, не помню куда. На вокзал? Вспомнил! Бегу! Подождите, а на какой вокзал, я не говорил? А о чем я говорил?.. О футболе. Почему?.. Чемпионат? Где?.. В Лондоне... Это интересно. Вы знаете, я сам играл в футбол. Вы бы меня спросили... Слава богу, память у меня хорошая, светлая память.

Ну, до свиданья, доченька.

У Ромочки была сыпь, но все прошло.

Целую, дедушка.

Монолог искреннего человека

Из спектакля Московского театра миниатюр «Когда мы отдыхали...»

Разве тунеядец тот, кто нигде не числится и ничего не получает? Это безвредный человек. Тунеядец тот, что числится, получает сто пятьдесят рублей и нигде не работает...

Хочешь у нас работать – великолепная работа, ничего не надо делать, народу набегает. А здесь, мои милые, работать надо, и все увольняются. Все спрашивают: как твои дела? Это значит, как квартира, мебель, прописка... Никто не спрашивает, что ты делаешь на работе. Если у человека настоящая работа – жизнь идет от машины к машине, от книги к книге... А сколько лет прошло между ними, не все ли равно. Но так хуже: так жизнь идет быстро... А у нас, в конторе, она тянется хорошо, медленно.

Зубами бы стрелки переводил, чтоб день кончился, а он не кончается, не кончается. И до отпуска время тянется, тянется. И до пенсии тянется, тянется!

Человек летит на работу, убивается в трамвае, кубарем катится по лестнице... Прибегает. Зевает четыре часа. Вылетает в обед. Убивается в трамвае. За полчаса обегает столовую и магазин. Прибегает – зевает четыре часа...

Главное – числиться! Как, ты нигде не числишься? Бегом в архив, в управление, в снабжение. Зачислился – и все. Сиди. И тысяча человек сидит и смотрит на бумагу. А один работает. А если оставить одного, куда тысяча пойдет? А безработицы быть не должно... Так, может быть, их хотя бы испугать?.. Мол, если они будут валять дурака, их, мол, выбросят на улицу... На самом деле не выбрасывать, но хоть напугать... а?

Спрос – сбыт

Я люблю заснуть и проснуться среди запасов. Весь в продуктах. Хоть какое-то спокойствие на какое-то время.

А кто знал, что уксус будет, а исчезнет горчица? Ну кто? Есть у нас в доме хиромантка, так она все о любви, а когда просишь раскинуть насчет продуктов, неверные сведения дает.

Мы в одном месте ажиотаж взвинтили, касторки набрали и валидола. А он есть и есть. А, наоборот, исчезли от головной боли тройчатки-пятерчатки и вот эти... противники детей из аптек исчезли.

Только я набрал слабительного, как исчезла туалетная бумага. Ну, без нее можно обойтись. Я как запорного принял, так в прекрасном настроении нахожусь. Вторую неделю. Только салфеткой рот оботрешь.

Правда, сами салфетки... Ну скажи! Ну кто ожидал... Стали культурно так рты обтирать, носы промакивать и втянулись. А я так скажу: все начали рты обтирать, а на всех рассчитано не было, только на тонкий слой интеллигенции. Или пятерчатка. У всех сразу как схватила голова, видимо, все об одном и том подумали. Или на горчицу налетели... Видимо, что-то сладкое съели.

Но тяжелое это дело, в жизни не догадаешься, что завтра пропадет. Потому что, если бы догадывались, что завтра пропадет, все б сегодня бросились и сегодня бы пропало. А так никто не ожидает, все спокойно прохаживаются...

И вдруг кто-то первый вскочил, выскочил, и все забежали-забежали, родных задержали... А этого уже нет ни в Москве, ни в Воронеже, ибо здесь очень важна одновременность, чтоб не создавать очередей. Во всех городах сразу нет, и всюду – тишина. Я удивляюсь людям. Ходят, щупают кастрюли и не берут.

Утюги стоят – бери, один есть, второй бери. Второй есть – третий бери. У меня в доме все по два, по четыре... Дверь нельзя открыть, кастрюли на голову падают, мука сыплется, постное масло из постели вытекает, зато месяц могу автономно сидеть, как в подводной лодке, без выхода на поверхность.

Все знаю. Изучение покупательского спроса?! Да как можно изучить спрос, если спрос сам мечется как угорелый, изучает сбыт. Потому что сбыт о завтрашнем дне не думает, а спрос у себя в квартире аж бледный сидит.

Каждый день...

Каждый день...

А вообще у нас есть все, но не везде...

Не всегда...

И в недостаточном количестве.

Скажи им, что ты Витя

– Если спросят, как зовут, скажешь: Витя. Фамилия? Скажешь: Ильченко. Где живешь? Говори в гостинице «Киевской», в № 515. А кто это с вами маленький? Ну, говори, скажем, Кац. А чьи это вещи слева? Говори: мои. А это чьи вещи справа? Говори: его. А как вы попали на пятый этаж? Скажи: лифтом. А ключ? Скажи: попросил у администратора, и мне дали. Все запомнил?

– Все!.. Только непонятно зачем. Я же действительно Витя, моя фамилия Ильченко. Живу с Кацем на пятом этаже...

– А это чьи вещи?

– Мои.

– А эти?

– Его.

– Умница. Так и отвечай, если спросят.

– Зачем же так отвечать. Это действительно мои вещи.

– А эти?

– Его.

– Запомнил?

– Чего тут запоминать? Это действительно его вещи.

– Правильно.

– А фамилия его как?

– Кац.

– Умница. А твоя?

– Ильченко.

– Не собьешься?

– Как же я собьюсь! Я же действительно Ильченко!

– А он?

– Кац.

– Видишь, как ты быстро запомнил.

– А чего тут запоминать, я от рождения Ильченко, а он – Кац.

– Браво! Но когда будут спрашивать, не перепутай.

– Зачем мне путать. Он Кац, я Ильченко, то есть наоборот. Нет, правильно. Я – Ильченко, он – Кац.

– Вот теперь правильно. И не дай бог!

– А почему не сказать правду?

– Какую? Что ты Ильченко, а он Кац. Кто поверит? В общем, говори, что ты Ильченко, а он Кац. Эти вещи твои, те вещи его, понял? Если спросят.

– Я, конечно, могу, но лучше говорить правду.

– Говори так, как я сказал, понял?

– Понял.

– Давай повторим...

– Я Ильченко, а тот маленький – Кац. Так?

– Так.

– Эти вещи мои...

– Какие?

– Вот эти.

– Да – эти твои.

– А те его?

- Точно!
 - Значит, я взял ключ у администратора. Так?
 - Так.
 - Пошел наверх.
 - Поехал.
 - Поехал наверх... На какой этаж?
 - На пятый.
 - На пятый, на пятый, на пятый... Открыл дверь этим ключом и вошел...
 - Номер комнаты?
 - 515, 515, 515, 515, 515!
 - И лег на какую кровать?
 - На левую, на левую, на левую!
 - Все! Вот это вызубри наизусть.
 - Хорошо. Значит, я Ильченко. Я Ильченко...
 - А вот и Кац... Ты слышал, о чем мы с ним говорили?
 - Да.
 - Скажешь, что ты Кац, если спросят.
 - Ни за что! Плевал я.
 - Ты хочешь все угробить?
 - Не хочу я. Почему я должен прикидываться. Я действительно Кац, и я не желаю...
 - Ну действительно, действительно. Скажешь, что ты Кац, эти вещи твои, и все!
 - Не хочу я.
 - Ты все сорвешь!
 - Ну и пусть. Я буду говорить правду.
 - Идиот. Ты его заложишь. Меня – ладно. Его за что. Ильченко в чем виноват?
 - Слушай, ты хочешь меня заложить?
 - Ой, отстаньте от меня! Не хочу участвовать в ваших авантюрах.
 - Вот собака. Все угробит. Посадит всех.
 - Слушай, если ты не скажешь, что ты Кац, я за себя не ручаюсь, хоть мы друзья, но в тюрьму из-за тебя я садиться не хочу. Ясно?
 - Все равно сядете. С вашими авантюрами. Жулики! Жулики! Нина Ивановна – а – а!
- (Ему затыкают рот.)*
- Тихо, сволочь, убью! Все! Ты сам скажешь, что он Кац. Ничего. С кляпом во рту, но на свободе!

Я жду

Я жду... Каждый день на этом месте я жду. Время в ожидании тянется медленно. Жизнь в ожидании проходит быстро. И тем не менее я жду, жду, жду...

Я часто стоял в очередях. Я смотрел на лица, на которых отражалось только ожидание. Я видел тоскливое, бессмысленное стояние. Я физически чувствовал, как из моего тела уходят минуты и часы. Мне шестьдесят лет. Из них три года я провел в очередях. Я иногда болел. Иногда жаловался. Меня иногда вызывали. Мне назначали прием на двенадцать часов. Ни разу. Ни разу за мои шестьдесят лет меня не приняли ровно в двенадцать. Кому-то нужно было мое время. Полчаса, час, два моей жизни, и я отдавал.

Мне шестьдесят лет. Из них на ожидание в приемных ушло два года. Два с половиной года я провел в столовых в ожидании блюд. Два года – в ожидании расчета. Год ждал в парикмахерской. Два года искал такси. Три года валялся на чемоданах в вестибюле гостиницы и смотрел собачьими глазами на администратора. Всем нужно мое время. У меня его мало. Но если нужно...

Мне шестьдесят лет. В ожидании я провел пятнадцать. Двадцать лет я спал. Осталось двадцать пять. Из них семнадцать – на счастливое детство. И только восемь я занимался своим делом.

Мало. Я бы мог сделать больше. Зато я научился ждать.

Ждать упорно и терпеливо.

Ждать, не теряя надежды.

Ждать, сидя на стуле и покачиваясь.

Ждать, стоя и переминаясь.

Ждать, прислонясь к стене.

Ждать в кресле, пока оно поговорит по телефону.

Ждать и ни о чем не думать.

И только сейчас, когда мне шестьдесят, я думаю: не слишком ли долго я ждал? Но прочь эти мысли, подождем автобуса.

Она

Она крадется и подкрадывается со всех сторон. Она так может подкрадываться – не сразу, а постепенно. Окружить и ждать. И мы чувствуем, что окружены.

Мы пьем, едим и поем в ее окружении. Играем под ее надзором. Свое присутствие она выдает ойканьем кого-нибудь из нас. Это на слух. Для глаз – седым волоском. Вопросительностью старости перед восклицательной молодостью. Ну что вы? Разве незаметно? Она заметна здесь... А седой волос? А молодая душа, обнаруженная вдруг в старом теле? А дети наши? Она в наших детях. Она постоянна. Мы вертимся. Мы лежим, спим, встаем, работаем... Мы ищем удовольствия. Она с нами. Улыбается и желает успеха. Она, если захочет, может это удовольствие обострить до наслаждения, до экстаза.

«Такое бывает только раз», – хрипим мы... Это она.

Когда мы говорим «никогда» и «всегда» – она в этих трех буквах «гда»...

ГДА! – И она проступит в близком лице, которому всего...

ГДА! – И она обостряет твои черты внезапно ночью.

ГДА! – Пощипывает твою косточку. Твою желёзку щекочет. Требует острить быстро, здорово, как никоГДА.

ГДА! – Юмор, освещенный ею, навсеГДА.

ГДА! – Она не любит печали. Печаль, рожденная ею, банальна, и она ее быстро прогоняет. Смех ее вечен, морщины боли она покрывает и разглаживает своей рукой... Великая. С ней пишется навсеГДА.

ГДА! – Стоит в отдалении и улыбается, а потом подходит ближе... А потом идет рядом... А потом положит руку на плечо, подымет высоко, до себя – и даст взглянуть...

И ты бросишь стол, дела, людей...

– Иду к тебе...

И улыбнешься неугасимо!

Белый свет

До чего мне хорошо в Ульянке. Стремлюсь куда-то и все время остаюсь. Одиноко. И прозрачно. Какая-то тишина. Какой-то чистый, ясный белый свет.

Хорошо на белом свете. На юге синий, голубой, черно-бархатный... Совершенно беззвучно проезжают троллейбусы. Безмолвные, неподвижные дома. Здесь они действительно неподвижные.

Солнце не греет и не светит, а освещает. Четко-четко. +5 °С... Апрель. И не сумерки, а ясный, светлый вечер. Ни одного телефонного звонка. Обманами, скандалами, холодностью добился своего – сообщения перестали поступать.

А этот холодный белый свет входит в душу.

Один-один средь бела света с белым светом, что придерживаешь губами и веками и выпускаешь из себя только на бумагу, чтобы сохранился подольше.

Целую.

В греческом зале

Для А. Райкина

Дали этим женщинам два выходных, так они прямо с ума посходили. Убивают время как попало. Вместо того чтобы отдохнуть... В прошлое воскресенье потянула она меня на выставку. Вернисаж какой-то... Я думал – музей как музей. А это не музей, а хуже забегаловки: горячего нет, один сыр и кофе. В Третьяковке хоть солянка была, а на вернисаже одна минеральная. Нет, думаю, тут не отдохнешь...

А воскресенье проходит.

Пока экскурсия тарашилась на статую, я выскочил, прихватил на углу. Только разложился, газетку постелил, вахтерша прицепилась:

– В Греческом зале, в Греческом зале, как вам не стыдно!

Аж пенсне раскалилось. Я ей так тихо возражаю:

– Чего орешь, ты,мышь белая?.. Ты здесь каждый день дурака валяешь. А мне завтра на работу. стакан бы лучше вынесла... Видишь, человек из горлышка булькает?!

...Что селедку?.. Кто селедку?.. Какую селедку?.. Ну, селедку развернул у него на плече... А что ему сделается? Двести лет стоял, еще простоит, а у меня выходной кончается, поймешь ты, коза старая?!

...Кто Аполлон?.. Я – Аполлон? Он – Аполлон? Ну и нехай себе Аполлон... Повесил я ему авоську на руку, а куда вешать, на шею?!

От народ!.. Никакой культуры. Еле от нее отбилсь. Хорошо еще, ребята поддержали... А на часах уже три! А я еще с продуктами и ни в одном глазу. А уже три на часах.

Стал искать, чем консервы открыть. Бычки в томате прихватил. От умора! От смех! Музей, музей – нечем банку открыть! Хоть убейся. Куда я только не лазил. Приспособился под конем... Железку какую-то оторвал, только ударил, как заверещит, у меня даже банка выпала. Вахтерша с указкой! Ну?! Я ей из-под коня так тихо замечаю:

– Чего ты дребезжишь?! Что я, тебя трогаю или кусаю кого?! Ты себе, я себе, они себе...

Хорошо, ребята меня поддержали, вроде все уладилось... Так штопора нет! Вот музей...

Тут я ей совсем тихо, ну тихо совсем:

– Слышь, штопор есть?

– Это итальянская живопись семнадцатого века!

– Ты не поняла, – говорю, – я тебя не спрашиваю, где брала живопись, я спрашиваю: штопор есть?

– Вы понимаете, что вы говорите, здесь вокруг живопись!

– Понимаю, а ты без штопора можешь открыть? Я же об пол буду стучать, мешать. А вокруг живопись...

Намучился! Оторвал от этого же коня еще одну железяку, пропихнул внутрь, но настроение уже не то... В какой-то гробнице в одиночку раздавил кагор в крошечной тьме, в антисанитарных условиях... Бычки, конечно, руками хватал... Хорошо, грузин стоял на камне, я у него кинжал вытащил, колбасу хоть порубил на куски.

Когда я из гробницы вылез, еще мог экскурсию продолжать, хоть в паутине и в бычках... Но они исчезли. Так что воспринимал в одиночку... Поковырял того грузина – мура, опилки, дуряг людей.

А тот железный, что на лошади сидел, – тот ничего, крепкий... Меч я у него из кулака вырвал, а щит рвал, рвал, не идет – неплохое качество!

Ну а в целом потерял выходной, угробил. Хорошо еще вечером, в скверике, врезали «Зверобой» и закусили с колен... Хоть как-то отдохнули.

Теперь, говорят, в Большом театре «Столичная» появилась, только билет на «Чародейку» надо брать. Почем же у них сто грамм получается?

Дефицит

Для А. Райкина

Послушай меня, дорогой! Что я тебе скажу. Все идет к тому, что всюду все будет, изобилие будет! Но хорошо ли это будет? Подожди, не торопись, ты молодой, горячий, кровь играет. Я сам был огонь, сейчас потух немного, хотя дым еще идет иногда... С изобилием не надо торопиться! Почему?..

Ты идешь по улице, встречаешь меня.

– Здравствуй, дорогой! Заходи ко мне вечером.

– Зачем?

– Заходи, увидишь.

Я прихожу к тебе, ты через завсклада, через директора магазина, через товароведа достал дефицит! Слушай, ни у кого нет – у тебя есть! Я попробовал – во рту тает! Вкус специфический! Я тебя уважаю.

На другой день я иду по улице, встречаю тебя.

– Здравствуй, дорогой! Заходи ко мне вечером.

– Зачем?

– Заходи – увидишь!

Ты приходишь ко мне, я через завсклада, через директора магазина, через товароведа, через заднее крыльцо достал дефицит! Слушай, ни у кого нет – у меня есть! Ты попробовал – речи лишился! Вкус специфический! Ты меня уважаешь. Я тебя уважаю. Мы с тобой уважаемые люди.

В театре просмотр, премьера идет. Кто в первом ряду сидит? Уважаемые люди сидят: завсклад сидит, директор магазина сидит, сзади товаровед сидит. Все городское начальство завсклада любит, завсклада ценит. За что? Завсклад на дефиците сидит! Дефицит – великий двигатель общественных специфических отношений.

Представь себе, исчез дефицит. Я пошел в магазин, ты пошел в магазин, мы его не любим – он тоже пошел в магазин.

– Туфли есть?

– Есть!

– Черные есть?

– Есть!

– Лакированные есть?

– Есть!

– Черный верх, белый низ есть?

– Есть!

– Белый верх, черный низ есть?

– Есть!

– Сорок второй, самый ходовой, есть?

– Есть.

– Слушай, никогда не было. Сейчас есть. Дамские лакированные, бордо с пряжкой, с пуговицей есть?

– Есть!

Ты купил, я купил, мы его не любим – он тоже купил. Все купили.

Все ходим скучные, бледные, зеваем.

Завсклад идет – мы его не замечаем. Директор магазина – мы на него плюем! Товаровед обувного отдела – как простой инженер! Это хорошо? Это противно! Пусть будет изобилие, пусть будет все! Но пусть чего-то не хватает!

Дай ручку, внучек!

Для А. Райкина

Юзик, Юзик, дедушка не может быстро, дедушка устал. У дедушки ноги старенькие. Давай посидим. Ты же хороший мальчик. Сядь, Юзенька, сядь, дорогой. Я сказал: сядь! Я стенке сказал или кому я сказал?! Или стенке, или кому?! Дедуля что сказал?.. Что надо дедуле сказать?.. А, бандит, чтоб ты был здоров, арестант. Если бы у меня было такое детство! Ну-ну...

Наша мама всегда стирала, а мы всегда ходили грязные... И какой гвалт... Пятеро хотят писать, один хочет селедку. Какие книжки, какие тетрадки?.. Я еще получил очень удачное образование, я чинил примуса. Ты слышишь, Юзик, головки, пистоны, насосы, я знаю, главное – это керосин, чтоб он горел... Моя вся жена пропахла керосином. Нас нельзя было позвать в гости: они от нас имели аромат... Собаки падали в обморок. Ты не знаешь, что такое примус. Вся Одесса качала по утрам и вечерам, и ревела, и взрывалась.

Я тоже был отчаянным, я имел троих, и они выросли. Старший стал военным, утонул в Керченском проливе в первые дни войны. Младший окончил политехнический, уехал в Новосибирск, твоя тетя закончила консерваторию, сидит в Москве... Все разъехались, все ищут счастья. Только мы остались на месте... Ты знаешь, Юзик, я так смотрю и думаю: что я такого сделал особенного?.. Так я тебе скажу что. Ничего... Все вложил в детей. Стакан молока – дети. Кусочек яблочка – дети. Ложка сахара – дети. Твой папа был слабый мальчик, ему нужны были витамины. А твоей тете нужен был приличный инструмент – она в консерватории. Так всю жизнь. Вы маленькие – мы переживаем, что вы болеете. Вы старше – мы переживаем, что вы плохо кушаете. Потом вы устраиваете нам попадание в институт – мы ночи не спим. Потом вы женитесь – с нами такое творится, моим врагам...

Что надо сказать дяде? Ну!.. Здра... Ну!.. Здра... Ох, я ему напомню, так он всю жизнь будет помнить. Ну!.. Здра... Такой буц здоровый, четыре года скоро.

Отдай девочке мячик. Отдай, солнышко. Ухаживай за ними. Все равно они отдают нам больше, если они хорошие. Все равно они отдают нам все, если они золотые. Твоя бабушка была и ударник, и застрельщик, и я знаю кто?.. А дети на ней, весь дом на ней. Я ей говорю: «Соня, перестань уже... Перестань! Дети все устроены, мы на пенсии. Перестань, Соня, поспи до восьми. Поедем к детям. Дети за нами будут ухаживать».

И мы сели на колеса и поехали в Новосибирск, где твой папа кандидат, а мама аспирант. Все математики, все в очках, а кто будет варить обед?.. И я вижу, моя Соня стирает, а я выкручиваю. Она моет полы, я стою в очередях.

Кое-как поставили этих кандидатов на ноги. Поехали к дочке. Уже Москва, уже скрипачка, уже все удобства. И что я вижу?.. Соня стирает, я выкручиваю. Соня варит, я стою в очередях.

Поставили на ноги скрипачей, сняли у них с шеи детей, вернулись домой. Дома отдохнем. Летом у моря. Мы на пенсии. Дети съедутся, будут ухаживать. Съехались дети... Что я вижу, Юзик?.. Соня стирает, я выкручиваю. Она варит, я тяну с базара кошелки – лошади оборачиваются. Дети должны отдохнуть. У детей один только месяц. Так мы не пойдем на море. Я не помню, когда я был на пляже. Лет десять назад. Случайно. Неважно. Мы отпляжили свое.

Что нам надо, Юзик?.. Чтоб у детей наших было немножко больше счастья, чем у нас. Чтоб ты уже попал в институт и удачно женился: есть такие жены – моим врагам, ты же знаешь. И чтобы у тебя были хорошие дети, и чтобы они попали в институт и удачно женились, и чтобы у них были свои дети, тоже хорошие и тоже способные. А мы будем ездить и не будем говорить о болячках. Потому что у кого их нет, и еще не хватает об этом говорить.

И будем смотреть на наших внуков, и радоваться, и потихоньку уходить... А все это называется очень просто – хорошая старость.

Правда, Юзик?.. Ты же все понимаешь. Ну, дай ручку дедушке, дай, золотко. Мы уже идем. Бабушка нас ждет. Дай ручку. Чтоб ты не знал, что я видел... Чтоб ты был здоров! Юзик, дедушка не может быстро, не забывай...

О воспитании

Для А. Райкина

Нет, нет, нет! Кто что ни говори, а прежнее воспитание не то что нынешнее... Все эти бонны, гувернантки, пансионеры – они свое дело делали. Я и сына воспитывал в таком же духе: «Саша, мальчик мой, не забывай правила доброго тона, не бойся лишней раз сказать спасибо своему начальству. Уступи дорогу... кому следует, открой двери... нужному человеку. Делай людям добро, и люди для тебя кое-что сделают. Будь благодарным, Саша. Мария Васильевна столько лет тебя обучала, привези ей подарок. У тебя экзамены на носу: «Примите, многоуважаемая Мария Васильевна, папа передает вам привет!»

Ну что мне делать с сыном? Я помню, в наше время во время экзаменов мы списывали друг у друга... Вы же помните, мы же все списывали! Нет, мой сын сидит, морщит лоб, он что-то сочиняет. Один. Я ему шепчу: «Саша, я договорился, учитель отвернется. Саша, не теряй времени, не волнуй папу!» Он мне ответил: «Не жестикулируй за стеклом, не мешай мне думать!» Сейчас он додумался, его посылают в такую глушь – один медведь на сто квадратных километров. Я ему шепчу: «Саша, подожди! Саша, не подписывай! Не торопись. Я еду в институт. Подожди, Саша, не торопись!»

Я примчался – он уже подписал! Когда я узнал, что его посылают в колхоз «Рассвет», – у меня стало темно в глазах! Сейчас он мерзнет в своем «Рассвете». Им забыли дрова выделить... Я помню, в наше время мы воровали уголь на железной дороге, вы же помните, мы все воровали! Мы крали в лесу дрова. Мы же крали, вы же помните. Я ему говорю: «Саша, воруй и ты, Саша, кради, иначе замерзнешь!» Он мерзнет, он принципиальный! Откуда в наших детях такое, чего нам не понять? Неужели мы так постарели?

Нет, кто что ни говори, а прежнее воспитание...

Гувернеры... Гувернантки...

Копаться в мусоре не стыдно, мальчик. Стыдно быть от этого счастливым.

Лучшее средство против неразделенной любви – неизлечимый понос.

– Как проехать к центру?
– Очень просто.
И ушел.

Я понимаю, как трудно составлять пятилетние планы, добиваться их выполнения. Но почему они так быстро летят?!

И еще я думаю: почему с переездом в другой город у тебя не появляются друзья? Вот и сорок. Вот и сорок восемь. И люди вокруг, и есть умнее тех, прежних, и уж куда образованней. Что ж там такое в том далеком детстве? Почему ты с ними можешь молчать?! Почему тебе не нужно платить ему вниманием, талантом, услугой? Мы же тогда их не выбирали.

Видимо, все надо захватить с собой смолodu. Потом раздавать, а приобретать поздно.

Я придумал телефон, который не пропускает скверные новости. Он молчит уже две недели... Ага, вот и звонок: что вы говорите, куда вы меня приглашаете? Черт! Опять надо настраивать. Он не понял, какое это приглашение, вот ужас.

Сколько нужно при капитализме денег, столько при социализме – знакомых.

Когда наутро я открыл дверь из моей комнаты на балкон, два голубя сдохли. Хотя я им кричал: «Отойдите!»

А вы пробовали принять слабительное одновременно со снотворным? Очень интересный эффект.

Жизнь человека – миг, но сколько неприятностей.

Для вас, женщины

Для А. Райкина

Я не знаю, как для вас, но для меня Восьмое марта второй день рождения. Я холостяк. Не старый. Мне восемнадцать до семнадцатого года плюс пятьдесят один минус подоходные плюс бездетность. Я по профессии бухгалтер. Итого мне... шестьдесят девять с копейками.

Все друзья хотят меня женить, потому что люди не выносят, когда кому-нибудь хорошо. Но я не спешу. Шестьдесят девять – время еще есть. С моим возрастом, о котором я сказал выше, с моими данными, о которых я скажу ниже, я мог бы женить на себе весь балет Большого театра, но я не тороплюсь.

Мне говорят:

– Слушай, Сигизмунд, для тебя есть девушка в Ташкенте, стройная, как козочка, ароматная, как персик.

– В Ташкенте. Улица Навои, шестьдесят пять, вход со двора, налево, отдельная квартира с отцом?

– Да.

– С черными глазами, заикается?

– Да.

– Тетя болела желтухой в тридцать шестом году?

– Да.

– Хорошая девушка, но зачем привязывать себя к одному месту?

Я всю жизнь менял адреса и места работы, менял, когда мне не нравился пейзаж за окном или голоса сотрудников. Зачем же мне затихать вдали? И я сказал себе: «Сигизмунд, тебе рано отдавать, ты еще не все взял от жизни».

И я сбежал к одной врачихе. Доцент. Вот такая толстая диссертация, и тема очень интересная – что-то там в носу.

Такая умная женщина. Бывало, по радио: «Буря мглою небо кроет...»

– Откуда это, Сигизмунд?

Я только открывал рот и напрягал память, как она говорила:

– Ты прав – это Пушкин.

С ней я пошел дальше всех, с ней я дошел до загса. У меня уже был букет, мы с ее мамой перешли на «ты», а папа подарил мне белые тапочки. И тут я сказал себе: «Стой, Сигизмунд. Она чудная женщина со всеми удобствами, с горячей водой, в прекрасном районе, но умна угнетающе». С таким же успехом можно жить в библиотеке или спать в машиносчетной станции.

И я бежал к третьей. Та ничего не соображала, и я почувствовал себя человеком. Я сверкал остроумием, я пел и решал кроссворды. А она сидела, раскрыв рот. Когда человек, раскрыв рот, смотрит на вас целый день, это приятно. Но через месяц это начинает раздражать. Я ей говорю: «Закрой рот, я уже все сказал». И хотя был ужин, и нас поздравляли, и ее папа подарил мне белые носки, я сказал себе: «Стоп, Сигизмунд, шутки шутками, но могут быть и дети». И я бежал домой... где из живых людей меня ждет только зеркало.

Но сегодня, женщины, у нас с вами большой день... Я чувствую, что я созрел. Сегодня я выгляжу как никогда. У меня еще стройная фигурка, блестящая в некоторых местах голова, слегка подкашивающиеся ноги, небольшое пришепетывание при разговоре, посвистывание при дыхании и поскрипывание при ходьбе. Но если меня в тихом месте прислонить к теплой стенке, со мной еще очень, очень можно поговорить! О Восьмом марта, о весне, о вас, женщины...

Готовьтесь, птички! Я еду к вам на трамвае!

Сосредоточенные размышления

Для А. Райкина

Зарядку себе придумали, лишь бы не работать! Лишь бы дурака валять! Здоровый бугай поднимает гири впустую – воздух перемешивает. Пускай камни таскает или вагонетки с углем. И платить ему не надо: он же за гири денег не берет!

Если весь народ по утрам вместо гирь будет яму копать, знаете, какая колоссальная экономия будет?! А если другие туда воды накачают и гусей пустят... На каждого получится по два гуся.

Я ж не один день думал!

А этот футбол – двадцать два бугая мяч перекатывают. А если им вместо мяча дать каток, они ж за полтора часа все поле заасфальтируют. А зрители еще по рублю дадут. Бешеные деньги пойдут.

А марафонца видали? Страус. Сорок километров дает бегом. Его кто-нибудь использует? Он же бежит пустой! А если он почту захватит или мешок крупы в область? У нас же составы освободятся. Я уже не говорю про штангистов. Человек полтонны железа поднимает и обратно кладет. Так дайте ему груз, чтоб он его наверх подавал. Бочки с селедкой, раствор, ящики с кирпичом пусть выталкивает. И рекорды ставь: ты – две бочки, я – четыре, чемпион мира – шесть!

Кто у нас остается? Артисты, художники, ревматики, склеротики и прочий боевой отряд физически недоразвитых людей. Их надо использовать на тонких работах. Вот балерина – крутится. Крутится, крутится, аж в глазах рябит. Прицепить ее к динамо – пусть ток дает в недоразвитые районы. А ты, иллюзионист, у тебя из пустого ведра курица вылетает. Иди, обеспечивай народ курами. Ведра у всех есть, куры не у всех. Тебе каждый спасибо скажет, если честно будешь работать. А писатель пишет. Ходит туда-сюда, обдумывает. Что он там напишет, никому не известно, а пока ходит – прицепить к нему рычаг, пускай воду качает. Хоть какая польза будет...

Вот так каждого использовать. Такое будет! Такое состояние благо. Такой прогресс. Такой урожай. Вместо голубей этих дурных на крышах индюки будут сидеть, и тогда сразу вперед скакнем. Я ж не один день думал, что я, дурак?!

Два дурака

Для А. Райкина

Я за углом в тресте работаю, говорят, у нас начальник – того... Не очень соображает... Но вы мне объясните: он что, вообще не соображает или он на своем месте не соображает... Возьмем нашего... У него диплом, он инженер. Сейчас все с дипломами. Он заочно инженером стал... Сейчас все заочно инженерами становятся. Правда, курсовой ему весь техотдел считал, а дипломный все конструкторское бюро чертило в рабочее время, но он все равно инженер. Но он не дурак.

Он ходит на работу с мешочком, гуано собирает голубиное... Это очень хорошо для виноградушка... У вас нет виноградушка, а у него есть виноградушек... Он его заборчиком, штакетником огородил, досточками, и все вручную, все сам. А коза у него – Брижит Бардо, ни единой блохи – сам купает, все сам! Кабанчик для него как сын... Для навоза бетонированный вывод вывел сам, все сам... И не потому, что все себе, себе... На работе увидел: два маляра сидят на ставке, ворота коверкают. Он тех маляров прогнал, сам встал и ворота покрасил, и чтобы вы думали – третий год стоят как куколки... Вот он у нас какой! Так чего же люди к нему с чертежами лезут... Он же дворник в душе. И какой – первоклассный. Дворник-педагог. Вы только объясните ему, что это тоже ответственная работа... А как же.

Во-первых, лед сколоть уметь надо?.. Надо!.. А там горку залить, чтобы пионерчикам было легко скользить, а пенсионерчикам, наоборот, песочку подсыпать... А если у ворот стоять... Ведь можно по-разному стоять... Можно и так стоять, а можно и так. А наш бы так стоял... из-за границы приезжали бы смотреть. Фигура у нашего как раз представительная. Красивый мужчина – невозможно... А голос... Вот жилец идет:

– Здравствуйте, Харитон Иванович!

– Здравствуйте, Петр Сергеевич!

– С праздничком вас, Харитон Иванович!

– И вас также, Петр Сергеевич!

А вот профессор идет, уже не жилец, в другой дом переехал. Ну все равно:

– Мое почтение, Харитон Иванович!

– Наше вам, Григорий Владимович!

А тут вертихвостка, уличная продавщица, Машка:

– Здравствуйте, дядя Харитон. С праздником вас, дядя Харитон.

Ну с ней можно попроще:

– И тебя же!

Вот какая у него могла бы быть работа... По призванию! А он сидит в кабинете, смотрит на других и тоже за стул держится.

А тут же в управлении интеллигент на побегушках гроыхает. Дохлый такой червь... Мозгами как раз хорошо шевелит, но руками никак не может... Уж до чего беспомощный... шланг не может удержать... Послали лед скалывать, так он сначала тупкой себе ноги переломал, а потом его послали пьяного скручивать – зрелище было: «Голубой огонек». Где шляпа, где очки?.. Того интеллигента червивого по частям и вынесли, а наш директор этого пьяного одной рукой скрутил...

Вот вам интеллигент с дипломом – дурак и начальник с дипломом – дурак... Два дурака, да?..

А вы поменяйте их местами... А вы не думали об этом... А вы подумайте.

Одесса

Итак, Одесса для тех, кто ее не знает и не хочет знать. Довольно красивый город на нашем Юге и чьем-то Севере. На берегу Черного моря, трехтысячный юбилей которого мы недавно отмечали.

Обычно очень жаркий август, когда мы по ночам обливаемся потом, а серая морская вода не охлаждает, а засаливает.

Дачи здесь маленькие – квартиры без крыш. Засыпаешь один, просыпаешься впятером. Жуют здесь все и всегда – семечки, креветки, копченую рыбку, раков, виноград. Лучшие в стране рты не закрываются ни на секунду: хрумкают, лузгают, щелкают, посапывают, слушают ртом. Рты прекрасные – смесь украинской, русской, греческой и еврейской породы.

Девушки весной хороши, как кукурузные початки молочно-восковой спелости. Летом еще лучше: стройные, упругие, покрытые горячим загаром и легкой степной пылью. Идти за ними невозможно. Хочется укусить и есть их. От красоты у них скверные характеры, а в глазах коварство.

– Миша, уже есть шесть часов?

– Нет, а что?

– Ничего, мне нужно семь.

Вообще, женщин умных не бывает. Есть прелесть какие глупенькие и ужас какие дуры. Но с нашими горя не оберешься. Большое количество бросило меня, кое-кого бросил я, о чем жалею. Правда, мне пятьдесят, и жалеть осталось недолго.

Итак, лучший месяц август – дикая жара. Если в залив вошел косяк, рыбой пахнут все – никого нельзя поцеловать.

Вся жизнь на берегу моря: там жарят, варят и кричат на детей.

Для постороннего уха – в Одессе непрерывно острят, но это не юмор, это такое состояние от жары и крикливости.

Писателей в Одессе много, потому что ничего не надо сочинять. Чтоб написать рассказ, надо открыть окно и записывать.

– Сема, иди домой, иди домой, иди домой!

– Он взял в жены Розу с верандой и горячей водой...

– Почему у вас семечки по двадцать копеек, а у всех десять?

– Потому что двадцать больше.

– Чем вы гладите тонкое женское белье?

– А вы чем гладите тонкое женское белье?

– Рукой.

Они не подозревают, что они острят, и не надо им говорить, не то они станут этим зарабатывать, у них выпадут волосы, вместо того чтоб говорить, они будут прислушиваться, записывать, а потом читать по бумаге.

Старички сидят на скамейках у ворот с выражением лица: «Стой! Кто идет?!» Когда вы возвращаетесь к себе с дамой, вы покрываетесь потом и не знаете, чем ее прикрыть. Весь двор замолкает, слышен только ваш натужный голос:

– Вот здесь я живу, Юленька.

А какой-то только что родившийся ребенок обязательно ляпнет: «Дядя Миса, только сто вчерасняя тетя приходила».

Когда вы выходите, двор замолкает окончательно и кто-то – шепотом, от которого волосы шевелятся: «Вот эта уже получше».

Здесь безумно любят сводить, сватать, настаивать и, поживив, разбежаться. Отсюда дети.

Худой ребенок считается больным. Его будут кормить все, как слона в зоопарке, пока у него не появятся женские бедра, одышка и скорость упадет до нуля. Теперь он здоров.

Одесса давно и постоянно экспортирует в другие города и страны писателей, художников, музыкантов и шахматистов. Физики и математики получаются хуже, хотя отец нашей космонавтики Королев – одессит.

Но Бабель, Ильф и Петров, Катаев, Ойстрах, Гилельс – все мои родственники. Мечников и еще куча великих людей. А я до того необразован, что сам пишу эпиграф и произведение к нему. Ужас.

Со времен Бабеля и до сих пор в детей вкладывают все надежды. Раньше на крошечное болезненное существо вешали скрипку, теперь вешают коньки, шахматы или морской бинокль. И хотя он не больше сифона с газированной водой, он уже бьет ножкой в такт и такой задумчивый, что его уже можно женить.

Август у нас лучший месяц в году, но сентябрь лучше августа. Начинается учебный год, пляжи пустеют, на берегу те, кто работает, но ничего не делает, а таких довольно много. По вечерам прохладно и целуются в малолитражке «Фиат», куда целиком не помещаются, и мужа можно узнать по стоптанным каблукам.

В октябре вы лежите на берегу один. Правда, и вода холодная, градусов двенадцать.

Я спросил старичка, что купался: «Вы что, не мерзнете?»

– Почему? – ответил он.

Зима в Одессе странная. Дождь сменяется морозом, образуя дикую красоту! Стоят стеклянные деревья, висят стеклянные провода, земля покрыта стеклянными дорогами и тротуарами. Машины и люди жужжат, как мухи на липкой бумаге. Если она неподвижна, значит, едет вверх; если едет вниз, значит, тормозит. Ушибы, переломы, носки, надетые поверх сапог, – очень красивая зима.

Город компактный. Пешком – за полчаса от железнодорожного до морского вокзала. Главная улица – Дерибасовская. Если спросить, как туда пройти, могут разорвать, потому что объясняют руками, слов «налево» и «направо» не употребляют. Пойдете туда, потом туда, завернете туда, сюда – туда, туда – сюда... Спрашивающий сходит с ума, пока кто-то не скажет – вон она.

– Где?

– Вон!

– Где?

– Вон, вон и т. д.

Одесситка, у которой руки заняты ребенком, ничего не может рассказать.

Почему здесь рождается столько талантов, не могут понять ни сами жители, ни муниципалитет. Только время от времени его уговаривают назвать улицу именем кого-то. Построены огромные новые районы, но там дома стоят отдельно, и там жить неинтересно. Интересно в старых дворах, где стеклянные галереи и все живут как в аквариуме и даже подсвечены лампочками, поэтому я не женат.

Мужчины в этом городе играют незначительную роль и довольны всем происходящим. Ну-ка, давайте откроем окно:

– Скажите, этот трамвай идет к вокзалу?

– Идет, но сейчас он движется в обратную сторону – хоть сядьте туда лицом.

Вот это мой двор. В Одессе не говорят: «Мой дом. Мой двор». Как вернулись после войны, так с 45-го года здесь живем с мамой. Художники из Одессы уезжают. Ее надо заканчивать, как школу. Все жизненные пути одесситов упираются в море. Дальше начинается другая жизнь, другая компания, другая страна.

Холера в Одессе

Вам передают привет наши родственники, знакомые, знакомые наших знакомых, а это уже вся Одесса, из которой мы часто выезжаем и редко возвращаемся...

Как приятно после долгой поездки вернуться домой, войти в родной двор, увидеть родное АГВ, услышать родное КВН. И утром сквозь сон слышать голос соседки:

– Мадам Жванецкая, ваш Миша вернулся?..

– Да... Он еще спит.

– Я же говорила... Это все детство – он будет человеком... это все детство. Кстати, у меня есть девочка. Мне кажется, она ему подойдет.

– Я уже не знаю, кто ему подойдет.

– Она ему точно подойдет. Она любому подойдет. Только сначала мы должны туда подойти.

– Я уже не знаю, у него нет времени для личной жизни.

– У нее фигура. Я такой фигуры не видела. Таких фигур сейчас нет вообще! А умница!.. Пишет, пишет, все время что-то пишет. Что она пишет?.. Когда ни войдешь, она пишет... Папа профессор, мама профессор, брат профессор.

– Профессор или провизор?

– Провизор. Таких семей нет вообще.

Я уезжаю и возвращаюсь, а двор наш не меняется, только жители тихонько стареют. И соседу напротив все трудней подниматься на бельэтаж. И дворничихе, которая развешивает кучу белья каждое утро, труднее подпрыгивать, чтобы отщипывать его. И моей маме трудно уже ездить в аэропорт, и она встречает меня дома. А кого-то уже нет во дворе. Да и я, как бы далеко ни заезжал, вопреки всем законам Эйнштейна старею также. Мой двор, куда мы приехали сразу в 45-м, где мы знаем друг друга как муж и жена, где жаркими ночами лежим на своих верандах и переговариваемся, где утром выскакивает намыленный жилец второго этажа и кричит вниз:

– Даша, закройте воду: мне нечем смыть!

– А я что, по-вашему, я тоже в мыле. У меня дети в мыле... В общем, я крикну – вы откроете. Вы крикнете – я закрою.

Двор, где ничего нельзя удержать в секрете:

– Что вы несете, Гриша, в одеяле с женой? Что-то тяжелое, квадратное, похожее на телевизор?

– Телевизор.

– Если мне не изменяет зрение, вы недавно покупали один телевизор.

– Этот нам подарил сын.

– Какой сын, когда он вам подарил, что вы рассказываете, противно слушать?! Надежда Тимофеевна, что это у вас в руках такое круглое?

– Это левая краска, занесли во двор.

– Какая это краска?

– Я вам говорю, левая.

– Я понимаю, левая, но она же имеет цвет.

– Левое бордо.

– Что вы будете красить?

– Плинтуса и наличники.

– Я тоже хочу.

– Идите к Даше. Там уже сидит продавец.

Мой двор, жители которого с восьми утра учителя, врачи, канатчики, столяры, а в пять они снова – тетя Рита, дядя Коля, баба Даша.

– С приездом, Миша. Откуда?

– Из Ленинграда.

– Тянет в Одессу... Слушай, тут слух идет... Неужели это правда? Такой человек... Это правда?

– Это неправда.

– Я же говорю: такой человек. Конечно, это неправда... А что с командой КВН? Команда грустит?..

– Нет.

– Конечно, нет. Грустить из-за Баку? Терять здоровье из-за Баку?! Таких Баку еще будет и будет, а Одесса требует жизни... Что ты смеёшься? Я не прав?

– Ты прав.

Из Одессы можно выезжать, можно уехать навсегда, но сюда нельзя не вернуться. Здесь, когда доходит до дела, все моряки, все рыбаки, все врачи и все больные... И когда была холера, в Одессе стало еще лучше.

Холера в Одессе. Курортники в панике покинули гостеприимный город. На крышах вагонов битком, купе забиты, а в городе стало тихо: холера в Одессе... В ресторане свободно: «Заходите, рекомендуем...» В магазинах от вашего появления начинается здоровая суeta. В трамвае вы могли уступить место женщине без опасения, что на него тут же ринется быстрый конкурент. Холера в Одессе!.. В городе стало так чисто, что можно было лежать на асфальте. На улицах появились растерянные такси с зелеными огоньками, чего не наблюдалось с 13-го года.

И стаканы в забегах вымыты, и трубы все исправлены, и туалетники в порядке, и личики у всех чистые, и мы моем ручки до еды и после еды, и кипятком, и чистим, и пьем тетрацилин, и вежливы... Вся холера стоит той вежливости, которая появилась тогда в Одессе. А анализы, как они сближают...

Конечно, холеру быстро ликвидировали, но то хорошее, что принесла холера с собой, могло бы и остаться. То, что есть в людях, но проявляется в трудную минуту. Забота. Сплочение.

Мы – одесситы! Один коллектив, одна семья, одна компания! Мы живем в одном доме, и лозунг наших врачей – «чистые руки» – пусть будет перед глазами в прямом и переносном смысле. Чистые руки, чистая совесть, чистые глаза перед людьми... В общем, вам передают привет наши родственники, знакомые, знакомые наших знакомых, то есть вся Одесса, где нас девятьсот восемьдесят тысяч и девять человек в театре миниатюр, от имени которого говорим мы, от имени которых говорю я. И чтоб мы были все здоровы, и побыстрее, потому что летом нас будет девятьсот восемьдесят тысяч и, наверное, миллион приезжих, чтоб они были наконец здоровы и мы тоже, хотя нам это трудней. Они у нас отдыхают, а мы тут каждый день.

Но кто об этом говорит, когда речь идет о гостеприимстве, а в этом вопросе Одесса приближается к Грузии, удаляясь от Ирана... Мы приветствуем вас, желаем вам счастья, трудов, забот, побед и крепкого здоровья, тьфу, тьфу, тьфу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.